

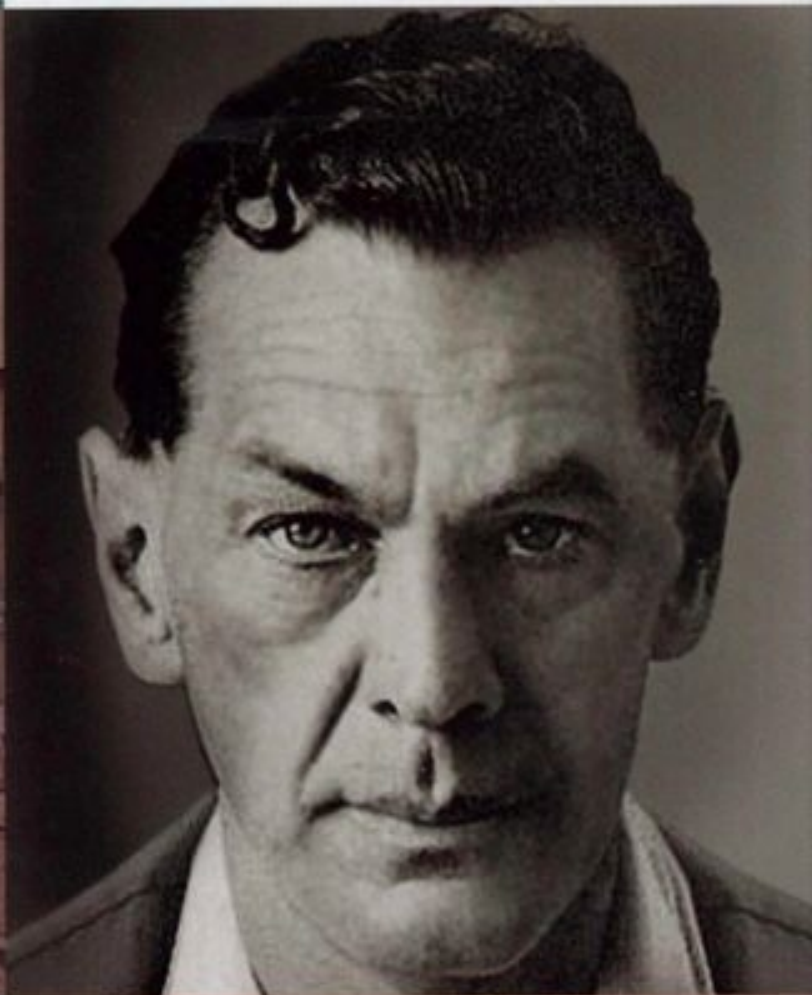
РИХАРД ЗОРГЕ

В. Кондрашов

ЖЗЛ

РИХАРД ЗОРГЕ

Вячеслав
Кондрашов

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

Уникальный, всесторонне развитый человек, блестящий журналист и аналитик, Рихард Зорге стал одним из выдающихся разведчиков в мировой истории спецслужб: более одиннадцати лет он работал за рубежом — в Китае, а затем в Японии, добывая уникальную разведывательную информацию. Деятельность возглавляемой им резидентуры в послевоенное время изучалась многими иностранными спецслужбами и была оценена очень высоко. Однако личность разведчика до сих пор не свободна от различных домыслов и легенд, большинство которых не всегда соответствует действительности. Автор данной книги, доктор исторических наук, используя недавно рассекреченные документы Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС России, показывает сложнейшую работу нелегального резидента Рихарда Зорге, действовавшего под оперативным псевдонимом Рамзай, и более полно раскрывает образ и величие подвига одного из самых результативных советских военных разведчиков.

- [Вячеслав Кондрашов](#)

- - [ЗОРГЕ ПРИХОДИТ В ВОЕННУЮ РАЗВЕДКУ](#)
  - [ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ — КОМАНДИРОВКА В КИТАЙ](#)
  - [ПОДГОТОВКА К НОВОЙ КОМАНДИРОВКЕ](#)
  - [ЯПОНИЯ: ПЕРВЫЕ УСПЕХИ](#)
  - [«ВАША ИНФОРМАЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ЦЕННАЯ...»](#)
  - [НЕСМОТРЯ НА СЛОЖНЫЕ УСЛОВИЯ, РАБОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ](#)
  - [РЕШАЮЩИЕ ИСПЫТАНИЯ РЕЗИДЕНТУРЫ «РАМЗАЙ»](#)
  - [БОРОТЬСЯ ДО КОНЦА](#)
  - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
  - [Основные даты жизни и деятельности Рихарда Зорге](#)
  - [Литература](#)
  - [Фотоиллюстрации](#)
-

Вячеслав Кондрашов
РИХАРД ЗОРГЕ

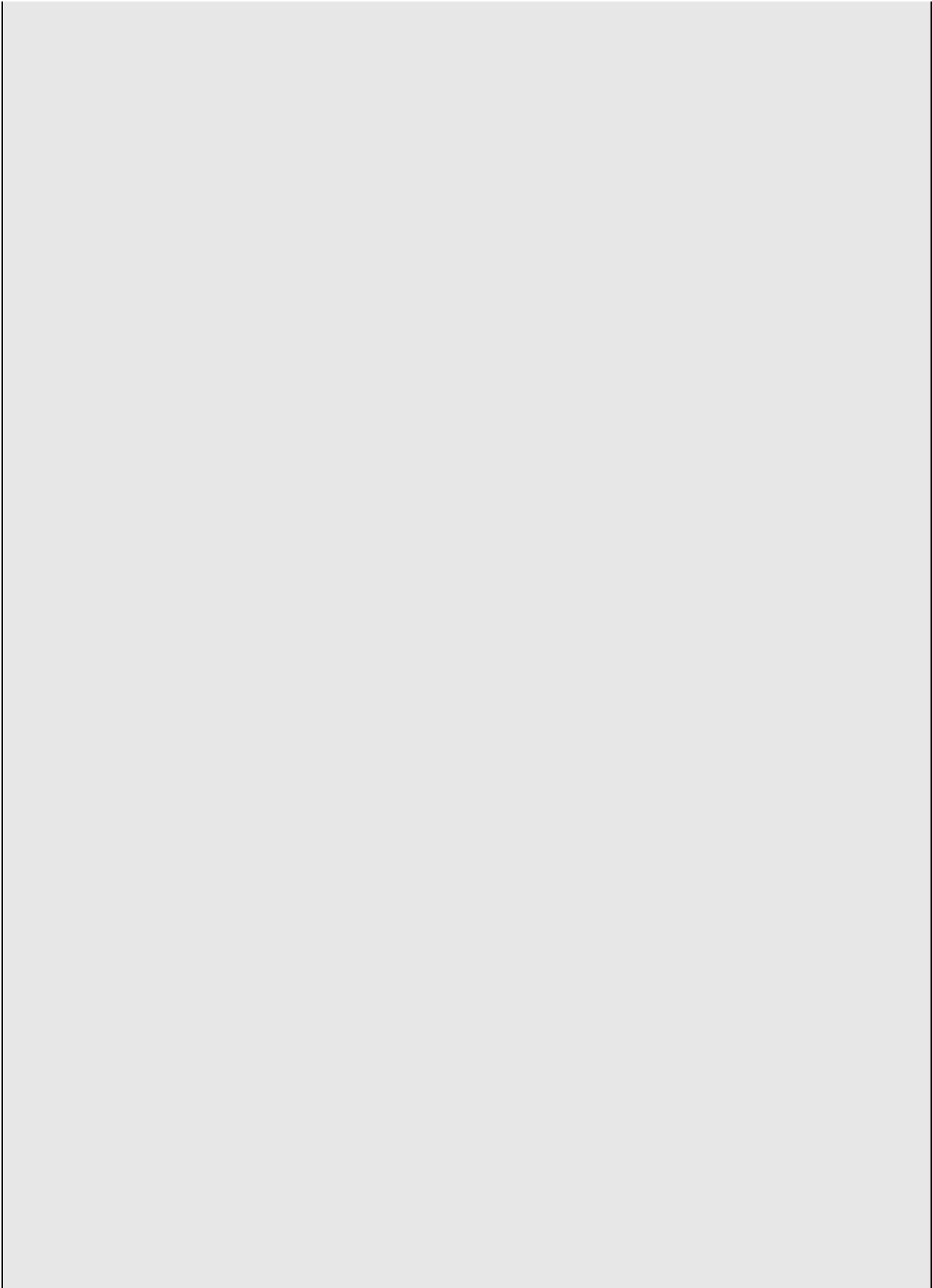
ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
110

Вячеслав Кондрашов

РИХАРД ЗОРГЕ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2017

ВВЕДЕНИЕ

О Рихарде Зорге написано много книг, статей, других публикаций как в нашей стране, так и за рубежом. Это был уникальный и всесторонне развитый человек: он блестяще проявил себя как талантливый журналист, ученый-исследователь, аналитик, партийный работник. Но в историю Зорге вошел как величайший разведчик: более одиннадцати лет в качестве нелегала он работал за рубежом в интересах Разведывательного управления Красной армии, обеспечивая военную безопасность Советского государства.

Все, что связано с агентурной разведкой, всегда вызывает интерес у читателей. Однако в ряде публикаций деятельность разведчиков показана поверхностно: успешные вербовки, уход от слежки и погони, рестораны, красивые женщины и т. п., но только профессионалы знают, насколько трудна разведывательная работа. Успеха в ней добиваются не всегда и не везде, нередко ошибки, неудачи и провалы. Чтобы добиться требуемых результатов, разведчик должен много знать и уметь, а также обладать соответствующими личными качествами.

Один из дореволюционных отечественных теоретиков военной разведки генерал В. Н. Клембовский, чьи труды не потеряли своего значения до настоящего времени, отмечал: «От всех вообще агентов требуется: добросовестность, верность, наблюдательность, хитрость и умственное развитие, умение играть не только одну известную роль, но и проявлять находчивость во всяком положении, не допускающую потерянности и отчаяния; знание языка, культуры и обычаев населения той страны, где им приходится работать; наконец, общительность и умение располагать людей в свою пользу. Тот, кто умеет завоевать доверие и уважение местных высокопоставленных лиц, будет получать сведения верные и подчас чрезвычайно важные. В военное время сверх указанного требуется большая смелость, храбрость, хладнокровие, твердость воли и еще большая способность увлекаться взятой на себя ролью так, что играть ее даже наедине с самим собою...»

Практически всеми этими качествами обладал Рихард Зорге. Его также отличали уверенность в нужности того, что он делал, преданность и стремление помочь Советскому Союзу, патриотом которого он являлся. Немецкий коммунист, нашедший в СССР вторую Родину, считал свою

работу в разведке Красной армии продолжением классовой борьбы против агрессивных империалистических сил.

Сочетание личных и профессиональных качеств, полученных в ходе подготовки в Разведывательном управлении, высокой идеологической мотивации позволили Рихарду Зорге добиться выдающихся результатов в разведывательной деятельности. Он руководил нелегальными резидентурами в Китае, а затем в Японии, добывавшими уникальную разведывательную информацию, которая помогала руководству страны и военному командованию принимать обоснованные политические и военно-стратегические решения в сложные исторические периоды.

Рихард Зорге стал одним из выдающихся разведчиков в мировой истории спецслужб. Возглавляя резидентуры в крайне сложных для работы странах, Зорге успешно руководил агентурными сетями, лично вел вербовочную работу и собирал важную разведывательную информацию, анализировал ее и готовил в Центр донесения. Организация работы резидентур, руководимых Зорге, в послевоенное время изучалась многими иностранными спецслужбами и была оценена очень высоко.

Особое внимание вызвала деятельность Рихарда Зорге в Японии, считавшейся страной, в которой было чрезвычайно трудно работать иностранным разведкам. Традиционная национальная изолированность, хорошо налаженный полицейский сыск, относительно небольшое количество иностранцев, проживающих или прибывающих на японскую территорию, тотальный контроль за ними — все это, по оценкам многих специалистов по истории спецслужб, делало практически невозможным выполнение разведывательных задач в этой стране. Резидентура, руководимая Зорге, проработала в Японии более восьми лет, имела на связи большое количество агентов, вела интенсивный радиообмен с Центром, а также поддерживала связь с Москвой через связников и курьеров. Когда об этом узнали на Западе, это настолько поразило руководство американских спецслужб, что они не удержались от следующих оценок.

Джон Гувер, руководитель ФБР: «Пожалуй, наиболее успешной из всех шпионских операций Второй мировой войны стала деятельность в Японии разведывательной группы под руководством немецкого коммуниста д-ра Зорге».

Аллен Даллес, глава ЦРУ: «Основным достижением группы Зорге было предоставление Сталину в середине 1941 года определенных доказательств, что японцы не имели намерений нападать на Советский Союз и концентрировали свои усилия против Юго-Восточной Азии в районе Тихого океана, то есть затевали тактику Пёрл-Харбора. Эта

информация была равноценна многим диверсиям...»

Генерал Чарлз Уиллоуби, начальник штаба разведки ВС США в Тихоокеанской зоне: «Перед самым нападением Японии на Перл-Харбор в Токио было обнаружено и обезврежено мощное кольцо советских разведчиков. Группа, руководимая блестящим, изобретательным Рихардом Зорге, совершала поистине чудеса. В течение восьми лет она действовала смело, решительно и успешно, работая на свою духовную родину — Советский Союз. Начав буквально на пустом месте, в стране, о которой он имел самое смутное представление, Зорге сумел создать самую блистательную организацию, которую только знала история японской разведки».

Схожие оценки деятельности Зорге давались французскими авторами «Всемирной истории разведывательных служб», итальянскими и многими другими специалистами по истории мировых разведок. Несомненно, что при подготовке таких оценок учитывались негативные результаты деятельности в годы Второй мировой войны разведслужб США и Великобритании, которые практически ничего не знали о происходящем в Токио, решениях правительства и военного командования японской армии. В результате произошло внезапное нападение на базу ВМС США в Пёрл-Харборе, а англичане потеряли Сингапур, чей гарнизон, не зная обстановки, не стал сражаться и сдался в плен японцам, хотя по численности намного превышал нападавших.

Разведывательная деятельность Рихарда Зорге до настоящего времени связана с различными мифами и легендами. В жизни этого неординарного человека происходили разные события, в том числе связанные с тяжелыми для страны 1937–1938 годами, но большинство из этих мифов не соответствует действительности.

При написании этой книги автор использовал ряд недавно открытых документов Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС России, что дает возможность показать многогранную работу нелегального резидента Рихарда Зорге, действовавшего под оперативным псевдонимом Рамзай, в конкретных условиях обстановки того времени, значение добывавшейся им информации. Это позволит более полно раскрыть образ и величие подвига Рихарда Зорге — одного из самых результативных советских военных разведчиков.

ЗОРГЕ ПРИХОДИТ В ВОЕННУЮ РАЗВЕДКУ

Осенним дождливым днем Рихард Зорге шел по одной из улиц в центральной части Москвы. Он направлялся к Большому Знаменскому переулку, где в доме 19 у него должна была состояться важная встреча с начальником IV управления Штаба РККА Яном Карловичем Берзиным. Рихард много ждал от беседы с руководителем военной разведки Красной армии и не исключал, что произойдет новый поворот в его жизни и он станет заниматься другой, новой для него деятельностью.

В свои 34 года Зорге уже приходилось переживать подобные события. У него была необычная биография. Он родился 4 октября 1895 года в поселке Сабунчи недалеко от Баку. Его отец Густав Вильгельм Рихард Зорге был прусским подданным и приехал в Российскую империю для работы на нефтепромыслах. Он занимался буровой техникой и был специалистом по глубокому бурению. Здесь он женился на русской девушке Нине Кобелевой, которая была круглой сиротой и воспитывалась в приюте. Маленький Рихард, это имя дал ему отец, стал четвертым сыном в большой семье, в которой насчитывалось десять детей. Они жили в достатке, в большом двухэтажном доме, старший Зорге много работал и получал хорошее жалованье.

В 1898 году семья переехала в Германию, где Зорге-старший купил дом в пригороде Берлина и получил высокооплачиваемую должность директора одного из немецких банков. Семья не имела материальных проблем, вела спокойную жизнь обычных немецких буржуа. Отец хотел воспитать детей как добропорядочных немцев, привить им пунктуальность, практицизм и коммерческую предприимчивость, а мать стремилась вложить в них частицу русской души.

Рихард хорошо помнил свое детство. В раннем возрасте он был упрямым и нередко капризным ребенком. В школе его часто ругали за недисциплинированность. Учился он неровно, любил историю и литературу, но по другим предметам получал довольно низкие оценки. В реальном училище, где Зорге завершал курс школьного обучения, придерживались прусской системы образования, и преподаватели почти военной муштрой вырабатывали у учеников абсолютное послушание. Рихард всегда противился этому.

В старших классах Рихард стал учиться лучше, пристрастился к чтению, ему стала нравиться философия. На столе у него лежали книги Гёте, Шиллера, Лессинга, Клопштока, Данте, которые он с удовольствием перечитывал. Он начал изучать труды Канта, хотя и не все понимал в них. Интерес подростка также вызывала история, особенно периоды французской революции, войн Наполеона и эпохи Бисмарка в Германии. Рихард пытался разобраться в текущей политической ситуации в своей стране, что у него получалось неплохо. В итоге он знал социальные и политические проблемы Германии намного лучше, чем многие взрослые люди. Одноклассники даже стали называть его премьером.

Приближался выпуск из училища, и юный Зорге задумывался о своем будущем. Он намеревался серьезно заняться наукой. В начале XX века немецкие университеты считались одними из лучших в мире. Ученые из многих стран хотели работать в них, публиковать свои труды, так как большинство наиболее престижных научных журналов выходило в Германии. Рихард знал, что в его стране в последнее время стали формироваться национальные школы политических исследований, что особенно привлекало его. Поэтому в ближайшие планы выпускника школы входило поступление в один из университетов.

Однако в это время в мире произошли драматические события, приведшие к началу Первой мировой войны. В Германии под влиянием правительственной пропаганды начался невиданный ранее патриотический подъем, охвативший практически все слои населения. Немецкая пресса изображала свою страну как миролюбивую, слабую и беззащитную, на которую готовились напасть агрессивные и вооруженные до зубов соседи. Поэтому война против Франции, Англии и царской России являлась единственным и вынужденным выходом, чтобы сохранить свое национальное государство. В стране усилились националистические настроения, многие немцы считали, что война будет «очищающим закаливанием для нации». Все эти идеи разделялись большей частью населения Германии, в том числе учащимися школ и студенчеством, которые поддерживали милитаристские настроения и военную борьбу с «врагами рейха».

Восемнадцатилетний Рихард также попал под влияние шовинистической пропаганды. Не посоветовавшись с матерью (отец умер в 1911 году), не окончив школу и не сдав выпускные экзамены, в октябре 1914 года он пошел на призывной пункт и подал заявление о вступлении в кайзеровскую армию в качестве добровольца. Это стало первым самостоятельным шагом в его жизни, на который он пошел, чтобы помочь

своей стране отразить нападение врагов. Он также желал освободиться от надоевшей ему школьной муштры и приобрести новый жизненный опыт. Кроме того, его, как и всякого молодого человека, влекла романтика военных подвигов на полях сражений.

Добровольца направили в дислоцировавшийся недалеко от Берлина запасный батальон 91-го пехотного полка, где в течение неполных шести недель он прошел первичную военную подготовку. Опытные фельдфебели готовили рекрутов к боевым действиям, но бывшие школьники, как и Зорге, добровольно стремившиеся на фронт, не успели за этот срок освоить даже азы военного дела. Германское командование не готовилось к длительной войне, надеясь упредить противника в развертывании ударных группировок, которые должны были быстро разгромить врага. Поэтому наспех обученных держать в руках оружие немецких солдат сразу бросали в самую гущу сражений.

Рихард Зорге в составе студенческого батальона 3-го полка полевой артиллерии кайзеровской армии участвовал в приграничных боях на германо-бельгийском фронте, где обе стороны понесли большие потери. Рихарду повезло, что он оказался в артиллерии и ему не пришлось участвовать в массированных атаках германской пехоты, густыми цепями шедшей на пулеметы противника, чтобы выполнить приказ. Но уже летом 1915 года Зорге был в первый раз ранен: позиция, на которой он находился, была обстреляна бельгийской артиллерией, и осколок снаряда попал ему в правое плечо.

Ранение оказалось тяжелым, и молодого солдата отправили на лечение в один из берлинских госпиталей. Лежа на больничной койке, Рихард много думал об увиденном на фронте, обсуждал с другими ранеными прошедшие бои, понесенные потери. Большинство из них находились в тяжелом психологическом состоянии из-за пережитого на полях сражений. Раненые вели в госпитале долгие разговоры о смысле и цели происходящей войны и оправданности понесенных потерь. Однако большинство из них считали, что нужно продолжать сражаться, чтобы враги не смогли уничтожить немецкое государство. Зорге хорошо помнил, что он в то время полностью разделял эти националистические убеждения.

После госпиталя ему был предоставлен продолжительный отпуск по ранению. Рихард посетил родных, пообщался с матерью и сестрами, обошел знакомые места в Берлине. Столица Германии, находившаяся далеко от фронта, практически не изменилась, но о войне напоминало многое — выставленная в публичных местах трофейная боевая техника, патриотические разговоры, вошедший в моду мышино-серый цвет одежды

у гуляющей на улицах публики. Но было видно, что того воодушевления, которое отмечалось сразу после начала войны, становилось меньше. Начались проблемы с продовольствием, горожанам выделялся скудный паек, многие переходили на «брюквенную диету», так как этот продукт пока не подлежал нормированию. Основные виды продуктов можно было приобрести втридорога только у спекулянтов. Молодой солдат увидел еще одну сторону войны.

Рихард воспользовался отпуском, чтобы сдать выпускные экзамены в реальном училище. Ему, как фронтовику, пошли навстречу, приняли экзамены и выдали свидетельство о завершении учебы, несмотря на то что он пропустил десятый класс, так как находился в действующей армии. Наиболее высокие оценки ему были выставлены по истории, географии, математике, физике и химии. Затем он сдал вступительные экзамены в Берлинский университет на медицинский факультет. На этот шаг он пошел под влиянием увиденных страданий раненых немецких солдат и самоотверженной работы врачей. Однако уже после нескольких занятий понял, что его не привлекает профессия медика, и ушел с факультета.

Вместо медицины девятнадцатилетний фронтовик занялся изучением политической ситуации в Германии, сложившейся после начала Первой мировой войны, но вскоре понял, что время для занятий наукой еще не пришло, что его место на фронте. Не завершив курса реабилитации, Рихард вернулся в свою часть и вновь оказался в боевой обстановке. На его погонах появились ефрейторские нашивки за храбрость. Артиллерийский полк был переброшен на Восточный фронт и участвовал в наступлении германо-австрийских войск в Галиции. Рихард помнил, что он родился в России, он питал к ней теплые чувства, но должен был воевать против российской армии как обычный немецкий солдат. Позиции батареи неоднократно подвергались интенсивным артиллерийским обстрелам, и уже через две недели после возвращения на фронт он получил очередное ранение от разорвавшегося рядом русского снаряда.

В феврале 1916 года Рихард вновь оказался в берлинском госпитале. Бесстрашное поведение на фронте и умелые действия молодого артиллериста были оценены командованием: Зорге произвели в унтер-офицеры и наградили за храбрость Железным крестом II степени, что являлось высокой военной наградой в кайзеровской армии. Находясь в Берлине, Рихард видел, что ситуация в стране ухудшается. Проблемы с продовольствием, поражения и большие потери на фронте рождали у населения страх и чувство безысходности.

Одновременно в стране активизировались различные политические

силы, предлагавшие свои пути выхода из создавшегося тяжелого положения, в котором оказалась Германия. Группировки консервативного и националистического толка вели активную пропаганду, чтобы поднять моральный дух солдат и побудить их и далее сражаться для достижения «справедливых» целей Германии в войне. Партии и организации левого толка лишь критиковали руководство страны за неправильную политику, но ничего конкретного не предлагали. Рихард пытался разобраться в особенностях позиций различных политических сил, но у него не хватало для этого знаний и информации.

После излечения Зорге возвратился в свою часть. Его артиллерийский полк находился уже на Западном фронте и участвовал в сражении под Верденом, где германские и французские войска сошлись в решающем сражении. В ходе одного из боев, находясь со своими солдатами на переднем крае и уточняя расположение целей противника, он снова был ранен, потерял сознание и трое суток пролежал под колючей проволокой, пока его не вытащили санитары.

Третье ранение оказалось самым тяжелым: два осколка перебили плечевую кость, а один сильно повредил колено. Зорге отправили в госпиталь в Кёнигсберг, там он долгое время находился на излечении, перенес несколько операций. Раны удалось залечить, осталась легкая хромота из-за ранения колена. В январе 1918 года по решению медицинской комиссии он был комиссован из армии. Так завершилась военная карьера Зорге, которую он вспоминал в течение всей последующей жизни. Пережитое им в солдатских окопах, жертвы, человеческие страдания и трагедии, свидетелем которых он был, не могли не привести к глубокому душевному перелому.

Еще в кёнигсбергском госпитале Рихард стал активно интересоваться политической обстановкой в Германии, читал документы и программы различных партий, узнал о революционном движении в Германии, существовании радикальных социал-демократов, ознакомился с основами коммунистической идеологии, получил первое впечатление о марксизме и его учении. Особый интерес фронтовика вызвали взгляды В. И. Ленина на характер ведущейся империалистической войны.

Зорге заинтересовало марксистское учение, он думал, что оно поможет ему найти ответы на те вопросы, о которых он думал на фронте и на госпитальных койках. Рихард уже давно понял, что мировая война бессмысленна и приводит только к разрухе и огромным жертвам. Она крайне негативно сказалась на Германии, которая явно приближалась к своему краху. Ситуация на фронте была далека от достижения победы,

экономика страны лежала в руинах, правящие круги находились в растерянности, не зная, что делать дальше. В идеологии царил застой, одновременно активизировались клерикальные круги, призывавшие вернуться в романо-католицизм, стали культивироваться антисемитские и крайне националистические настроения. Но никто не мог предложить пути выхода страны из кризиса.

На этом фоне выделялась новая марксистская идеология, которой руководствовалось революционное рабочее движение во многих странах, в том числе и находящихся по разные стороны линии фронта. Появившиеся в различных государствах марксистские партии стремились устранить политические и экономические причины империалистической войны, построить новое общество.

Вернувшись в Берлин, Зорге поступил на факультет философии и государственной экономики столичного университета. Он решил получить высшее образование и специализироваться именно на этом направлении. Кроме того, Рихард намеревался детально разобраться в теоретическом фундаменте марксизма, который произвел на него большое впечатление. Зорге прочитал работы Ф. Энгельса, К. Маркса, а также дискуссионные материалы их идейных противников. В течение непродолжительного времени 22-летний фронтовик овладел основами марксистского учения, изучил историю рабочего движения в Германии и других странах.

Работая с архивными документами, он нашел материалы о своем двоюродном деде — Фридрихе Адольфе Зорге, который сотрудничал с Фридрихом Энгельсом, был секретарем I Интернационала. Оказалось, что он вел активную революционную деятельность, участвовал в революции 1848 года в Германии, организовывал восстания горожан и сельских жителей на юго-западе страны.

Всё, что изучил и узнал отставной унтер-офицер, пережитое им на войне, глубокое внутреннее убеждение в несправедливости окружающего мира способствовали принятию важного решения в отношении своей дальнейшей жизни. Рихард решил присоединиться к международному революционному рабочему движению. Молодой немец хотел не только поддерживать его теоретически и идеологически, но и принять в нем самое активное участие, невзирая на все опасности и трудности в условиях кайзеровской Германии.

Между тем жизнь Зорге складывалась непросто. После увольнения из армии он лишился средств к существованию. Семья потеряла прежний достаток, так как отцовское наследство обесценилось из-за инфляции. Кроме того, родные не разделяли революционные настроения Рихарда.

Возникли сложности в учебе, Зорге перестал нравиться философский факультет Берлинского университета, где практически все профессора придерживались консервативных взглядов, что не устраивало студента с левыми убеждениями.

Поэтому Рихард решил перебраться в Киль — промышленный и судостроительный центр Пруссии, где было сильное рабочее движение, а также находился известный во всей Германии университет. Зорге поступил туда, чтобы изучать экономику и социологию. Но главным для Рихарда было практическое участие в работе революционных организаций. Он вступил в Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ), являвшуюся левым крылом немецких социал-демократов, и сразу приступил к активной партийной деятельности. Руководители местного отделения НСДПГ были довольны новым молодым партийцем. Зорге руководил учебным кружком, где преподавал историю рабочего движения, читал лекции об основах социализма в группах, созданных для рабочих порта и местных матросов, выполнял отдельные партийные поручения. Ему нравилась новая жизнь, это было именно то, что он хотел.

В ноябре 1918 года в Киле вспыхнуло вооруженное восстание матросов под антивоенными и социалистическими лозунгами. Для молодого революционера это стало первым серьезным испытанием. Рихард участвовал в демонстрациях и других акциях протеста, вел пропагандистскую работу среди матросов. После подавления восстания продолжил партийную работу в Киле, отвечая за взаимодействие со студенческими социалистическими организациями в городе. Свою революционную деятельность Рихард Зорге совмещал с учебой в университете и проведением там научных исследований, так как его по-прежнему привлекала наука.

Молодому партийцу пришлось столкнуться с более серьезными испытаниями во время Ноябрьского восстания 1919 года. Вооруженные антиправительственные выступления распространились на многие города Германии, включая Берлин. В столице происходили наиболее ожесточенные бои, однако восставшим не хватало сил и оружия. Из разных районов страны им на помощь направлялись группы сторонников революции. В одной из них находился Рихард Зорге, но эти группы прибыли в Берлин, когда восстание уже было подавлено. На вокзале полиция и военные задерживали всех подозрительных лиц. Тех из них, кто имел оружие и отказывался его сдать, расстреливали на месте. Рихард в этих сложных условиях вел себя хладнокровно, но его имя попало в «черные списки» участников восстания.

Зорге исключили из университета за «подрывную деятельность», и он был вынужден покинуть Киль. Он переехал в Гамбург — один из самых крупных городов Германии, известный также как центр рабочего движения на севере страны.

Помимо партийной работы Рихард решил продолжить здесь свою научную деятельность и в качестве соискателя научной степени записался на факультет государства и права в местный университет. Согласно существовавшим в то время в Германии правилам к защите диссертации допускались лица, успешно сдавшие экзамены, а наличие диплома о законченном высшем образовании было необязательным.

При подготовке к защите Рихард блестяще проявил свои качества исследователя и всего через семь месяцев представил ученому совету университета диссертацию, на что другие соискатели, как правило, тратили несколько лет. Его научная работа называлась «Имперские тарифы Центрального банка немецких потребительских обществ». В ней Зорге исследовал и анализировал важные вопросы экономической деятельности немецкого государства в сложившихся условиях. Защита диссертации прошла успешно, и члены совета единогласно решили, что 23-летний соискатель достоин присвоения ученой степени. 8 августа 1919 года Рихард Зорге получил диплом доктора государственно-правовых наук, чем всегда гордился и что помогало ему во всей последующей жизни.

В это же время Рихард занялся журналистикой, которая его очень увлекала. Он писал статьи, затем исполнял обязанности редактора печатного органа НСДПГ «Гамбургер фольксцайтунг». Оказалось, что это интересная творческая работа, которая понравилась молодому ученому. Для написания статьи необходимо было оперативно собрать и проанализировать определенную информацию, обработать ее и написать текст так, чтобы он был интересным для массового читателя. Для этого было необходимо, чтобы автор имел широкий кругозор и был эрудированным человеком. Личные качества Зорге позволили ему добиться успеха и на этом поприще, он работал пером легко, его материалы пользовались популярностью.

Вместе с тем главным в жизни Рихарда оставалась партийно-революционная работа. В среде социал-демократов происходили важные изменения, в НСДПГ набирали силу сторонники коммунистической идеологии и революционных изменений в немецком обществе. Ими была образована внутривнутрипартийная группа «Спартак», которую возглавили Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Затем произошло создание Коммунистической партии Германии, объединившей в своих рядах единомышленников на основе идеологии марксизма-ленинизма,

стремившихся реализовать в Германии то, что удалось осуществить ВКП(б) в России.

Рихард Зорге безоговорочно встал на сторону КППГ и в октябре 1919 года был принят в партию германских коммунистов. Он приступил к выполнению партийных заданий Центрального комитета КППГ, увидевшего в Рихарде опытного, несмотря на молодость, человека, к тому же обладающего знаниями в теории марксизма и желанием выполнять самую трудную и опасную работу. Первоначально нового члена партии направили в Рейнскую область в город Аахен. В этом районе Компартия Германии была запрещена, поэтому прикрытием деятельности Зорге стало его прежнее членство в НСДПГ. Он должен был развернуть пропагандистскую работу среди местных рабочих для привлечения их в коммунистическую партию. Это было трудным заданием, так как в Аахене наиболее сильные позиции в рабочей среде занимали католические политические организации.

Рихард активно включился в выполнение поставленной ему задачи. Он организовал партийную учебу и практически ежедневно вел занятия для молодых рабочих и местных гимназистов, читал лекции в различных аудиториях, встречался с местным партийным активом. В то же время как обладатель докторской степени преподавал на кафедре экономических наук Аахенской Высшей технической школы. Свободного времени у партийного работника практически не было, и полгода на новом месте пролетели незаметно.

В марте 1920 года в Германии произошла попытка военного переворота. Генерал-губернатор Кёнисберга и группа высокопоставленных армейских генералов заявили о взятии власти в свои руки, при поддержке сторонников разогнали правительство и распустили парламент. Отряды путчистов задерживали членов КППГ, НСДПГ и СДПГ под предлогом «борьбы с большевизмом». Левые силы во главе с коммунистами начали борьбу с мятежниками, противодействовали им и вооруженные рабочие дружины. Рихард Зорге активно участвовал в этих событиях и входил в забастовочный комитет в Аахене. Всеобщая забастовка, в которой участвовали 12 миллионов рабочих и служащих Германии, вооруженное сопротивление на местах сорвали планы путчистов, и организаторы переворота были вынуждены покинуть страну.

Однако полиция в дни борьбы с мятежом вела слежку за всеми активистами левых сил, составляя списки «опасных» для государства лиц. В один из них попал функционер компартии Рихард Зорге, что привело к его увольнению из Высшей технической школы Аахена. Он был вынужден

пойти на местную шахту разнорабочим, чтобы зарабатывать на жизнь. Рихард вспоминал, как ему с его тяжелым ранением было тяжело работать под землей. Но он не только выдержал это испытание, но и расширил масштабы своей партийной работы среди шахтеров. На всех шахтах, где трудился молодой партиец, были организованы коммунистические ячейки, появлялись сторонники КППГ.

Полиция и шахтовладельцы обращали особое внимание на странного рабочего со степенью доктора наук и связью с революционным движением. В результате Зорге пришлось уволиться и переехать в город Ремшейд, а затем — в Золинген. В этих городах Рихард не прекращал своей партийной деятельности. Он преподавал в одной из местных школ партучебы, вел марксистские курсы для производственных советов в народном университете, где обучались рабочие, и одновременно являлся консультантом КППГ по правовым вопросам.

В Золингене Рихард вновь с удовольствием окунулся в так понравившуюся ему журналистскую деятельность. Он стал политическим редактором печатного органа КППГ — газеты «Бергише арбайтерштимме» и регулярно готовил для этого издания передовые статьи, и снова каждый выпуск газеты пользовался повышенным вниманием читателей. Статьи на первой полосе, подписанные подлинным именем Рихарда Зорге или псевдонимами «Адомль», «Зонтер», «Хайнце» и «Петцольд», с марксистской точки зрения обличали пороки буржуазии, вскрывали социальные проблемы Германии, призывали рабочих к освобождению от оков капитала. Публикация таких материалов в период политических репрессий в стране требовала и от автора, и от издателя немалого мужества.

В Золингене произошли изменения в личной жизни молодого партийца. Рихард Зорге женился на давно знакомой ему Кристиане Герлах — девушке из состоятельной буржуазной семьи. Высокий, стройный, обаятельный фронтовик всегда привлекал внимание женщин, несмотря на легкую хромоту. Рихард пережил несколько юношеских увлечений, но его первой настоящей любовью стала Кристиана. Помимо сильного чувства их сблизило и то, что молодая женщина была библиотекарем со специальным образованием и хорошо знала произведения многих русских писателей, а Зорге никогда не забывал, что он родился в России, о которой мать рассказывала ему много хорошего.

Кристиана знала о партийной деятельности мужа и была готова разделить с ним все трудности и опасности революционной работы. В конце октября Рихард и Кристиана переехали во Франкфурт-на-Майне. Там

друзья предложили Зорге занять вакантную должность ассистента на факультете социологии Франкфуртского университета, а также работать там внештатным преподавателем. Перед этим Рихард отказался от официального предложения руководства компартии перейти в аппарат КПГ, посчитав, что прежде ему необходимо получить практический опыт работы в низовых партийных звеньях.

Преподавая в университете, Зорге одновременно был членом франкфуртского партийного комитета и отвечал за учебно-пропагандистскую работу. Вскоре ему поручили ответственное задание: вести секретное делопроизводство и обеспечивать конспиративную связь местной организации с ЦК КПГ в Берлине, а также заведовать партийной кассой и обеспечивать безопасное хранение картотеки учетных карточек членов компартии. Эта деятельность требовала повышенной конспирации, так как в это время компартия была запрещена на всей территории Германии. Зорге безупречно выполнял порученную ему работу, и франкфуртское отделение КПГ не имело сбоев и провалов.

Рихард Зорге стал хорошо известен руководству Компартии Германии не только как ответственный партийный работник с ученой степенью и консультант ЦК по правовым вопросам, но и как теоретик и популяризатор марксизма. В 1922 году он написал монографию «“Накопление капитала” Розы Люксембург. С пояснениями для рабочих». Это было серьезное научное исследование, вышедшее в Золингене, в нем автор подвергал критике некоторые ошибочные, как он считал, взгляды известной немецкой коммунистки по принципиальным вопросам марксистской теории. Рихард позже стыдился этой своей работы, считая ее незрелой, но сам факт ее написания 27-летним членом партии показал его научный и исследовательский потенциал. Монография Зорге стала в то время заметным событием. Ее опубликовали не только в Германии, но и в Советском Союзе.

В Германии усиливался экономический кризис, вызванный проигранной войной, потерей зарубежных инвестиций, выплатой огромных репараций. К имеющимся трудностям добавилась инфляция, которая в 1923 году достигла невиданных ранее масштабов. С начала лета до конца ноября денежная масса в стране выросла в 132 тысячи раз, уровень цен — в 850 тысяч раз. Уровень жизни населения, особенно рабочих и других лиц наемного труда, резко снизился. Левые силы Германии решили, что в стране сложилась революционная ситуация, необходимо начать вооруженное восстание и захватить власть.

В октябре 1923 года в ряде городов Германии произошли вооруженные

столкновения армейских подразделений с «пролетарскими сотнями» прокоммунистических сил, была объявлена всеобщая забастовка. Однако из-за отсутствия массовой поддержки населения восстание не состоялось. Полиция и армия начали охоту на функционеров и активистов компартии, был отдан приказ арестовать всех членов руководства КПГ и предать их суду. Проходили массовые задержания рабочих по обвинению в участии в вооруженном мятеже.

В эти сложные для партии дни Зорге стал связным между Эрнстом Тельманом — видным деятелем коммунистического движения Германии — и ЦК КПГ. Рихард неоднократно выезжал в Берлин и другие города Тюрингии и Саксонии, имея при себе партийные документы с важной информацией. Он успешно проходил многочисленные проверки на полицейских контрольных пунктах, освоил систему конспиративных встреч, научился обнаруживать «хвосты» и отрываться от слежки. Компартия находилась на нелегальном положении, и Зорге получил практический опыт работы в этих сложных условиях.

В апреле 1924 года Рихард Зорге принял непосредственное участие в важном партийном мероприятии, произошедшем во Франкфурте-на-Майне. В это время там состоялся 9-й съезд КПГ, на который из СССР прибыла делегация представителей Исполкома Коммунистического интернационала. В нее входили видные члены ВКП(б) О. Куусинен, С. Лозовский, Д. Мануильский и О. Пятницкий. Зорге был не просто делегатом съезда, а по решению ЦК отвечал за безопасность советской делегации.

Съезд Компартии Германии проходил в сложной обстановке. Хотя КПГ добилась от руководства страны восстановления своего легального статуса, все политические собрания и другие массовые мероприятия левых сил по-прежнему находились под запретом. В связи с этим съезд вел свою работу нелегально и советские представители прибыли на него негласно. Рихард должен был сделать все возможное, чтобы гости из Москвы могли жить и работать в нормальных условиях, а полиции не стало известно о их пребывании в Германии.

В целях конспирации члены советской делегации ночевали попеременно в разных местах, в том числе в доме Зорге. Разумеется, не обошлось без долгих серьезных разговоров. Рихард рассказывал гостям о себе, своей работе в Компартии Германии, журналистской деятельности. У него установились тесные отношения с представителями Коминтерна, а тем, в свою очередь, понравился молодой немецкий коммунист, обладавший не только опытом партийной работы в сложных условиях, но и навыками исследователя теории марксизма. Такие люди встречались им за

рубежом нечасто. Д. Мануильский поинтересовался мнением ЦК КПГ о Зорге, и там его характеризовали наилучшим образом. В ходе одной из заключительных бесед глава советской делегации предложил Рихарду переехать в Москву, где его опыт, знания и способности позволят успешно работать в аппарате Исполкома Коминтерна.

Зорге несколько дней думал об этом предложении, которое означало признание его заслуг в революционном движении, но требовало существенного изменения его жизни. Рихард знал, что Коминтерн являлся международной организацией, объединившей коммунистические партии многих стран. В нем разрабатывались стратегия и тактика деятельности международного коммунистического движения, велась работа по развитию теории марксизма-ленинизма. Это вызывало у него большой интерес. В то же время обстановка в Компартии Германии, как видел Зорге, ухудшалась. В ней разворачивалась борьба между различными группировками. Правые оппортунисты и ультралевые боролись друг с другом, а влияние партии среди рабочих снижалось. Революционное движение в Германии явно шло на спад, что очень не нравилось Рихарду, который решил посвятить свою жизнь делу революции.

Поэтому, посоветовавшись с Кристианой, 29-летний немецкий коммунист решил изменить свою жизнь и продолжить революционную деятельность в Москве. Руководство германской Компартии согласилось отпустить его, но предложило сначала выполнить ряд срочных заданий. Рихард, оставаясь в Германии, все больше думал о предстоящей работе в Москве. В августе по партийным каналам пришел официальный запрос из Исполкома Коминтерна, в котором немецкого коммуниста просили подтвердить желание перейти в эту организацию. Отослав положительный ответ и подождав три месяца, Рихард, полностью настроившийся на переезд в СССР, решил еще раз напомнить о себе московским инстанциям.

В начале октября он написал в Исполком Коминтерна письмо, в котором просил прояснить его судьбу, подчеркнув, что с нетерпением ожидает переезда в советскую столицу. Жена Кристиана поможет в упорядочении фондов библиотеки в Институте Маркса и Энгельса, о чем уже достигнута предварительная договоренность. Это послание было оперативно рассмотрено в Москве, и вскоре Исполком принял решение принять Рихарда Зорге референтом по экономическим и политическим вопросам в Информационный отдел ИККИ.

В декабре 1924 года Зорге и его жена прибыли из Берлина в Москву и поселились в гостинице «Люкс» на Тверской улице. Уже на следующий день Рихард направился на новое место работы.

Исполнительный комитет Коммунистического интернационала располагался на улице Моховой недалеко от гостиницы.

Первый рабочий день начался с заполнения анкет. Новый сотрудник назвал себя Sorge Ica Richard, а затем уже на русском указал имя и отчество как Ика Рихардович. Остальные пункты анкеты были заполнены им на немецком языке. Затем по заведенному здесь порядку Рихард в течение нескольких дней ознакомился с материалами по истории и современной работе Коммунистического интернационала и узнал намного больше об этой организации, чем ему было известно в Германии.

К середине 1924 года в Коминтерн входили 46 зарубежных коммунистических и рабочих партий. В это время главным в работе Исполкома Коминтерна было преодоление последствий поражений революционных выступлений в Германии, свидетелем чего явился сам Зорге, других странах и усиление борьбы с оппортунистическими элементами в ряде национальных компартий. Возглавлял ИККИ член политбюро ВКП(б) Г. Зиновьев, однако реально организовывали работу этого органа видные партийные функционеры Советского государства О. Пятницкий, Д. Мануильский, а также известный финский коммунист О. Куусинен. В документах, с которыми ознакомился Зорге, содержались подробные сведения о деятельности аппарата Исполкома Коминтерна, где ему теперь предстояло работать.

Затем состоялась встреча Рихарда с руководителем Информационного отдела С. Гусевым, профессиональным российским революционером, членом большевистской партии с 1896 года. Он рассказал об особенностях работы своего подразделения, очертил круг задач, которые будет необходимо решать новому сотруднику, и пожелал Зорге успехов в работе. Рихард без промедления приступил к выполнению своих служебных обязанностей, заключавшихся в сборе и анализе информации о Германии, а также подготовке на ее основе кратких статей по политическим и экономическим аспектам деятельности немецкого государства. Эти статьи наряду с материалами о других странах еженедельно публиковались в бюллетене, выпускавшемся в отделе и рассылавшемся руководству ИККИ.

На рабочий стол Зорге попадали газеты и журналы, издававшиеся в Германии различными политическими партиями и движениями, печатные материалы из других стран, в которых имелись какие-либо данные о немецком государстве. Знание английского и французского языков помогало новому сотруднику в работе. Свои статьи Рихард писал на немецком языке, затем они переводились на русский и публиковались в бюллетене. Эта работа напоминала Зорге его прежнюю журналистскую

деятельность, поэтому он быстро освоился на новом месте и познакомился с коллегами. В отделе трудилось много зарубежных коммунистов, так же как и Зорге, попавших в Москву по вызову Коминтерна или входивших в представительства своих компартий при ИККИ.

Стала обустриваться повседневная жизнь Зорге в Москве. Он получил советское гражданство, по существовавшей тогда в Коминтерне практике, в марте 1925 года был переведен из членов КППГ в члены Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Хамовническая районная партийная организация Москвы выдала ему партийный билет № 0049927. В его партийной карточке в разделе «профессиональная деятельность» было указано: партийный работник. Рихард стал участвовать в партийной жизни, выполнял отдельные поручения Московского горкома партии. Это помогло ему осваиваться в городе, совершенствовать знание русского языка.

Привыкнуть сразу к новым условиям жизни и российской действительности было непросто, особенно Кристиане. Она работала библиотекарем в Институте марксизма-ленинизма, где ей поручили заниматься переводами с английского языка трудов классиков. Ее лингвистическая подготовка была недостаточной, не получалось и освоение русского языка. Поэтому Зорге раз в неделю водил жену в немецкий клуб в Москве, где собирались коммунисты из Германии, по разным причинам оказавшиеся в Советском Союзе. Постепенно круг общения расширился, в их гостиничном номере все чаще стали появляться гости, допоздна велись беседы и обсуждения злободневных политических вопросов.

Работая в Информационном отделе Исполкома, Зорге много писал. Помимо подготовки материалов для еженедельного бюллетеня он был автором таких печатных органов Коминтерна, как «Коммунистический интернационал» и «Красный интернационал профсоюзов», одновременно публикуясь в теоретическом органе ВКП(б) «Большевик» и журнале «Мировое хозяйство и мировая политика». Только в 1925–1926 годах из-под его пера вышли статьи «Восемь месяцев “стабилизации” мирового хозяйства», «Экономическая депрессия в Германии», «Германская таможенная политика», «Позиция КППГ и тактика единого фронта (между йенским и берлинским партсъездами 1925 года)», «Своеобразный характер возрождающегося германского империализма», «Концентрация и рационализация германской промышленности» и другие.

Навыки ученого-исследователя, высокая профессиональная квалификация доктора наук позволили Зорге написать важную

теоретическую работу «План Дауэса и его последствия». Она была посвящена раскрытию негативных последствий для революционного движения в Европе плана американского политика и крупного финансиста Ч. Дауэса, возглавлявшего союзническую комиссию по репарациям по итогам Первой мировой войны. В работе было показано, что реализация этого плана не только приведет к ограблению немецкого народа, но и неминуемо сделает Германию оплотом контрреволюции в ее борьбе против Советского государства. Эта работа вызвала большой интерес и была издана в Гамбурге.

Однако научные и журналистские успехи не вполне удовлетворяли Зорге. Он помнил о том, что, собираясь в Москву, хотел принимать практическое участие в международной революционной деятельности, быть ближе к задачам, решаемым национальными компартиями в различных странах. В июне 1925 года Рихард обратился в бюро секретариата ИККИ с просьбой перевести его из Информационного отдела в Отдел агитации и пропаганды, который готовил рекомендации зарубежным коммунистическим партиям по ведению пропагандистской деятельности среди рабочих и профсоюзных организаций, а также проведению международных кампаний в интересах рабочего движения.

Руководство Исполкома положительно отнеслось к просьбе нового сотрудника и пошло ему навстречу. В августе 1925 года Зорге назначили на должность референта в секретариате Д. Мануильского, а в январе следующего года он стал инструктором Организационного отдела ИККИ, которым руководил Осип Аронович Пятницкий. Теперь Рихард ежедневно знакомился с материалами, направлявшимися в Коминтерн компартиями ряда европейских стран. В них содержалась информация о внутрипартийных делах, ситуации в левом и рабочем движении, различные просьбы и обращения к руководству Исполкома.

С 1926 года в Исполкоме Коминтерна был введен территориальный подход к работе с зарубежными компартиями. В нем образовали так называемые лендерсекретариаты, по которым распределили всех работавших в нем сотрудников. Зорге привлекли к работе в Скандинавском лендерсекретариате, курировавшем компартии Швеции, Дании, Норвегии и Исландии. Он вместе с другими сотрудниками контролировал выполнение их руководящими органами решений и рекомендаций Исполкома, содержание публикаций партийных печатных органов, а также готовил рекомендации по урегулированию внутренних разногласий, которые, как он узнал, существовали практически во всех компартиях и часто носили весьма острый характер.

В ряде случаев серьезной критике со стороны Исполкома подвергалось руководство компартий, если оно отклонялось от генеральной линии, определенной Коминтерном, или за какие-либо другие ошибки в своей деятельности. Практиковался вызов в Москву провинившихся для «проработки». В 1925 году крайнее недовольство Коминтерна вызвал факт отмены первомайской демонстрации в Швеции из-за сильного дождя. Один из лидеров компартии, вызванный в столицу СССР по этому поводу, получил строгое замечание, свидетелем чего стал Зорге.

В Исполкоме Коминтерна также существовала практика направлять за рубеж наиболее подготовленных и компетентных сотрудников для оказания помощи компартиям на местах, в том числе обучения партийной работе, идеологической подготовке, а также улаживания разногласий. Положительно зарекомендовавший себя в Москве Рихард Зорге был включен в число этих лиц, и в феврале 1927 года Исполком направил его в Скандинавию. Это был первый опыт партийной работы Зорге за рубежом в нелегальных условиях.

На поезде он через Германию прибыл в Данию, где провел встречи с руководством компартии, присутствовал на различных собраниях и конференциях, изучал политические и экономические проблемы страны. Зорге быстро разобрался в ситуации, когда леворадикально настроенные руководители, возглавившие Коммунистическую партию Дании, привели ее к изоляции в стране, оказались не способными возглавить рабочее движение и вести за собой профсоюзы. Внутри партии велась острая межфракционная борьба, которая еще более ослабляла ее позиции.

После Дании Зорге посетил Швецию. Он некоторое время работал в аппарате ЦК Компартии, проверив работу всех отделов, партийной прессы и взаимодействие с традиционно сильными в этой стране профсоюзами. Здесь ему также пришлось разбираться с внутренними партийными проблемами, так как в партии за непродолжительное время произошло два раскола и существовала возможность третьего. Компартия Швеции переживала сложные времена и не имела в стране сильных позиций. После возвращения в Москву посланник Коминтерна подробно информировал руководство Исполкома обо всем увиденном и подготовил рекомендации по улучшению ситуации в двух скандинавских компартиях.

В начале 1928 года Зорге вновь побывал в знакомом ему регионе. Он работал в Дании, а затем отправился в Норвегию, положение в Компартии которой вызывало наибольшую озабоченность Исполкома Коминтерна. В рабочем движении страны существовал раскол, в ней одновременно действовали рабочая, социал-демократическая и коммунистическая партии,

при этом компартия была наиболее слабой в идейном и организационном отношении. Значительная часть ее членов страдала «левой» болезнью и фактически выступала против единства действий рабочего класса.

Рихард Зорге решил уделить особое внимание оказанию практической помощи Компартии Норвегии и еще несколько раз посетил эту страну. При его непосредственном участии был исключен из членов партии один из представителей ее руководства, придерживавшийся правооппортунистической позиции, не отвечавшей линии Коминтерна. Рихард даже обратился в Исполком с просьбой оставить его на партийной работе в Норвегии на продолжительное время. После двухлетней деятельности в аппарате ИККИ в Москве Зорге понял, что его призвание все-таки в том, чтобы находиться в гуще политических событий, практических делах в зарубежных условиях, где, как он считал, мог бы принести больше пользы.

Летом 1928 года Зорге в качестве эксперта по Северной Европе принимал участие в работе VI Всемирного конгресса Коминтерна. На нем с докладом выступил новый председатель Коминтерна Н. Бухарин, сменивший на этом посту Г. Зиновьева. На конгрессе были уточнены задачи международного коммунистического движения, подчеркнута «твердое укрепление коммунистического единства во всем мире». В решениях конгресса отмечалась опасность приближающейся новой империалистической войны, а также прогнозировалось возникновение экономических кризисов, великих классовых боев и новых революций.

Зорге, как и другие участники, позитивно воспринял решения конгресса и принятые на нем документы: программу Коммунистического интернационала и устав Коминтерна. Он с особенным вниманием отнесся к тезисам об опасности новой империалистической войны, так как уже думал об этом, оценивая складывающуюся в Европе обстановку. Однако реальное состояние дел в скандинавских компартиях не во всем совпадало с прозвучавшими на конгрессе оценками потенциала мирового коммунистического движения и его способности влиять на развитие событий в мире. Как понимал Рихард, в полной мере это было справедливым в отношении только Всесоюзной коммунистической партии большевиков — правящей политической партии СССР.

В конце 1928 года в Исполкоме Коминтерна подвели итоги работы Зорге за рубежом и выполнения поставленных ему заданий. Деятельность Рихарда была оценена положительно. Все отчеты о поездках руководство утвердило, получили одобрение большинство его предложений по совершенствованию работы инспектировавшихся им компартий. Вместе с

тем его непосредственное участие во внутрипартийных делах в Норвегии было признано нецелесообразным. По существовавшей практике эмиссар из Москвы должен был только фиксировать недостатки и упущения, не вмешиваясь во внутрипартийную борьбу.

В конечном итоге Рихард Зорге остался в числе лиц, направляемых за рубеж для инспектирования отдельных компартий. В то же время его не включили в состав Отдела международных связей (ОМС) — наиболее важного отдела Коминтерна, сотрудники которого обеспечивали постоянную связь ИККИ с руководством зарубежных компартий. Вместо этого Зорге прикрепили к Западноевропейскому бюро Коминтерна, находившемуся в Берлине в качестве пункта связи ОМС, предназначенного для установления более тесных контактов с компартиями европейских стран.

Почти все свое время Зорге отдавал работе. Если он не находился в зарубежной командировке, то задерживался в Исполкоме допоздна, писал статьи и научные работы. К сожалению, на личную жизнь времени у Рихарда почти не оставалось, а его жена Кристиана так и не смогла приспособиться к жизни в Советском Союзе. В семье начался разлад, и в 1926 году, когда молодая женщина решила вернуться в Германию, Рихард не стал ее удерживать. Официально их брак был расторгнут в 1932 году.

Продолжалась журналистская и исследовательская деятельность Зорге. Используя собранные в ходе поездок по странам Северной Европы материалы, он написал и опубликовал в журнале «Коммунистический Интернационал» статьи «Единство профсоюзов СССР и Скандинавии», «Борьба против принудительного арбитража в Норвегии», «Поворотный пункт в развитии норвежского рабочего движения и КПН», «Задачи норвежской КП в новый период развития (к решениям III партсъезда КПН)», подписав их псевдонимом «Р. Зонтер».

Зорге также подготовил и выпустил в гамбургско-берлинском издательстве книгу «Новый германский империализм». Этот капитальный труд содержал анализ обстановки в Германии, в нем была предсказана опасность прихода к власти нацистов, что неизбежно должно было привести к возникновению военной угрозы в Европе, а также подчеркивалась необходимость сплочения всех революционеров и коммунистов для борьбы против военной опасности. Книга, имевшая большое теоретическое и практическое значение, была также издана в Советском Союзе и Японии.

В начале 1929 года по заданию ИККИ Зорге вновь совершил две зарубежные поездки — в Норвегию и Англию. В это время в ВКП(б)

развернулась борьба с «правым уклоном», в ходе которой И. Сталин резко критиковал Н. Бухарина и его сторонников, что сказалось на судьбе и дальнейшей работе в Коминтерне Рихарда Зорге. Ранее на совещаниях в ИККИ никогда не обсуждались внутривнутрипартийные дела советских коммунистов. Сотрудники аппарата знали из сообщений прессы, в том числе иностранной, о борьбе между Сталиным и Троцким, но она никак не сказывалась на работе ИККИ и его органов.

В конце 1928-го — начале 1929 года Сталин добился снятия Н. Бухарина со всех постов за выступления против высоких темпов индустриализации в ущерб развитию сельского хозяйства и представители руководства ряда зарубежных компартий выступили в его поддержку. В этой связи нападкам стала подвергаться и деятельность Бухарина во главе Коминтерна. Начался поиск его сторонников среди работников аппарата ИККИ, сбор на них различных компрометирующих материалов.

В списки лиц, вызывающих недоверие, попал и Рихард Зорге. Ему в вину ставили излишнюю самостоятельность в суждениях, превышение полномочий при выполнении служебных заданий, а также связи с троцкистскими элементами во время нахождения в Компартии Германии. Однако для предъявления конкретных обвинений этого было недостаточно.

В марте и апреле 1929 года постоянная комиссия секретариата ИККИ дважды обсуждала вопрос о «товарище Зорге», определяя целесообразность его дальнейшей работы в Исполкоме Коминтерна. В августе, с учетом имевшейся на него негативной информации, секретариат решил исключить Зорге из списка работников Западноевропейского бюро и откомандировать его в распоряжение ЦК ВКП(б) и ЦК КП Германии. В то же время Рихард продолжал оставаться на должности референта в секретариате Д. Мануильского, который хорошо знал и ценил его. Окончательное решение о судьбе вызывавших недоверие сотрудников определялось в то время на партийных собраниях в ИККИ.

В октябре 1929 года Рихард Зорге успешно прошел так называемую «чистку» на очередном партсобрании. Выступая на нем, Рихард был вынужден признать некоторые свои «колебания» в отношении «правого уклона». Однако полностью отверг все обвинения в «неправильных» действиях в Компартии Германии, а также заявил о своей активной борьбе в «немецком клубе» против троцкистов. В итоге состоявшегося обсуждения большинство выступавших положительно оценили работу Зорге, и он был признан «заслуживающим доверия». Предложение о его исключении из партии было отклонено, что означало разрешение на продолжение работы в Советском Союзе.

Весь этот период, когда в инстанциях Исполкома Коминтерна решалась его судьба, был чрезвычайно трудным для Рихарда. Он не чувствовал за собой никакой вины, но понимал, что попал в обстоятельства, при которых его участие в мировом революционном движении может закончиться. Его оценка деятельности Коминтерна резко изменилась, он считал, что эта организация часто выдавала желаемое за действительное, преувеличивала значение и возможности многих национальных компартий. Неприятие Зорге вызывали и аппаратные интриги ряда сотрудников Коминтерна, и начавшаяся кампания политических «чисток». Он понимал, что прошло время свободных дискуссий, открытого высказывания своих взглядов и товарищеской критики.

Отлично разбираясь в международной обстановке, Рихард Зорге видел, что в коммунистическом движении наметился спад, поэтому Коминтерн стал терять свое прежнее значение. В то же время ведущие позиции среди мировых прогрессивных сил занимал Советский Союз, и будет более правильным оказывать помощь Советскому государству, что он, Рихард Зорге, сможет делать с учетом полученного им опыта, причем он мог собирать и анализировать информацию не только о положении компартий в отдельных зарубежных странах, но также политическую, экономическую и военную. Это даже больше отвечало его характеру и склонностям, желанию быть в центре событий и решать самые сложные задачи.

Во время своего кратковременного пребывания в Берлине в сентябре 1929 года Зорге встретился с человеком, который, как он знал, работал в одной из разведывательных служб СССР. Рихард подробно рассказал ему о себе и своем желании работать в структуре, обеспечивающей безопасность Советского государства. Он не скрыл от собеседника своих проблем в Исполкоме Коминтерна и объяснил мотивы своего решения. Через несколько дней этот человек сообщил Зорге, что его обращение в Москве рассмотрено и он приглашается на встречу в IV управление Штаба Красной армии, занимающееся военной разведкой.

Вскоре Рихард получил телеграмму из Коминтерна, в которой ему разрешалось приехать в Москву для переговоров, как он понял, касающихся перехода на новую работу. Вернувшись в Москву и ожидая рассмотрения своего дела на партийном собрании Исполкома, Зорге несколько раз встречался в своем номере в гостинице с сотрудниками военной разведки и подробно рассказывал о себе.

В СССР в 1920-е годы существовали две специальные службы, занимавшиеся ведением разведки за рубежом. При Совнаркоме

действовало Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), ставшее преемником ВЧК, в состав которого входил Иностраннный отдел (ИНО). Его основными задачами являлись: выявление и разработка зарубежных эмигрантских контрреволюционных организаций, готовящих свержение советской власти; ведение внешней контрразведки и разработка разведывательных и контрразведывательных органов зарубежных стран; ведение политической, дипломатической и экономической разведки. ИНО ОГПУ имел за рубежом легальные резидентуры, которые действовали под прикрытием советских дипломатических представительств и занимались в основном выявлением на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против СССР, и добыванием документальных материалов, в том числе таких, которые могли быть использованы для компрометации лидеров контрреволюционных групп и целых организаций.

В Красной армии также велась зарубежная разведывательная деятельность, за организацию которой отвечало Разведывательное управления Штаба РККА (с 1927 года — IV управление Штаба РККА). Его главная задача заключалась в организации и ведении глубокой агентурной разведки с целью получения информации о международной военно-политической обстановке; военной опасности для СССР; военных приготовлениях вероятных противников Советского Союза и состоянии их вооруженных сил, военно-технических достижениях и новейших изобретениях при создании вооружения и боевой техники. Агентурная работа велась как легальными, так и нелегальными резидентами, при этом последним отдавался наибольший приоритет.

Ян Карлович Берзин, на встречу с которым шел Рихард Зорге, являлся уникальным специалистом в области разведки. В годы Гражданской войны он прошел школу ВЧК, работал с Ф. Дзержинским; многое знал о деятельности сотрудников ОГПУ за рубежом, особенностях проводившихся ими операций. Судьба распорядилась так, что он возглавил военную разведку Красной армии и вывел ее на уровень лучших мировых спецслужб. Он являлся в полном смысле слова фанатом агентурной работы, лично подбирал и готовил для нее кадры, разрабатывал и контролировал сложнейшие агентурные операции. Берзин отличался способностью глубоко анализировать происходящие в мире события и делать выводы и прогнозы, которые, как правило, подтверждались реальными событиями.

Берзин стал работать в Регистрационном управлении с декабря 1920 года, возглавив его 2-й отдел, отвечавший за агентурную работу. Именно этому виду специальной деятельности в военной разведке уделялось

наибольшее внимание. В сложных условиях Гражданской войны агентурной разведке удалось добиться больших успехов. Военные разведчики вскрыли планы и направленность действий белогвардейских войск и формирований иностранных интервентов. Агенты управления действовали в ряде крупных белогвардейских штабов, добывая важную информацию. К концу 1920 года агентурные источники военной разведки работали в шестнадцати капиталистических государствах, направляя в Москву важные сведения об антисоветской деятельности стран Антанты, военных мероприятиях в Прибалтике, Польше, Германии, Румынии, а также о состоянии армий Врангеля, Балаховича, Унгерна и Семенова.

Ян Карлович занимался анализом работы существующей агентуры, исключал из зарубежных сетей недостаточно результативно работавших или вызывавших подозрение лиц. Особое внимание он уделял подбору новых кадров для работы в агентурной разведке за рубежом. В 1921 году Берзина назначили заместителем начальника Разведупра, отвечавшего за агентурную разведку. Вскоре он сам совершил нелегальные поездки за пределы страны для проверки работы резидентур в Германии, Чехословакии, Польше и Англии. В 1924 году Яна Карловича поставили во главе Разведывательного управления Штаба РККА, образованного вместо прежнего Региструпра.

Берзин стал отвечать за военную безопасность Советского государства. Руководство страны требовало от Разведывательного управления добывать информацию о подготовке любой внешней агрессии. В Москве опасались консолидации белогвардейской эмиграции с антисоветски настроенными кругами капиталистических государств Европы, которые не отказались от намерений напасть на СССР и уничтожить первое в мире социалистическое государство. В партийных документах того времени, выступлениях представителей высшего руководства неоднократно отмечалась возможность такого развития событий.

Ян Карлович требовал от своих подчиненных объективно оценивать ситуацию, отделять реальные факты и события от пропагандистско-идеологических установок. Он всегда высоко ценил разведчиков, которые действовали и мыслили творчески, не боялись докладывать информацию, которая могла вызвать негативную реакцию в Центре.

В документах военной разведки того непростого времени отмечалось, что международная обстановка не содержала непосредственных военных угроз СССР, что позволило провести значительное сокращение численности Красной армии, а освободившиеся средства направить на восстановление народного хозяйства страны.

Берзин уделял особое внимание агентурной работе, хорошо знал своих сотрудников, выполнявших специальные задания за рубежом, оказывал им необходимую помощь, подчеркивал свое доверие и уверенность в выполнении поставленных задач. Ян Карлович лично принимал участие в подборе и подготовке кадров для работы за рубежом в качестве резидентов и руководителей агентурных сетей. Со второй половины 1920-х годов сложная обстановка во многих странах вынудила военную разведку создавать преимущественно нелегальные резидентуры, что гарантировало большую безопасность. Однако стать разведчиком-нелегалом было непросто. Требовалось отличное знание иностранных языков, особенностей жизни в иностранных государствах, обладать специальными навыками, высокой психологической устойчивостью.

Действующие агентурные кадры Разведупра состояли в основном из лиц, живших в дореволюционный период в Прибалтике, Бессарабии, Польше и владевших иностранными языками. Однако многие из них уже длительное время находились в специальных командировках и требовали замены. Другие отбывали заключение в тюрьмах после провалов и арестов, а успевшие скрыться от полиции были известны контрразведывательным органам и уже не могли работать за рубежом. Кадрового резерва для нелегальной работы в Разведывательном управлении практически не было. Начался отбор для работы в военной разведке выпускников Академии РККА, однако немногие из них имели достаточные лингвистические способности и часто не выдерживали курс интенсивной подготовки к работе в сложных условиях.

Основным источником пополнения кадров нелегалов являлись члены иностранных компартий, которые стремились оказать помощь социалистическому государству и имели опыт подпольной работы. В середине 1920-х годов Разведуправление часто использовало таких людей в своей работе. Однако нередко зарубежные коммунисты находились под негласным надзором местной полиции, их связи с советской разведкой вскрывались, что приводило к провалам и последующей дискредитации той или иной компартии, а также негативно влияло на авторитет Коминтерна и Советского Союза.

Поэтому в 1925 году ЦК ВКП(б) специальным постановлением запретил советским разведслужбам вербовать и использовать в качестве агентов членов иностранных коммунистических партий. Допускались только единичные случаи привлечения к сотрудничеству таких лиц, когда они могли принести «огромную пользу» СССР. Но в этом случае требовалось разрешение ЦК соответствующей компартии, коммунист

должен был выйти из ее рядов и прекратить с ней все связи. Особые правила действовали и в отношении сотрудников Коминтерна, которые, выполняя свои задачи за рубежом, не должны были работать на советскую разведку.

Такие ограничения существенно повлияли на поиск лиц, готовых сотрудничать с советской разведкой в капиталистических странах, где были сильны антикоммунистические и антисоветские настроения. Разведуправлению Красной армии пришлось прилагать большие усилия, чтобы в таких условиях подбирать для себя кадры для нелегальной работы за рубежом. Поэтому Берзин сразу обратил внимание на телеграмму из Берлина, в которой резидент военной разведки К. Басов информировал Центр о желании Зорге работать в советской разведке и дал ему краткую характеристику. Получив дополнительные данные на сотрудника Исполкома Коминтерна, Ян Карлович решил сам встретиться с ним.

Берзин сразу понял, что Зорге может стать разведчиком-нелегалом. Он свободно владел немецким, английским и французским языками, имел опыт подпольной деятельности, во время работы в Коминтерне совершал зарубежные поездки, не испытывая проблем при пересечении границ. Важными были опыт журналиста, диплом доктора наук, научные публикации по актуальным вопросам политики и экономики, знание текущей обстановки в мире. Кроме того, Рихард Зорге был гражданином СССР, членом ВКП(б) и не входил в иностранные компартии. Некоторую настороженность вызывали обвинения в принадлежности к «правой оппозиции», однако этот вопрос можно было обсудить в ходе личной встречи, после которой принять окончательное решение о судьбе Зорге.

Рихард подошел к неприметному зданию по указанному ему адресу. Там его уже ждал сотрудник в гражданской одежде, который проводил его в небольшую приемную на втором этаже. Через некоторое время секретарь пригласил Зорге пройти в кабинет начальника управления. За большим столом, на котором лежали объемные папки с документами, сидел крепко сбитый человек. Он встал и тепло поприветствовал вошедшего. Рихард обратил внимание на коротко подстриженную седую голову и внимательные серо-голубые глаза. Во внешности человека, возглавлявшего военную разведку Красной армии, в его манере держаться чувствовалось внутреннее обаяние и расположение к собеседнику.

Зорге подробно рассказал о себе, своих убеждениях, основных этапах жизни. Отвечая на вопросы Берзина, объяснил, почему его привлекло коммунистическое рабочее движение, как он оценивает роль СССР на международной политической арене, какие видит угрозы Советскому

государству. Начальника управления также интересовала деятельность Зорге по заданию руководства Компартии Германии и в ходе зарубежных поездок по линии Коминтерна. Рихард не стал скрывать проблем, которые возникли у него в последнее время в аппарате ИККИ, а также рассказал, почему решил работать в военной разведке.

Рихард давно не разговаривал так откровенно, он чувствовал себя легко и свободно, видя в собеседнике внимательного и доброжелательного человека. В заключение Берзин сказал, что должен согласовать вопрос о его переводе в IV управление с руководством Исполкома Коминтерна, и, если там решат отпустить своего сотрудника, он будет рад снова с ним встретиться.

«Он может стать хорошим разведчиком», — подумал Ян Карлович, когда за сотрудником Коминтерна закрылась дверь. Берзину понравился Рихард Зорге, его твердый характер, аналитический склад ума. Важным было и то, что Зорге готов полностью отдаться разведывательной работе, так как она отвечает его убеждениям и стремлению помочь первому в мире социалистическому государству. Берзин также отметил возможность использовать журналистский опыт Зорге.

Берзина не очень обеспокоили обвинения Зорге в «правом уклоне», он хорошо знал, что в ходе начавшейся в ВКП(б) кампании по борьбе с Бухариным, Рыковым и Томским отмечались перегибы и в число сторонников «бухаринской оппозиции» неоднократно включали не имевших к ней никакого отношения людей. Вместе с тем, когда Берзин звонил секретарю ИККИ О. Пятницкому, отвечавшему за деятельность Коминтерна за рубежом и кадровую работу, он попросил не только дать согласие на перевод Зорге в IV управление, но и охарактеризовать его с политической точки зрения. Полученные ответы были только положительными, и после официальной процедуры согласования 31 октября Рихард Зорге был выведен из штата Коминтерна и зачислен в IV управление Штаба РККА. Он не стал военным служащим и не получил воинское звание, а, оставаясь гражданским лицом, был прикреплен к агентурному отделу управления.

Теперь Берзин должен был определить, где можно использовать нового сотрудника. У него не было сомнений, что Зорге необходимо направить за рубеж в качестве разведчика-нелегала, но куда именно? На первый взгляд было бы предпочтительным включить его в состав нелегальной резидентуры в одной из европейских стран, которые он хорошо знал. Однако Рихард Зорге был известен в Германии как активист компартии и попал в «черные списки» полиции. Необходимо было

учитывать, что в конце 1920-х годов между контрразведывательными органами многих европейских государств был налажен обмен информацией. В рамках фактически единого антикоммунистического фронта быстро выявлялись неблагонадежные лица из числа функционеров компартий, прибывшие из других стран, что сразу становилось известно спецслужбам. Практически сразу за ними устанавливалось усиленное наружное наблюдение, и если выявлялись какие-либо связи с советской разведкой, то они немедленно арестовывались. Ряд серьезных провалов резидентур военной разведки в Европе наглядно свидетельствовал об этом.

Берзин помнил, что резидент в Германии, на которого вышел Зорге, рекомендовал использовать его в Китае. Начальник управления хорошо знал этого человека. Под псевдонимом «К. Басов» работал латыш Я. Абельтынь. До отправки в Берлин он в течение пяти лет руководил работой агентурного отдела управления и хорошо знал обстановку во многих странах мира. К его мнению можно было прислушаться. Помимо обеспечения личной безопасности Зорге в пользу предложения Басова были и многие другие факторы.

С начала 1920-х годов военная разведка не рассматривала Китай в качестве военной угрозы Советскому государству. Страна в это время распалась на множество феодально-милитаристских группировок, воевавших друг с другом за расширение зон своего контроля. Однако в Москве знали, что некоторые иностранные государства стремились подчинить своему влиянию развитие событий в Китае, преследуя при этом не только колониальные, но и политические цели. В частности, Англия, главный противник СССР в то время, при поддержке США намеревалась использовать китайскую территорию в качестве плацдарма для антисоветских акций. При этом в Москве учитывали, что северные районы Китая, особенно Маньчжурия, «нависали» над дальневосточным регионом Советского Союза и там находились белогвардейские формирования атамана Семенова численностью до семидесяти тысяч человек.

В этих условиях руководство СССР предпринимало действия по оказанию поддержки китайскому народу, стремясь помочь образованию дружественного Советскому Союзу государства. Для этого Москва пыталась объединить существующие национал-патриотические движения и одновременно поддержать левые силы в их революционной борьбе за построение нового общества в стране. Первоначально ставка была сделана на Гоминьдан — китайскую национальную народную партию, которой оказывалась политическая, военная и финансовая помощь. Чтобы обеспечить приход к власти Гоминьдана силовым путем, при активном

участии советских военных специалистов была создана Народно-революционная армия, начавшая военные действия против вооруженных формирований провинциальных милитаристских клик. В коалицию с Гоминьданом вошла образованная при помощи Коминтерна Коммунистическая партия Китая, также принявшая участие в воссоединении Китая.

В 1927 году Гоминьдан, который возглавлял командующий Народно-революционной армией генерал Чан Кайши, смог в основном силовым путем объединить страну. Большая часть региональных милитаристских группировок была разгромлена. Столицей китайского государства был объявлен Нанкин. Боевые действия Гоминьдана в основном планировались советскими военными специалистами, которыми руководил один из известных советских полководцев маршал Г. Блюхер. Однако в дальнейшем произошел раскол между бывшими союзниками, Чан Кайши разорвал отношения с китайскими коммунистами, а затем и с СССР. В Китае началась полномасштабная гражданская война. В Москве знали, что западные страны стремились создать на дальневосточных границах очаг военной напряженности, угрожающий СССР, и оказывали полномасштабную военную и другие виды помощи Гоминьдану.

В 1929 году китайские милитаристы при негласной поддержке Гоминьдана осуществили масштабную провокацию на Китайско-Восточной железной дороге в Маньчжурии, арестовав более двух тысяч работавших там советских граждан. В приграничный с СССР район была подтянута трехсоттысячная Мукденская армия, усиленная семеновскими бандформированиями. Для ликвидации возникшей военной угрозы была оперативно сформирована Особая Дальневосточная армия (ОДВА), которая в ходе скоротечной операции нанесла поражение китайским войскам и восстановила советский контроль над КВЖД. Это было самое серьезное обострение обстановки на советской границе со времени окончания Гражданской войны. По оценкам Разведывательного управления, не исключались новые враждебные действия со стороны Китая, в котором в то время проживали почти 500 миллионов человек. При неблагоприятном развитии событий в дальневосточном регионе против СССР могла быть брошена многомиллионная армия китайцев.

В этих условиях советская военная разведка нуждалась в достоверной информации об обстановке в Китае, о планах и намерениях руководства Гоминьдана, контролировавшего большую часть территории страны, о ходе событий на фронтах гражданской войны, в которой СССР поддерживал Китайскую Красную армию Компартии Китая, а также о деятельности в

стране внешних сил, пытающихся превратить Китай во враждебное Советскому Союзу государство.

Разведывательное управление имело в то время в Китае несколько легальных резидентур и две нелегальные — в Харбине и Шанхае. В Центр поступало достаточное количество информации об обстановке на севере Китая. Особенно хорошо работали военные разведчики во время конфликта на КВЖД, оперативно снабжая Москву и командующего ОДВА маршала Г. Блюхера достоверными сведениями о китайских войсках и их передвижениях. Центральные и южные районы Китая были меньше доступны для разведки. Шанхайская нелегальная резидентура, созданная в 1928 году, действовала слабо. Разведывательному управлению приходилось получать сведения о ситуации на большей части Китая преимущественно из прессы и других открытых источников.

Обо всем этом вспоминал Берзин, когда думал о возможной работе Зорге за границей. Я. Абельтинь, пожалуй, был прав, предлагая Китай в качестве места его спецкомандировки. Германские генералы и офицеры работали у лидера Гоминьдана Чан Кайши и в качестве советников, они также находились в военной академии в Нанкине и в войсках. Поэтому Зорге, немцу по национальности, будет легко установить с ними контакты и получать необходимую информацию. Лучше будет, если Зорге поедет в эту азиатскую страну в качестве корреспондента какой-либо немецкой газеты, что позволит ему устанавливать нужные связи в Китае и свободно перемещаться по стране под предлогом выполнения редакционных заданий.

Начальник управления пригласил к себе своего заместителя В. Таирова, который одновременно возглавлял агентурный отдел. Перед назначением на эту должность он в течение четырех лет работал в Китае, выполняя разведывательные задачи в составе группы советских военных советников. Берзин рассказал ему о Зорге и своих планах в отношении этого неординарного и перспективного для военной разведки человека. Таиров поддержал своего начальника. Хорошо знавший условия работы в Китае, он предложил конкретное место, куда целесообразнее всего было бы направить Зорге.

Следовало укрепить нелегальную шанхайскую резидентуру, показывавшую в последнее время довольно слабые результаты. В ближайшее время там планировалась замена резидента, который так и не смог разобраться во всех особенностях политической и военной обстановки в Китае. Его должен был заменить новый руководитель, которому будут необходимы опытные агентурные работники.

Учитывая личные качества и опыт Зорге, по мнению Таирова, его следует направить в шанхайскую резидентуру в качестве вербовщика-осведомителя, нацелив в первую очередь на германских военных советников в армии Чан Кайши и местный журналистский корпус. Берзин и Таиров также обсудили вопрос подготовки нового сотрудника к выполнению нелегальной разведывательной работы в Китае. Зорге перед отъездом в страну целесообразно получить в Германии аккредитацию корреспондента, выполняющего редакционное задание. Это позволит общаться с резидентом, также действующим под прикрытием журналиста, и с коллегами-корреспондентами, хорошо информированными о ситуации в Китае. Берзин, владевший информацией об оперативной обстановке в этой азиатской стране, посчитал необходимым рекомендовать Зорге наладить отношения с находившейся в Шанхае американской журналисткой Агнесой Смедли, человеком левых взглядов, сочувствующей СССР. Она, как и Зорге, принимала участие в работе VI конгресса Коминтерна в Москве. Агнеса работала в Китае с 1928 года, ее статьи публиковались в газетах Германии, Италии и Англии, свидетельствуя о глубоком знании обстановки в Китае. Она могла стать хорошим источником информации для Зорге и помочь ему установить необходимые контакты в этой сложной для большинства иностранцев стране.

Берзин и Таиров обсудили также особенности и сроки подготовки нового нелегального разведчика к работе за рубежом. Учитывая, что он выполнял задания Коминтерна и работал в зарубежных странах, время его подготовки было сокращено до нескольких недель. В течение этого срока Зорге должен был ознакомиться с особенностями деятельности военного разведчика, способами привлечения к сотрудничеству иностранцев и правилами безопасности и конспирации.

Через некоторое время Рихарда вновь пригласили в IV управление, где у него состоялся еще один продолжительный разговор с начальником военной разведки. Зорге внешне спокойно воспринял слова Яна Карловича о том, что его просьба удовлетворена и он зачислен в военную спецслужбу, но на самом деле был очень взволнован — и тем, что ему поверили, и перспективой новой и очень важной работы, связанной с обеспечением безопасности Советского государства. Он не сомневался, что справится с ней.

Затем Берзин сказал Зорге, что Разведывательное управление предлагает ему работать в Китае, где сошлись интересы великих держав, появилась реальная военная опасность для СССР, отмечалось противостояние китайских коммунистов и националистической

прозападной партии.

Рихард думал недолго. Новый для него район мира, где происходят важные события, новые люди, новые ответственные задачи — все это вызвало у него большой интерес. Работа в таком месте отвечала его натуре исследователя, темпераменту, желанию как можно лучше проявить себя. Поэтому он не раздумывая дал согласие работать в Китае в качестве разведчика-нелегала.

Практически сразу опытные сотрудники IV управления приступили к специальной подготовке Зорге к разведывательной работе за рубежом. Они делились с ним секретами своей профессии, давали советы и рекомендации, как действовать в той или иной ситуации. Начальник агентурного отдела лично работал с Зорге, рассказывая ему об особенностях обстановки в Китае, условиях жизни и разведывательной деятельности в этой азиатской стране. Помимо этого в свободное от занятий время Рихард тщательно изучал все доступные ему в Москве книги, монографии и другие материалы по Китаю. Он считал, что знание истории, культуры, обычаев страны поможет ему успешно работать и выполнять поставленные задачи.

На его столе лежали труды известного немецкого синоведа К. Виттфогеля «Пробуждающийся Китай. Краткий обзор истории и современных проблем Китая» и «Шанхай — Кантон», которые он внимательно изучал. Он собирал все статьи о Китае, публиковавшиеся в немецких, английских и американских газетах. Все это позволяло ему постепенно погружаться в новый для него мир, абсолютно не похожий на привычную Европу, узнавать все больше о стране, в которой ему предстояло работать, о людях, проживающих в этом уникальном государстве.

В соответствии с замыслом агентурной операции Зорге должен был прибыть в Китай по своему немецкому паспорту. Для этого требовалось получить в Германии аккредитацию в качестве зарубежного восточного корреспондента. В ходе организованной Разведуправлением непродолжительной поездки в Берлин Рихарду удалось получить место корреспондента газеты «Дойче гетрайде-цайтунг», специализировавшейся на освещении мирового рынка сельскохозяйственной продукции. Ее редактора интересовал азиатский регион, и он принял в штат нового сотрудника, который должен был работать в Китае. Он побеседовал с Зорге, почувствовал в нем высокий журналистский потенциал и лично ходатайствовал перед министерством иностранных дел Германии о выдаче ему рекомендательного письма в генеральное консульство в Шанхае с

просьбой оказать содействие корреспонденту газеты «в сборе информации и материала». Каких-либо вопросов, связанных с его прошлым, продолжительным отсутствием на территории Германии, Зорге никто не задавал, его легенда, специально подготовленная в Москве на этот случай, не была использована.

Кроме того, Зорге через своего знакомого по работе во франкфуртском институте социологии смог связаться с германо-китайским обществом, созданным при германском институте Китая, и подписать с ним договор, предоставляющий ему право проводить исследования на китайской территории. Его текст был напечатан на двух языках, и Рихард взял его с собой. Он также получил документы от двух американских газет, для которых на бездоговорной основе мог писать статьи по китайской тематике.

Подготовка к выполнению специальной командировки была завершена. Центр, положительно оценивший прежнюю работу Зорге в Германии, санкционировал начало операции. В середине декабря 1929 года немецкий журналист с безупречными документами прибыл в Марсель и, смешавшись с другими пассажирами, сел на корабль, отправлявшийся в Шанхай. Советский военный разведчик-нелегал начал свою трудную и опасную миссию. В агентурном отделе IV управления ему присвоили оперативный псевдоним «Рамзай» (по первым буквам его имени и фамилии), под которым он вошел в мировую историю спецслужб.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ — КОМАНДИРОВКА В КИТАЙ

Во время долгого морского путешествия Зорге вспоминал все прочитанное им о Китае, погружался в историю этого удивительного государства. Он не жалел, что согласился работать в Китае. Как ученый-исследователь он сможет собрать материалы для новых научных работ об особенностях развития этого государства, о его финансово-экономической системе и сельском хозяйстве. Зорге ничего не записывал на заключительных встречах в Разведуправлении, но хорошо запомнил все, что должен будет делать в Китае в качестве нелегального разведчика. Его главной задачей являлось привлечение к сотрудничеству источников-информаторов из числа иностранцев и местных жителей, способных добывать сведения военного и военно-политического характера. Рихарду было рекомендовано обратить основное внимание на работу в среде германских военных советников при правительстве Чан Кайши, а также среди китайцев левого и патриотического толка, проживающих в крупных городах.

Центр запретил Зорге устанавливать какие-либо контакты с рядовыми членами и представителями руководства Компартии Китая. Образованная в 1921 году при прямой поддержке Коминтерна, первоначально она была очень малочисленна и не имела никакого влияния в стране. Кроме того, не вполне соответствовала марксистским взглядам на партийное строительство, так как в Китае практически не было рабочего класса, а большую часть населения составляли крестьяне и мелкая буржуазия. Однако к концу 1920-х годов КПК уже насчитывала до ста тысяч членов и имела опорные революционные базы в сельских районах на севере и юге страны. Коммунисты создали немногочисленную Красную армию, которая вела партизанскую войну с правительственными войсками. Коммунистов выслеживали и арестовывали спецслужбы Чан Кайши, стремящиеся не допустить подъема в стране революционного движения.

Зорге также было запрещено без санкции Центра контактировать с представителями Коминтерна в Китае. В Шанхае, где ему предстояло работать, действовал пункт связи ОМС ИККИ, отвечавший за работу в Китае, Японии, Корее и ряде других стран региона. Он решал свои специфические задачи, напрямую не связанные с деятельностью советской

военной разведки.

Центр рекомендовал Зорге, чтобы закрепить свою легенду, сразу после прибытия в Шанхай показать себя опытным немецким журналистом, настроенным выполнять все редакционные задания. Поэтому во время стоянки судна в Гонконге — последнем перед Шанхаем порту — Рихард купил все местные и иностранные газеты, различные справочники и информационные бюллетени и начал детальное изучение современной экономической конъюнктуры Китая и рынка сельскохозяйственной продукции. Получив разрешение капитана, Зорге через судовую радиостанцию передал в редакцию берлинской газеты «Дойче гетрайде-цайтунг» первую информацию о дальневосточном соевом рынке.

Особенно внимательно Рихард читал материалы о городе, в котором ему предстояло работать. Шанхай был крупным торговым, финансовым и культурным центром Китая, одним из важных портов страны. Здесь располагались филиалы крупнейших банков стран Европы и США, торговые биржи, на которых заключались крупнейшие в Азии экспортно-импортные сделки. Торговля и финансы в основном находились в руках иностранцев, проживавших в лучших районах города: международном селтльменте и французской концессии. В них были построены многоэтажные здания, роскошные отели и торговые центры, комфортабельные виллы.

В Шанхае проживало около трех миллионов жителей, из них только около тридцати тысяч составляли иностранцы. Как прочитал в специальном буклете Рихард, для них были созданы наилучшие условия жизни. В соответствии с западными стандартами в городе было большое количество баров и ресторанов, а восточный колорит создавали многочисленные игорные клубы и притоны, а также «дома приятных наслаждений» и опиокурильни, из-за чего Шанхай называли «восточным Парижем» и «публичной девкой Востока». Западные коммерсанты также отмечали наличие в городе нечистоплотных спекулянтов и бандитских шаек, что дополняло шанхайский колорит.

Все это необходимо было учитывать Зорге при ведении здесь разведывательной работы. Рихард прибыл в Китай в сложный период. Он знал, что на борту судна находился еще один сотрудник IV управления, который должен был сменить прежнего руководителя шанхайской нелегальной резидентуры. Зорге видел этого человека в Москве, знал, что он имеет опыт работы за рубежом и будет действовать под оперативным псевдонимом Шериф. В целях конспирации на борту корабля они не контактировали. Руководить работой Рамзая в начальный период и до

своего возвращения на родину должен был действующий резидент Джим. Это был опытный разведчик, он провел в Китае пять лет и был награжден ценным подарком — золотыми часами «за работу в связи с событиями на Дальнем Востоке». Рихард надеялся, что оба профессионала помогут ему стать настоящим военным разведчиком.

Когда корабль подходил к порту, Зорге обратил внимание на несколько стоящих на рейде английских и французских крейсеров и вспомнил, что они постоянно обеспечивают безопасность своих граждан в Шанхае в соответствии с навязанным Китаю соглашением.

Японское пассажирское судно пришвартовалось у большого пирса, и немецкий журналист в числе других пассажиров сошел на берег. Это произошло 10 января 1930 года. Рихард отметил про себя эту дату как начало нового этапа в своей жизни. Он без проблем прошел полицейский и таможенный контроль — представительный иностранец держался уверенно и не вызывал никаких подозрений. Затем взял такси и поехал в отель «Плаза», где должен был поселиться. Это действительно другой мир, думал Рихард, разглядывая из окна таксомотора современные американские автомобили и повозки рикш, хорошо одетых иностранцев и попрошайек в лохмотьях, важных полицейских и пристающих к прохожим проституток. Ему даже показалось, что и небо, и воздух здесь были не такими, как в привычной Европе.

Резидент Джим, посетивший на следующий день гостиницу, в ходе краткой встречи с Рамзаем дал ему указания приступить к легализации и закреплению в стране в качестве журналиста, а также установлению связей среди иностранцев и местных граждан на основе рекомендаций, полученных им в Центре. Как и положено законопослушному немцу, Рихард посетил германское консульство и записался на прием к его руководителю, упомянув о наличии у него рекомендательного письма из министерства иностранных дел в Берлине. Одновременно он попросил занести свое имя в «Книгу немецких адресов на Дальнем Востоке», открыл абонементный почтовый ящик на главпочтамте Шанхая и заказал визитные карточки, наличие которых было необходимым для всех иностранцев, проживающих в Китае.

Зорге снял удобную квартиру с домашней прислугой в международном сеттльменте, что соответствовало его статусу состоятельного иностранного журналиста. Эту профессию необходимо было подтверждать, и уже в январе — феврале в германской газете появились статьи Зорге «Экспорт сои через Дайрен», «Урожай сои в Маньчжурии», «Экспорт сои», «Трудности китайского экспорта арахиса», «Хороший урожай кунжута в

Китае». В журналистских кругах Шанхая их заметили, и коллеги отметили высокий профессиональный уровень немецкого журналиста.

Рихард был приглашен генеральным консулом Германии, которому понравился соотечественник, активно начавший работать в Китае. Внимательно почитав рекомендательное письмо, он расспросил собеседника о его журналистской работе и пообещал оказать ему всю необходимую помощь, чтобы представитель возрождающейся Германии стал одним из лучших иностранных корреспондентов в Шанхае. Особое впечатление на дипломата оказал представленный Зорге договор с германо-китайским обществом, предусматривающий проведение исследований на тему «Происхождение и развитие банковского права в Китае». Эти материалы можно было использовать в донесениях в Берлин, что могло помочь дальнейшей дипломатической карьере консула.

Разведчику, который выбрал правильную линию поведения, удалось получить положительные рекомендации, направленные посланнику Германии и вице-консулу в дипломатическое представительство в Пекине, советнику дипломатической миссии в Нанкине и генеральному консулу в Кантоне. Таким образом, Зорге получил возможность общаться с высшими германскими дипломатами во всех официальных представительствах в Китае и одновременно с членами немецкой колонии, в том числе с военными советниками и специалистами, что он должен был сделать в соответствии с указаниями Центра.

Кроме того, Рихард при помощи шанхайского консула Германии получил доступ к архиву местного филиала «Германского синдиката азотных удобрений», где находилось много материалов по сельскому хозяйству Китая. Это способствовало закреплению его позиций как корреспондента берлинской газеты и помогало писать статьи, в которых он опирался на полученные статистические данные. Все свои статьи Зорге обязательно относил в отдел торговли генерального консульства в Шанхае, повышая тем самым свой авторитет и подтверждая свою легенду.

Однако Рихард Зорге главное внимание все же уделял налаживанию работы в интересах военной разведки. Его опыт, знания и желание успешно выполнить поставленные задачи практически сразу стали приводить к положительным результатам. Уже в конце января резидент Джим докладывал в Москву, что Рамзай отлично входит в руководящие круги немецкой колонии, которые сообщают ему важные сведения. От них, в частности, стало известно, что глава Гоминьдана Чан Кайши сталкивается с сопротивлением деловых кругов Китая и своего генералитета. Один из видных военных деятелей генерал Ян Сичань весной готовится открыто

выступить против Чан Кайши, но, по мнению германских военных советников, это выступление будет подавлено нанкинским правительством.

Эта была первая разведывательная информация, добытая Зорге в Китае. Но ему предстояло еще многому научиться, многое узнать и многое сделать, чтобы стать настоящим разведчиком. Рихард это хорошо понимал. Первая задача, которую он себе поставил, — налаживание контактов с германскими военными советниками, работавшими в Китае.

Зорге знал, что Чан Кайши рассматривал Германию как источник экономической и военной помощи и пригласил в Китай группу германских военных советников из отставных офицеров, которые занимались вопросами военной реформы китайской армии и помогали в подготовке местных военных кадров. Попасть в их среду бывшему унтер-офицеру было достаточно сложно. Кайзеровские офицеры всегда представляли собой особую касту, считали себя элитой общества (значительная их часть — выходцы из дворянских семей). Рихард помнил, что перед войной офицерам, проходившим службу в Берлинском гарнизоне, командование направляло предупреждение, чтобы они не посещали чаепития даже в крупных отелях, так как там собиралась недостойная их публика. На фронте германские офицеры держались обособленно, показывая свое превосходство над солдатской и унтер-офицерской массой.

Подумав, Зорге решил действовать через консульство Германии в Шанхае, вокруг которого собиралась достаточно многочисленная немецкая колония, в которую входили военные инструкторы и специалисты. Рихард знал, что их возглавлял полковник Крибель, лично замыкавшийся на Чан Кайши. Он был хорошо осведомлен о всех военных и политических проблемах нанкинского правительства, его планах и намерениях. Зорге часто приглашали в консульство, и он надеялся, что там ему удастся познакомиться с полковником. Закрепить отношения можно будет на той основе, что он воевал на фронте, был трижды ранен и награжден Железным крестом, что высоко ценилось в Германии.

Рихард хорошо представлял, о чем надо говорить с «настоящим немецким офицером» — второй рейх и кайзеровская армия не были разбиты в сражениях, в 1918 году фронт проходил за пределами Германии и ни один вражеский солдат не ступил на немецкую территорию, а поражение вызвал «удар ножом в спину», нанесенный социалистами, коммунистами и прочими внутренними врагами. Такие взгляды разделяли большинство отставных офицеров. По их мнению, преодолеть последствия «унижения и оскорбления» германской нации можно только путем возрождения сильного немецкого государства и возвращения силой всех

утраченных территорий в ходе новой победоносной войны.

Это, конечно же, не соответствовало убеждениям Зорге, но он мастерски сыграл свою роль в интересах военной разведки, показав себя убежденным реваншистом и «истинным патриотом» Германии в беседах с немецкими отставными военными, работавшими в Китае. В результате полковник Крибель и другие военные советники признали Рихарда за своего, хотя он был лишь отставным унтер-офицером. Необходимые разведчику контакты были установлены. Помогли разведчику и его высокая компетенция в вопросах знания обстановки в Китае, а также присущая немцам черта не отказываться от угощения в баре за чужой счет.

Вскоре общительный немецкий корреспондент имел много знакомых среди своих соотечественников-военных, которые подробно рассказывали ему о своей работе в Китае. Так Зорге узнал о всех программах реформирования нанкинской армии, которые помогали реализовывать германские инструкторы. Немецкие военные готовили штабных офицеров, офицеров-артиллеристов и танкистов, а также помогали формировать так называемые образцовые дивизии — соединения усиленного состава. Рихарду стало известно о контрактах на поставки в Китай из Германии крупных партий оружия и военного снаряжения на общую сумму около миллиарда марок. При этом сделки заключались не от имени германского правительства, которому это было запрещено Версальским договором, а крупными немецкими фирмами Круппа, Сименса и другими при молчаливом одобрении Берлина.

Одновременно Зорге прилагал большие усилия по углубленному изучению Китая, всех особенностей его жизни, чтобы дополнить и развить ранее полученные знания. Его интересовали местное население, его менталитет, быт и обычаи, что было необходимо для налаживания контактов. Изучая Шанхай, Рихард присматривался к китайцам, которые обеспечивали жизнь иностранцев в международном сеттльменте. Более состоятельные, относящиеся к обеспеченному классу, проживали в нем на отдельных виллах. В Шанхае также имелось много кварталов старого китайского города с узкими немощеными улицами, где в перенаселенных домах проживали наиболее бедные жители.

Особенно поразили Рихарда рикши, перевозящие пассажиров в своих небольших колясках. В Шанхае их было бесчисленное множество, на каждом перекрестке десятки свободных рикш пытались перекричать друг друга, зазывая клиентов. Заполучив пассажира, рикша усаживал его в свою коляску и с хорошей скоростью бегом тащил ее за собой, доставляя пассажира по указанному адресу. Эта работа считалась среди китайцев

очень престижной и высокооплачиваемой, несмотря на тяжелые физические нагрузки. Зорге так и не смог привыкнуть к этому, как он считал, бесчеловечному способу передвижения и предпочитал ездить по городу на такси.

Профессия журналиста и докторская научная степень позволяли разведчику общаться с шанхайскими бизнесменами, финансистами и представителями местной интеллигенции. Большинство из них были настроены националистически и стремились избавиться от колониальной зависимости и добиться возрождения китайского государства. При этом разделяемых всеми путей выхода из политического, экономического и социального кризиса в Китае выработано не было. Существовали сторонники возврата в «золотую феодальную эру», перехода на западные модели развития общества и революционных преобразований на основе идей марксизма и большевизма.

Однако большая часть населения страны была далека от этих вопросов. Повальная неграмотность, нищета, патриархальный жизненный уклад, ремесленный характер промышленности, основанное преимущественно на ручном труде сельское хозяйство — все это определяло повседневную жизнь Китая.

Общим, что в значительной степени объединяло китайцев, являлись уважение к своей истории и следование традициям Конфуция, древнего философа, жившего в VI–V веках до н. э. Без знания основных положений трудов Конфуция, как узнал Зорге, в Китае невозможно было чего-либо добиться, сделать карьеру, получить хорошую должность. Умение использовать цитаты Конфуция было обязательным для всех слоев населения страны — от элиты до крестьян. Особенно ценилось, если такие цитаты использовал иностранец, это сразу повышало его авторитет.

Рихард нашел переведенную на английский язык книгу изречений Конфуция «Лунь юй» («Суждения и беседы») и тщательно изучил ее. Ему понравились некоторые цитаты китайского философа, например: «Учиться и своевременно претворять в жизнь — разве не в этом радость?», «Не печалься, что люди не знают тебя. Печалься, что сам не знаешь людей» и ряд других. Зорге начал изучать китайский язык и через некоторое время выучил на нем ряд изречений Конфуция. Он видел, как воспринимали его собеседники такие высказывания, так как обычно иностранцы ничего не знали об истории Китая и о его великом философе. Разведчик совершенствовал знание языка, начинал понимать собеседников, сам вступал в разговоры с местными жителями. Он по-прежнему много читал о Китае и постепенно становился знатоком этой страны, что выгодно

отличало его от других иностранцев.

Центр по-прежнему настоятельно рекомендовал Зорге установить контакт с придерживавшейся левых взглядов американской журналисткой Агнессой Смедли, которая уже несколько лет находилась в Китае. В ее статьях, публиковавшихся в немецких, европейских и американских газетах, содержалось большое количество сведений об обстановке в Китае. Рихард в ходе одного из мероприятий журналистского пула в Шанхае познакомился с Агнессой. Он как известный журналист произвел впечатление на молодую женщину. Они стали встречаться на профессиональной основе, а затем подружились. Американке понравился обаятельный немецкий корреспондент, стремившийся разобраться во всех местных делах. Смедли очень помогла Зорге в начальный период его работы в Шанхае. Она много рассказывала ему о реальной ситуации в Китае, а также ввела в широкий круг своих знакомых, среди которых он впоследствии нашел нужных ему людей, ставших источниками ценной информации.

Агнесса посетила большинство провинций Китая, общалась со многими политиками, бизнесменами и военными, поэтому знала, что в действительности происходит в китайском государстве и какие политические силы определяют его настоящее и будущее. Она подтвердила, что наиболее влиятельной группировкой с середины 1920-х годов являлся Гоминьдан — «Китайская национальная народная партия», заключившая союз с Компартией Китая и начавшая совместную борьбу с милитаристскими кликами, которые контролировали большинство провинций в северных, центральных и южных районах Китая. Первым лидером Гоминьдана был хорошо известный в Советском Союзе видный политический деятель Сунь Ятсен, которого после его смерти сменил Чан Кайши.

При помощи СССР была создана и вооружена национально-революционная армия Гоминьдана, нанеся поражение вооруженным формированиям наиболее опасной Чжилейской клики и установившая контроль над рядом провинций в Центральном и Восточном Китае. В качестве столицы страны Чан Кайши выбрал город Нанкин, где были размещены все государственные органы власти. В 1927 году союз между Гоминьданом и КПК распался, началась борьба с коммунистами, что привело к началу гражданской войны на основе идеологического противостояния носителей националистических и марксистских идей.

На местах этим двум силам противостояли военные группировки милитаристов Фэнтянской (на севере Китая), Шансинской (в центре),

Гуансийской (на юге) и многих других более мелких клик. Местные лидеры Чжан Цзолинь, Фэн Юйсен, Ян Сишань, Ван Цзинвэй, Тан Шэнчжи и другие вели вооруженную борьбу против нанкинского правительства, формирований коммунистической Красной армии и сражались между собой за расширение подконтрольных зон. В результате во многих районах страны практически постоянно велись кровопролитные бои.

Чан Кайши, который пользовался поддержкой США и Англии, а также опирался на военную помощь Германии, действовал более успешно. К началу 1930-х годов Гоминьдан провел ряд успешных войн против северных и северо-западных милитаристов, при этом нанкинцы использовали подкуп и интриги для разложения противника, временно блокировались с одними группами милитаристов для нанесения поражения другим. После этого Чан Кайши нанес поражение Гуансийской группировке на юге, а также потеснил коммунистическую Красную армию в северных и южных районах Китая. Вместе с тем нанкинское правительство не контролировало всю территорию страны, продолжалась междоусобная борьба различных фракций Гоминьдана, возникали мятежи и заговоры против самого Чан Кайши.

Фактически автономной на севере Китая оставалась Маньчжурия, опиравшаяся на Японию. Ее возглавлял влиятельный милитарист Чжан Цзолинь, которого сменил его сын Чжан Сюэлен, стремившийся сохранять самостоятельность этого региона и быть независимым от Нанкина. Вместе с тем он поддерживал негласные связи с Чан Кайши. Под его воздействием Чжан организовал антисоветскую провокацию на Китайско-Восточной железной дороге, которая закончилась его поражением от советских войск.

Смедли подробно рассказала Зорге и о положении коммунистов в Китае. К концу 1920-х годов из-за репрессий Гоминьдана численность КПК в городах значительно сократилась, революционная борьба стала перемещаться в сельскую местность, где кризис сельскохозяйственного производства привел к обнищанию населения и недовольству существующей властью. Это позволило коммунистам развернуть повстанческое движение в деревне и создавать революционные базы в сельских районах. В них стали размещаться отдельные воинские части, перешедшие под контроль КПК, которые пополнялись вооруженными крестьянскими отрядами и перешедшими на сторону коммунистов формированиями местных милитаристских клик. На этой основе произошло создание китайской Красной армии. Однако к началу 1930-х годов она находилась в сложном положении из-за отсутствия вооружения, боеприпасов и продовольствия. Стабильных советских районов не было,

части ККА под давлением гоминьдановцев и местных милитаристов, а также в поисках продовольствия перемещались в ряде южных и центральных провинций страны. Они грабили и терроризировали местное население, что вызывало его сопротивление и противодействие.

Рихард был благодарен Агнессе за информацию. Ему было трудно даже представить, что пришлось пережить этой молодой женщине в ходе ее многочисленных поездок по городам и провинциям Китая в условиях постоянно ведущихся войн. Бесстрашная журналистка попадала в самые сложные ситуации, но собранные ею данные позволяли писать статьи, пользовавшиеся популярностью в Европе и США. Особенно поразило Зорге, что Смедли собрала подробное досье на высший офицерский состав гоминьдановской армии и лидеров милитаристских клик. В ее картотеке имелись сведения о 218 китайских генералах, включая личные и компрометирующие данные. Кроме того, у журналистки имелось досье на нанкинское правительство: его связях с империалистическими государствами и получаемой от них помощи.

Тщательно проанализировав все эти данные, Зорге стал лучше понимать, что происходит в Китае. Это позволило ему быстрее включиться в информационную работу резидентуры, готовить материалы для Москвы. Уже в марте Центр получил из Шанхая телеграмму, в которой говорилось, что Рамзаю удалось получить следующую информацию:

«Чан Кайши в конце марта готовит поход на север. С началом войны первоначально левое крыло и центр отступят на юг, а правое крыло будет опираться на Лухвей и Пукоу ж. д. Затем охват северян обоими крыльями. Нанкин выигрывает время, усиливает вооружение и разлагает северный блок: подкуп Ши Юсяня и Хан Фусю. В Нанкине образцовая дивизия, численность 20 тыс. человек, состав: три пехполка, один полк ПА, горный полк, инструкторский полк и химотряд. Вооружение: автоматические винтовки, улучшенные немецкие артиллерийские орудия, дальность стрельбы — до 13 км, имеются средства радиосвязи. Начата организация такой же дивизии в Ханькоу. Главный военный инструктор — Меленгоф. Инструкторы связаны с тяжелой индустрией в Германии, содействуя получению ею военных заказов».

Зорге нравилось работать с военной информацией. Он, как отставной военный, участник боевых действий на фронтах Первой мировой войны, хорошо понимал ее значение и важность для Штаба РККА.

Глава резидентуры Шериф стал регулярно направлять в Москву сведения, полученные Зорге: подробные данные о немецких военных советниках в Китае, подготовке переговоров в Нанкине с участием

германских инструкторов, информацию о партии Гоминьдан, ее руководящих органах и связях с зарубежными странами. Все эти материалы были высоко оценены в IV управлении.

Рамзай активно работал по поиску других источников важной информации. Он познакомился с местным жителем Ван, на которого произвел большое впечатление своими знаниями о Китае и желанием помочь китайскому народу противостоять империалистическим государствам. В результате тот пошел на развитие отношений с советским разведчиком и согласился выполнять его задания. Вскоре он привлек к работе на военную разведку свою жену, которая также стала ценным агентом.

Зорге работал в Китае всего три месяца, но добился многого: в дипломатических, коммерческих и журналистских кругах Шанхая он получил известность как квалифицированный корреспондент; установил надежные контакты с чиновниками министерства сельского хозяйства в Нанкине; стал активным членом местной немецкой колонии, наладил тесные отношения с германскими военными советниками и инструкторами; привлек к сотрудничеству нескольких местных граждан-китайцев; разобрался во всех особенностях внутриполитической обстановки в стране и начал готовить детальные разведывательные донесения для Центра.

Поэтому, когда в Разведуправлении было принято решение создать из сотрудников шанхайской резидентуры отдельную радиофицированную группу в южнокитайском городе Кантон, Шериф рекомендовал направить туда вместе с радистом Рамзая. Он, по мнению резидента, мог быстро легализоваться там, так как уже получил в Китае журналистскую известность, а в соответствии с личными качествами был способен выполнить все поставленные задачи.

Кантон в то время неофициально считался южной столицей Китая, и IV управление интересовало, что происходит в этом районе, где против нанкинского правительства выступили сильные группировки местных милитаристов. Они опирались на Японию, блокировались с группировкой так называемого левого Гоминьдана, были способны свергнуть Чан Кайши и захватить власть в стране. Кроме того, в Кантоне были сильны позиции левых сил. В 1927 году в этом городе рабочие создали коммуну и образовали советское правительство. Местная реакция при помощи англичан подавила восстание, но его сторонники сохранили в Кантоне свое влияние.

Готовящемуся к отъезду из страны Джиму Центр поручил

организовать переброску в Кантон из Шанхая агентурной радиостанции и помочь Рамзаю в налаживании работы на новом месте. Зорге с большой ответственностью стал готовиться к этой сложной операции. Один из двух имевшихся в резидентуре радиопередатчиков был разобран, его детали укрыли среди личных вещей в багаже. Рихард узнал, что в целях конспирации такие устройства радисты собирали из отдельных блоков и частей, продававшихся в местных радиомагазинах.

В Кантон разведывательная группа, в которую помимо Джима и Рамзая входили два радиста: немецкий коммунист Макс Клаузен и его помощник — бывший белогвардейский офицер Мишин, привлеченный к сотрудничеству с советской военной разведкой, прибыла благополучно. Разведчики успешно преодолели все трудности, без каких-либо проблем прошли несколько таможенных и полицейских досмотров. Несмотря на запрет на перевозку радиоаппаратуры, отдельные блоки и даже громоздкая динамо-машина для питания передатчика подозрения не вызвали. Для Рихарда это было первое серьезное испытание. В предыдущих пересечениях границы, даже по линии Коминтерна, в его личном багаже не было таких компрометирующих вещей. В этих условиях главным было сохранить самообладание и ничем не выдать себя.

Разведывательная группа под руководством Джима с соблюдением всех необходимых мер предосторожности была размещена в Кантоне. Для радистов был снят отдельный дом, а Рихард поселился в гостинице. Убедившись в ходе нескольких пробных радиосеансов, что связь с Владивостоком (именно туда адресовались все донесения нелегальной группы) работает, Джим подробно проинструктировал Рамзая, как вести разведывательную работу на новом месте. Затем пожелал ему успеха и через несколько дней покинул Китай на борту пассажирского судна.

Всего через четыре месяца после начала специальной командировки Рамзай приступил к самостоятельной разведывательной работе. Теперь он лично отвечал за добывание информации об обстановке на юге Китая и ее доклад в Центр.

Посещение германского консульства в Кантоне и знакомство с его руководством открыли доступ в местную немецкую колонию. К сожалению, на юге не было германских военных инструкторов, поэтому разведчик наибольшее внимание уделял встречам с сотрудниками консульства и соотечественниками-коммерсантами, много знавшими о том, что происходит в южных провинциях Китая.

Кроме того, как хорошо понимал Зорге, ему было необходимо в кратчайшие сроки найти надежных информаторов среди провинциальных

чиновников, военных и других лиц, которые в отличие от иностранцев могли свободно перемещаться по всем южным провинциям и рассказывать разведчику обо всем увиденном и услышанном.

Рамзай стал знакомиться с Кантоном и увидел, что этот город значительно отличается от Шанхая. В нем проживало около полутора миллионов жителей, но среди них было очень мало иностранцев. В Кантоне находилась только одна англо-французская концессия, в остальных районах города проживали китайцы, называвшие себя кантонцами. Зорге, изучавший китайский язык, обратил внимание на существенно отличавшийся от него местный диалект. Некоторые здесь даже называли его самостоятельным кантонским языком.

Кантон был настоящим китайским городом, где почти все улицы, кроме небольшого района концессии, застроенного по стандартам западной архитектуры, были шириной не более двух-трех метров, а в узких переулках с трудом могли разойтись два человека. В маленьких одноэтажных домиках размещались многочисленные семьи. На улицах всегда было шумно, отовсюду слышались китайская музыка, крики мелких торговцев, рикш, грузчиков-кули и нищих попрошайек. Особенностью Кантона являлось также большое количество жителей, постоянно проживавших в джонках, стоящих на реке Чжуцзян вдоль берега. Там царила еще большая нищета. В городе почти не было промышленности, имелось лишь несколько десятков мелких шелкоткацких мануфактур и множество лавок различных ремесленников. При этом организованного рабочего класса, как отметил Рихард, в городе практически не было.

В то же время Кантон являлся важным политическим центром Китая. Исторически в этом городе всегда действовали оппозиционные силы, противопоставлявшие себя Северному Китаю. Считалось, что на севере страны правили реакционеры и монархисты, а на юге — конституционалисты и республиканцы. В 1920-е годы после свержения в Китае монархии в Кантоне было создано революционное республиканское правительство, которое возглавлял лидер партии Гоминьдан Сунь Ятсен. В городе проживало много представителей китайской интеллигенции, придерживавшихся левых и антиимпериалистических взглядов.

Зорге начал активно искать людей, которые могли помочь ему в разведывательной деятельности. Он познакомился с кантонцем Цзян, а затем с одной местной семьей — мужем и женой. Они придерживались прогрессивных взглядов, что позволило разведчику, наметнув на свои политические предпочтения, установить с ними дружеские отношения. В итоге его знакомые стали оказывать ему помощь в сборе информации о

ситуации в южных районах Китая. Кроме того, немецкий корреспондент, активно интересовавшийся сельскохозяйственным производством в этом районе страны, регулярно посещал соевые, арахисовые и другие плантации в расположенных рядом с Кантоном провинциях Гуанси и Гуандун и видел все, что там происходило.

27 мая Центр получил первую телеграмму, подписанную псевдонимом Рамзай:

«Правительство Кантона посылает войска в северную часть Гуандуна. По моему мнению, можно ожидать новое наступление Чжан Факуя из севера».

Через несколько дней в Москву поступило новое донесение Рамзая:

«Гуансийцы на юге Хунани соединились с Чжан Факуем на севере. Часть Ли Сунчен еще в Квейлине на севере Гуанси. Часть кантонских на севере Гуандуна перешли хунанскую границу. Создание двух новых дивизий в Кантоне».

В это время в трех южнокитайских провинциях, Гуандун, Гуанси и Хунань, складывалась сложная обстановка. Несмотря на признание правительства в Нанкине, местные руководители из бывших милитаристов начали выступать против Чан Кайши. Начались вооруженные столкновения гоминьдановских войск с гуансийскими военными группировками, которых поддержал влиятельный милитарист Чжан Факуй, имевший в подчинении многотысячную группировку войск в Центральном Китае. В 1929 году между Нанкином и Гуандуном уже имел место вооруженный конфликт, который закончился поражением южных сепаратистов.

В мае — июне, как информировал Центр Зорге, в этом районе вновь возник очаг напряженности, что свидетельствовало о неустойчивости режима Чан Кайши в Китае, его неспособности контролировать всю территорию страны. Начальник агентурного отдела, докладывая в Москве эти сообщения Рамзая Берзину, обратил его внимание на эту особенность обстановки в Китае. Работа Зорге получила высокую оценку руководства военной разведки РККА, так как прежде такой информации не поступало ни от одного из других источников.

Самостоятельная деятельность потребовала от Рихарда в полной мере использовать все знания и навыки, полученные во время подготовки в IV управлении. Он лично зашифровывал готовящиеся к передаче в Центр донесения, используя в качестве ключа определенную книгу. Этот способ широко использовался в советской военной разведке из-за сложности его дешифровки контрразведывательными органами практически всех стран мира. Зорге научился преобразовывать текст телеграммы в колонки цифр,

хотя это и требовало продолжительного времени.

Первоначально Рамзай сам контролировал отправку в Центр своих донесений. Радист Макс Клаузен показал ему, как с помощью своего коротковолнового радиопередатчика организует связь с Центром. Макс оказался соотечественником Зорге, он тоже воевал на фронтах Первой мировой войны, только в радиочастях германской армии в качестве радиста. После войны оказался в Советском Союзе, был отобран в военную разведку Красной армии и прошел подготовку в качестве радиста для нелегальной работы за рубежом.

Клаузен, отличный специалист своего дела, объяснил Рихарду, почему коротковолновая связь больше всего подходила для нелегальной разведдеятельности. Использование коротких волн позволяло обеспечить дальность связи до нескольких тысяч километров. При этом использовался малогабаритный передатчик, который можно было собирать на месте из свободно продаваемых радиодеталей, а запеленговать точное местоположение его работы было в те годы практически невозможно. Клаузен показал, как он устанавливает связь с объектом «Висбаден» — радиоцентром разведки Тихоокеанского флота ВМФ СССР. Оттуда донесения нелегальных разведчиков ретранслировались в Москву.

Теперь Зорге как руководитель отдельной разведывательной радиофицированной группы нес полную ответственность за работу своего небольшого коллектива, в том числе за их безопасность и конспирацию. Руководитель резидентуры в Шанхае, которому подчинялась кантонская группа, в июне проверил ее работу. Особое внимание он обратил на агентурно-разведывательную деятельность Зорге. После завершения поездки Шериф направил в Центр донесение, в котором отмечалось, что Рамзай хорошо легализовался на новом месте и к его разведывательной работе нет претензий. Он может пробыть в Кантоне не менее полугода, но группу целесообразно усилить шифровальщиком.

Шериф информировал Зорге, что Центр заинтересован в получении данных о ходе гражданской войны в Китае. Важными являются данные о влиянии на обстановку в стране различных внешних сил и о их интересах в Китае. Шериф также сказал Рихарду, что в Москве положительно оценили его работу.

После отъезда резидента в Шанхай Зорге с еще большей активностью стал вести поиск источников информации не только в Кантоне, но и в Южном Китае в целом. У него появились новые знакомые китайцы, а также европейцы из числа журналистов, коммерсантов и дипломатов. Рихард несколько раз посетил Гонконг — один из крупнейших портов Азии,

захваченный Англией у Китая в результате Второй опиумной войны. Официально Лондон арендовал этот участок китайской территории на юге страны, но фактически Гонконг являлся английской колонией и управлялся британским губернатором.

В городе проживало много иностранцев, он считался крупнейшим перевалочным пунктом европейцев на Дальнем Востоке, в нем действовало много иностранных компаний, развивался крупный китайский бизнес. В Гонконге проживало около миллиона жителей, преимущественно китайцы из обеспеченных слоев общества, а также англичане, американцы, японцы, канадцы, немцы и представители стран Юго-Восточной Азии. Используя в качестве прикрытия журналистскую и научную деятельность, Зорге познакомился со многими людьми в Гонконге. Его умение привлекать и устанавливать отношения с людьми способствовало тому, что многие из них охотно делились с немецким корреспондентом информацией по различным вопросам, в том числе интересовавшими Центр. В результате у Рихарда появилась возможность получать сведения о ситуации в Индокитае, и он запросил Москву, нужны ли подобные данные. Уже через несколько дней пришел положительный ответ. В Разведывательном управлении вновь отметили активность нового сотрудника.

В Кантоне Зорге удалось выйти на китайцев, придерживавшихся левых убеждений, которые имели родственников, служивших в воинских формированиях южных милитаристов. От них Рихард получал информацию о планах и действиях Юньнанской, Сычуанской, Фуцзянской клики, Кантонской и Гуансийской армий, а также группировки Фэн Юйсена из Чжилейской клики и правительственной нанкинской армии. Теперь разведчик точно знал, какие боевые действия происходят в Южном и Центральном Китае, состав противостоящих группировок, а на основе этой информации мог делать прогнозы относительно дальнейшего развития военной ситуации в том или ином районе. Кроме того, Зорге смог разобраться в расстановке различных политических сил в этом районе Китая и вскрыть те структуры, которые негласно оказывали им финансовую помощь. Оказалось, что местным сепаратистам и милитаристам помогали не столько иностранцы, сколько китайцы — кантонские банкиры и имевшие крупные состояния богачи из Гуанси.

Другой важной задачей, которую успешно решил Рамзай в Кантоне, явилось получение детальных сведений о вооруженной борьбе китайской Красной армии. Рихард выполнил указание Центра о недопустимости прямой работы с китайскими коммунистами, и у него не было ни одного информатора — члена или функционера КПК, но были люди, которые

симпатизировали народно-революционному движению и хорошо знали, что происходит в местах расположения частей Красной армии Китая.

От них Зорге узнал, что под контролем китайских коммунистов находится горный район, расположенный на границе сфер влияния соперничающих гоминьдановских группировок — нанкинской и гуандун-гуансийской. На границе трех расположенных неподалеку от Кантона провинций Фуцзянь, Гуандун и Цзянси дислоцировались партизанские отряды коммунистов, сведенные в два корпусных командования. В начале 1930 года, выполняя решения Центрального комитета КПК, посчитавшего, что в стране созрела революционная ситуация и возможна победа революционного движения, эта группировка попыталась захватить соседние провинции, но потерпела поражение. Коммунистам не хватило сил, их не поддержало население ни в городах, ни в сельской местности. В связи с этим отряды коммунистов перешли к тактике затяжной партизанской войны, лишь периодически покидая контролируемую ими территорию. В свою очередь, местные милитаристы не предпринимали активных действий против коммунистов, надеясь использовать советский район как прикрытие с севера от нанкинских войск.

В Центр продолжали поступать телеграммы из Кантона, подписанные Рамзаем. В них указывалась обстановка, складывающаяся на юге Китая. Зорге точно вскрыл состав и дислокацию гуандун-гуансийской группировки в составе 57, 59, 60, 61, 62 и 63-й дивизий и нескольких отдельных бригад, их оперативные переброски на различные направления для участия в боях. Москве стало известно о закупке для них вооружения и боеприпасов во Франции и Германии. В конце августа Зорге информировал IV управление о подготовке новой военной кампании против красных войск на востоке провинции Гуандун, в которой будет участвовать вновь созданный «корпус для сохранения мира».

В других телеграммах Рамзай сообщал о политических противоречиях местных группировок с Чан Кайши и нанкинским правительством. Политический лидер гуандунцев Ван Цзинвэй заявлял о необходимости «реорганизации Гоминьдана» и смены его руководства, а также переориентации внешней политики, придании ей «правильного национального направления». При этом Зорге отмечал демагогический характер подобных заявлений: требуя отказа от опоры на США и Англию, Ван Цзинвэй практически открыто пользовался поддержкой Японии. При этом он придерживался антироссийских позиций и выступал против восстановления дипломатических отношений Китая с СССР.

Всего до конца августа из Кантона в Центр поступило 15

разведывательных донесений, восемь из которых были доложены военному и политическому руководству страны. С телеграммами Рамзая знакомились нарком обороны К. Ворошилов, заместитель наркома обороны И. Уборевич, начальник политуправления РККА, заместитель наркома обороны Я. Гамарник, начальник Штаба РККА Б. Шапошников, состоящий при наркоме обороны для особо важных поручений Г. Штерн, заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Л. Карахан и заместитель председателя ОПТУ, начальник ИНО ОГПУ С. Мессинг. Это был высокий результат работы молодого разведчика, находившегося в спецкомандировке немногим более полугода.

Тем временем обстановка в шанхайской нелегальной резидентуре резко осложнилась. Шериф, прибывший в Китай одновременно с Рамзаям, также начал активную вербовочно-разведывательную деятельность. Ранее он работал в ЧК и, исходя из своего прежнего опыта, начал искать осведомителей из числа бывших белогвардейцев, которых много проживало в Шанхае. Один из них согласился выполнять задания советской военной разведки, но затем предал Шерифа и раскрыл его перед местной полицией. Возникла угроза ареста резидента и прекращения работы всей шанхайской нелегальной группы.

Шериф информировал Москву о случившемся, предложил оставить Рамзая в качестве резидента, а самому срочно покинуть Китай. Берзин, которому начальник агентурного отдела доложил о провале в Шанхае, недолго размышлял, перед тем как принять решение. Результаты работы Рихарда Зорге показывали, что он справится с новыми обязанностями, временно возглавив резидентуру, но для ее усиления в Шанхай в ближайшее время должен быть направлен новый сотрудник. В соответствии с этим решением уже в конце августа на встрече в Гонконге Шериф ознакомил Рамзая с положением дел в резидентуре и передал ему все оперативные связи. После этого он отбыл на родину.

Решение Центра было неожиданным для Рихарда. Он даже не мог предположить, что ему будет поручено возглавить нелегальную резидентуру после восьмимесячного пребывания в стране, — это означало большое доверие, но и большую ответственность. Однако такое решение давало возможность добиться больших результатов, к чему сразу после прибытия в Китай стремился молодой разведчик. Поэтому Рамзай без всяких сомнений покинул Кантон и 3 сентября вернулся в Шанхай, откуда направил в Центр первую телеграмму в качестве резидента. В ней он сообщил, что приступил к исполнению новых обязанностей, сохранил всех своих информаторов на юге и будет поддерживать с ними связь через

курьеров.

В резидентуру в то время помимо Рамзая входили только два радиста, один из которых — Макс Клаузен — оставался в Кантоне, другой — Зепп Вайнгартен, тоже немец, обеспечивал радиосвязь с Москвой. Он проживал в Шанхае на территории французской концессии, радиопередачи вел из своего дома. Еще несколько сотрудников до отъезда Шерифа были отозваны в СССР. Зорге мог рассчитывать только на себя и своих информаторов, так как прежние источники Джима и Шерифа, как он быстро выяснил, были малоценными и не могли получать сведения об обстановке в Китае, необходимые Центру.

Рихард обдумал сложившуюся ситуацию и наметил для себя план работы на ближайшее время. Он возобновил контакты в немецкой колонии, в том числе среди германских военных советников и инструкторов, а также стал более активно искать источники информации из числа китайцев, используя знакомых Агнессы Смедли. Опираясь на опыт, полученный в Кантоне, Зорге стал более активно работать по этим направлениям, постепенно создавая свою разведывательную сеть, способную решать широкий круг задач. Практически каждый день у Рихарда проходили встречи с различными людьми, ему приходилось играть разные роли, чтобы максимально расположить к себе собеседников. Зорге нравилась эта работа, у него получалось практически все, он везде был своим и добивался всего, что ему было необходимо.

Немецкие военные в Шанхае и Нанкине с удовольствием соглашались на встречи с известным журналистом-соотечественником. Контакты в основном происходили в барах, ночных клубах и других увеселительных заведениях, где, как они знали, их ждет щедрое угощение. Участие в долгих застольях, беседы о «неминуемом возрождении великой Германии», расистские шутки в отношении китайцев как людей «второго сорта» были утомительны для человека, придерживавшегося совсем других взглядов, но давали возможность получать важную военную и политическую информацию.

На встречах с иностранными дипломатами, журналистами из ведущих зарубежных изданий Зорге показал себя не только опытным корреспондентом, много знающим о ситуации в Китае, но и серьезным ученым, хорошо разбирающимся в мировой экономике, состоянии местного рынка, банковского дела и сельского хозяйства. Такие знания достигались внимательным изучением прессы и различной справочной литературы, чем постоянно занимался Рихард. Однако в результате у него появилась репутация уникального специалиста, «знающего все» о Китае —

очень трудной для понимания любого европейца стране. Поэтому многие иностранцы стремились встретиться и побеседовать с талантливым немецким журналистом.

Когда Зорге посещал правительственных или провинциальных чиновников в ходе своих поездок о стране, он выступал в качестве человека, поддерживающего их националистические настроения с опорой на «великую китайскую историю», не сомневающегося в возрождении «великого государства» при помощи Германии, также пострадавшей от вмешательства ведущих империалистических держав. Это встречало понимание у его собеседников, которые, как знал Рихард, считали, что Германия имеет статус, «равный с Китаем», и может помочь в построении политически независимого китайского государства. Общению с ними также помогали хорошее знание китайской истории и использование в беседах цитат из Конфуция.

Легче всего Зорге было общаться с идейно близкими ему людьми — журналисткой Агнессой Смедли, ее знакомыми из числа китайцев, придерживавшихся левых и революционных убеждений. Однако и с ними нельзя было полностью открыться. Сражаясь на невидимом фронте, Рамзай всегда помнил, что главным для него является получение как можно больше сведений из различных источников при соблюдении всех необходимых мер предосторожности и конспирации.

Как руководитель нелегальной резидентуры в Шанхае Рамзай уже к концу 1930 года добился многого. У него появился широкий круг информаторов и знакомых лиц в различных структурах китайского государства, провинциальных группировках, иностранных колониях и дипломатических представительствах. По-прежнему германские военные советники при нанкинском правительстве делились с ним военной информацией стратегического и оперативного характера. У Зорге постоянно были сведения о планировании и подготовке операций правительственных войск против провинциальных милитаристов и Красной армии Компартии Китая. Эти данные помогали Рамзаю разобраться в общей военной обстановке и особенностях отдельных военных операций. Не менее важной была информация о планах реформирования войск, развертывании новых соединений и частей, их составе и вооружении. Все эти сведения были крайне важными для Москвы.

Хорошо знавший Германию, где в соответствии с Версальским договором было запрещено производство многих образцов тяжелого и современного вооружения, Рихард особое внимание уделял полученным от

немецких инструкторов сведениям о поставках в Китай секретной продукции германских оружейных концернов и ее практическом испытании в боевых условиях. Военные советники часто приглашали Зорге в Нанкин, посещали его в Шанхае, организовывали совместные поездки в Тяньцзинь и Ханьчжоу, где были военные объекты. От них разведчик также получал сведения о внутренних делах нанкинского правительства, политических событиях и состоянии китайской экономики.

Зорге удалось сблизиться с немецкими летчиками смешанной китайско-германской авиакомпания «Евразия», которые совершали полеты по внутрикитайским маршрутам. От них поступала информация о положении в глубинных районах Китая, местоположении взлетно-посадочных полос, ангаров и других сооружений на местных аэродромах. Важными были сведения о разведывательных полетах замаскированных под гражданские самолеты «юнкерсов», которые по этой причине не сбивались зенитчиками китайской Красной армии. Зорге также стало известно о стремлении Германии превратить Китай в испытательный полигон немецкой авиационной промышленности.

Огромную помощь в разведывательной работе Рамзаю оказала американская журналистка Агнесса Смедли. Ей удавалось получать информацию из ближайшего окружения лидера Гоминьдана и верховного главнокомандующего нанкинского режима Чан Кайши, о чем она регулярно рассказывала своему близкому знакомому. Агнесса поддерживала дружеские отношения с вдовой Сунь Ятсена — вождя революционного националистического движения Китая. Чан Кайши взял в жены ее сестру, другая из сестер была замужем за влиятельным в правительстве министром промышленности, торговли и сельского хозяйства. С помощью этих связей при содействии Агнессы Зорге стал членом престижного «Китайского автомобильного клуба», президентом которого являлся сам Чан Кайши. Это в значительной степени облегчило Рихарду доступ к правительственным чиновникам самого высокого уровня. Смедли также удалось установить контакт с шурином Чан Кайши — министром финансов, благодаря чему было налажено получение сведений о бюджете и основных параметрах нанкинской государственной экономики и военных расходах, составлявших до 86 процентов всего бюджета.

Однако основное внимание в своей оперативной работе Зорге уделял увеличению количества информаторов из числа местных китайцев. У него появились такие агенты в Шанхае, продолжала действовать созданная им сеть в Кантоне и южных провинциях Китая. В Нанкине на Рамзая работал сотрудник министерства иностранных дел, также имелись источники в

Пекине и Мукдене. Передачу информации от всех них обеспечивали надежные связники и курьеры, привлеченные Рихардом к сотрудничеству. Шанхайским помощникам Зорге удалось взять под свой контроль поставки из-за рубежа нанкинской армии вооружения и боеприпасов, так как они производились через местный порт, а оплата осуществлялась через банки в Шанхае.

Таким образом, к Рамзаю от различных источников поступала важная информация, характеризующая различные аспекты обстановки в Китае. Иногда она носила отрывочный характер, но часто сообщения дополняли друг друга, что позволяло составить общую картину. Зорге лично анализировал добытые его источниками сведения и на их основе готовил в Центр разведывательные донесения, которые часто содержали его прогнозы и предложения.

Москву в то время очень интересовало положение Красной армии Компартии Китая, которая терпела поражения от гоминьдановских войск, в том числе из-за плохо организованной разведки и отсутствия достоверных сведений о противнике. Наркомат обороны СССР на основе данных военной разведки информировал китайских коммунистов о реальной обстановке в районах боевых действий. Много таких данных поступало от шанхайской нелегальной резидентуры.

Так, во второй половине сентября Рамзай направил в IV управление два следующих сообщения:

«Второе неудачное наступление красных против Чанша (провинциальный центр провинции Хунань) с 6 до 10 сентября. Теперь 20-я и Хунаньская дивизии концентрируются против армий Моуа, Пенга, Холунга. 18-я Киангсийская дивизия уже в тылу красных ближе Лакинга. Усилена семью аэропланами американского типа. Единственная возможность у красных, по-моему, отступить на юго-восток».

«Нанкинская 3-я армия заняла Син-Шэнь на юге Ченжоу, 4-я армия заняла Мижен, 5-я заняла Чин-Янг. Красная армия Жувэ и Пен Дэхуа отступила в направлении Кианг Сия. До поражения у Чанг Ча они имели 20 000 войск с 15 000 винтовок».

Эти сведения получили высокую оценку Центра и были доложены военному и политическому руководству СССР. Помимо военной информации Рамзай направлял в Москву донесения и о внутривнутриполитической обстановке в Китае. В одном из них говорилось о конфликте между Чан Кайши и маньчжурской кликой в Мукдене, возглавляемой Чжан Сюэленом, в другой — о нежелании Нанкина и Мукдена обострять отношения с СССР и доводить их до военного

конфликта. Важной была информация о намерении Нанкина создать японо-китайский военный союз, направленный против Советского Союза.

Всего до конца 1930 года Центр получил из Шанхая около пятидесяти телеграмм, 37 из них были доложены руководству, в том числе одна — Сталину, Пятницкому и Ворошилову. В ней Рамзай информировал:

«Красные наступают на Чандэ на севере Хунани и Хень-Чжоу-Фу на юге. Прорвали железнодорогу Ханькоу — Чанша, Ханькоу — Пэйпин и у Гуаньшу (северная часть Хубэя). Правительственные войска в Хенане и Хубее еще не получили зимнего обмундирования и жалованье за последние месяцы. Настроение скверное. Число войск в дивизиях увеличивается за счет новых солдат: 1-я дивизия на 1500, 11-я дивизия на 1000, 48-я дивизия — 6000. 72 000 человек, организованные в народные отряды, вооруженные 15 000 винтовок, действовавшие во время войны против Фына, объявили о своей независимости. Кавалерийская дивизия Фына в составе 1000 чел. перешла под командование Ханьфу-цу и теперь находится на западе Шаньдуна».

Увеличение количества и значительное повышение важности информационных донесений, поступавших от шанхайской нелегальной резидентуры, были отмечены в Центре. Начальник агентурного отдела В. Таиров напомнил Берзину, что еще в первой половине 1930 года положение было совсем другим и приходилось указывать Шерифу на то, что в его телеграммах содержится много недостоверных сведений, а об основных событиях в Китае IV управление узнавало в основном из открытой прессы. Ситуация изменилась после того, как резидентуру возглавил Рамзай. Он был утвержден в качестве постоянного резидента в Шанхае. Начальник управления просил его обратить внимание на вопросы безопасности и конспирации, чтобы не допустить провалов, так как Китай считался для разведки достаточно сложной страной.

Зорге уже сталкивался со шпиками в Китае, выявляя их по известным ему признакам. Однако то, что ему стало известно о борьбе разведок и контрразведок на китайской территории, просто поразило его.

В Китае действовало большое количество различных спецслужб. Правящий на большей части страны Гоминьдан имел свою систему сыска, решавшую одновременно задачи общегосударственной разведки. Кроме того, в Нанкине существовала личная разведслужба Чан Кайши, центральное разведывательное управление, разведывательный департамент генштаба и правительственная контрразведка. У каждой из этих спецслужб имелись многочисленная агентура и осведомители, державшие под наблюдением всех подозрительных лиц.

Одновременно каждый глава провинции, генералы милитаристских клик, различные местные правители имели собственную агентуру для выявления замыслов и планов своих соперников. В районах боевых действий в тыл противника массово засылались агенты из числа местных жителей, которые за минимальную плату в один юань должны были заниматься военным шпионажем. Китайские спецслужбы пытались брать на вооружение и опыт других стран. После того как немецкие специалисты привезли брошюры, в которых описывались успехи Маты Хари, местные разведчики перевербовали всех смазливых актрис и танцовщиц увеселительных заведений, которые должны были следить за посетителями.

На территории Китая также активно действовали иностранные спецслужбы, в том числе японская военная миссия, имевшая своих агентов во многих государственных и военных структурах, а также британская, американская и французская разведки. Китайская полиция и контрразведка, зная об этом, осуществляли контроль за всеми иностранцами, подозревая в каждом из них потенциального шпиона. В международных селтльментах, расположенных в крупных городах, существовали собственные службы безопасности и система осведомителей.

Особенностями этого кипящего котла шпионажа-антишпионажа являлось как использование зверских методов азиатского средневековья, так и применение современных контрразведывательных технологий. Больше и чаще всего в Китае искали «красных шпионов», связанных с местными коммунистами, Коминтерном и советской разведкой. Пойманных агентов, изменников и часто просто заподозренных в чем-то лиц безжалостно уничтожали. В разных провинциях способы казни различались: расстрел, отрубание головы или сожжение заживо. Это делалось для того, чтобы запугать потенциальных предателей.

Приступив к выполнению обязанностей резидента, Зорге проанализировал положение в стране всех работников своей группы. Каких-либо настораживающих моментов им выявлено не было. Однако в январе 1931 года за Рамзаем и его радистом Вайнгартеном была установлена полицейская слежка, что вынудило временно приостановить всю разведывательную деятельность группы. Зорге вскоре удалось узнать, что это было связано с провалом Шерифа и возникшими у полиции подозрениями в отношении всех лиц, которые встречались с ним. Вскоре Рихард информировал Центр, что ситуация нормализовалась из-за отсутствия у полицейских служб каких-либо доказательств, а также его «сильного официального положения». Зорге в течение всего периода

работы в Китае уделял вопросам безопасности и конспирации большое внимание, добиваясь скрытности всех проводимых агентурных мероприятий. Все встречи с источниками тщательно легендировались, чтобы не привлекать внимания полиции.

В конце 1930-го — начале 1931 года основные усилия нанкинского правительства во главе с Чан Кайши были направлены на подавление революционного движения, освобождение от коммунистов территории советских районов и разгрома китайской Красной армии. С этой целью Гоминьданом был запланирован ряд масштабных военных операций, о чем практически сразу стало известно Рамзаю, и он немедленно информировал Москву:

«Общее содержание плана Чан Кайши для подавления красных: 1. Изоляция главных сил Красной армии; 2. Уменьшение роли провинциального руководства военных действий путем создания новых руководящих органов, получающих указания из отделения главного штаба в Ханькоу; 3. Устранение провинциальной границы в отношении движения и содействие дивизиям разных правительств; 4. Попытка разложения красных денежными подарками для вернувшихся в лагерь правительства; 5. После дальнейшей изоляции красных на юго-востоке Цзянси усилить кампанию в Хубее. К первому пункту — изоляция красных удалась только на юге Цзяньси, уже видно стремление правительства изолировать во вторую очередь армию Холуна и Ли Ченьгуна».

В других донесениях Зорге подробно раскрыл всю привлекаемую к операции группировку Гоминьдана в составе четырнадцати дивизий, направления их выдвижения, рубежи атак и другую детальную военную информацию. Москве становилось известно о ходе боев: первоначальном отступлении красных, переходе к партизанской тактике, замедлении продвижения гоминьдановцев и их больших потерях. Первая карательная операции Гоминьдана завершилась неудачей. Как информировал Рамзай, в середине января Чан Кайши провел с военным руководством совещание, на котором заявил, что военными силами подавить красных невозможно.

Несмотря на это до середины 1931 года нанкинское правительство организовало против коммунистов еще два карательных похода, собрав практически все имевшиеся силы и средства. Однако добиться успеха войскам Чан Кайши вновь не удалось. Отряды Красной армии, значительно уступавшие противнику по численности, наносили неожиданные удары с флангов и тыла, на стыках дивизий и полков гоминьдановцев, приводившие к их большим потерям. Срыву планов карателей помогала детальная информация, поступавшая китайским коммунистам из Москвы. Ее основу

составляли данные, полученные нелегальной резидентурой Рамзая.

Успешная работа Зорге продолжалась и по другим направлениям. Руководимые им агенты в Кантоне установили связь с офицером штаба 8-й гуандунской армии, который согласился продавать секретные военные документы. Получив согласие Центра, Рамзай совершил поездку на юг Китая и привлек к сотрудничеству нового ценного источника информации. Вскоре аналогичную успешную операцию удалось провести в штабе 19-й армии, а также в военной академии в Нанкине, где готовили офицерские кадры для армии Чан Кайши. В результате в резидентуре появилось много секретных документов, которые Зорге и его помощники фотографировали, а пленки с курьерами регулярно направляли в Центр.

Помимо изучения обстановки в Китае Зорге все больше внимания стал уделять Японии. Знакомясь с местной прессой и газетами соседних стран, он узнал о давних японских притязаниях на господство в Китае на основе своей доктрины «Великой Восточной Азии», которая идеологически обосновывала изгнание из региона европейцев и объединение азиатских народов вокруг Японии. Китай рассматривался как первый объект японской экспансии из-за своих природных ресурсов, а также для подавления исходящей оттуда «красной угрозы». Во время работы в Кантоне Рихард видел, как бесцеремонно вели себя японские дипломаты, насаждая всюду своих ставленников и агентов, готовя почву для будущей агрессии в Китае, которая в последующем могла распространиться и на СССР.

Рихард стал чаще встречаться с японскими дипломатами в Шанхае и установил хорошие отношения с консулом и военным атташе, играя роль «истинного друга» Страны восходящего солнца. Зорге быстро нашел общий язык с этими людьми, чье руководство в Токио придерживалось идеологии исключительности японской нации, ее права на агрессию и применение военной силы для достижения своих целей. Немецкий корреспондент стал частым гостем на всех японских дипломатических мероприятиях, где сотрудники представительства откровенно делились важной информацией с гостем, которого считали своим сторонником.

Среди знакомых Зорге стали появляться японцы, проживавшие в Китае, которых он тщательно изучал, чтобы выбрать тех, кого можно использовать в интересах военной разведки как источников информации. Агнесса Смедли познакомила Рихарда с Одзакэ Ходзуми, специальным корреспондентом японской газеты «Осака Асахи», который придерживался прогрессивных взглядов. В последующем он стал главным соратником Рамзая в разведывательной работе, от него регулярно поступала надежная и достоверная информация из японских кругов в Китае и из самой Японии.

Первоначально между двумя журналистами установились профессиональные отношения, что не потребовало от Зорге дополнительных усилий: двум высококлассным корреспондентам было что обсуждать друг с другом. Затем Рихард стал пользоваться все большим доверием своего знакомого, который разделял его марксистские взгляды на развитие стран региона. Японский коллега восхищался эрудицией Зорге, его способностью разобраться в любой самой сложной политической ситуации и стал все больше сближаться с ним. Одзаки рассказал Рихарду, что окончил в Токио элитный колледж, куда принимали только наиболее одаренных учеников. Там он помимо усиленной общеобразовательной программы изучал немецкий язык, поэтому они могли свободно разговаривать друг с другом. В дальнейшем Одзаки учился в университете, поступил в аспирантуру, после окончания которой стал заниматься наукой и журналистской деятельностью. У них было много общего в жизненном пути, во взглядах на развитие общества, в неприятии милитаризма как в Азии, так и в Европе. Зорге видел, что его знакомый детально владеет обстановкой в Китае, Японии, Юго-Восточной Азии, знает о планах и намерениях Японии и ведущих империалистических государств в регионе. После нескольких целенаправленных бесед, которые научился умело проводить разведчик во время своей работы в Китае, Одзаки согласился собирать информацию по заданиям Рамзая, используя все свои связи и знакомства.

Кроме того, японский журналист, понявший, что его немецкий коллега занимается деятельностью, явно выходящей за рамки работы корреспондента сельскохозяйственной газеты в Берлине, стал знакомить Зорге с другими японцами, которые могли быть привлечены для решения разведывательных задач. Одним из них был Тэйики Каваи, периодически совершавший поездки в Маньчжурию и имевший доступ к информации о ситуации в Северном Китае. На Зорге стали работать еще четыре японца, добывавших необходимые советской военной разведке сведения.

Таким образом, состав агентов-информаторов шанхайской нелегальной резидентуры, руководимой Рамзаем, расширился. От них поступало в Центр все больше разведанных, которые по радиосвязи передавались через Владивосток в Москву или переправлялись курьерами в Харбин, а оттуда на территорию СССР. В Разведуправление регулярно доставлялись оригиналы добытых документов или фото пленки с отснятыми секретными материалами. В резидентуре начала действовать небольшая фотолаборатория, где готовились материалы для отправки в Центр. Курьеру передавались 10–12 и более пленок.

Первое время всеми работами занимался сам Зорге: зашифровывал тексты радиogramм и фотографировал добытые агентами-источниками материалы. Вскоре, чтобы освободить Рамзая от этой кропотливой и занимающей много времени деятельности, Разведывательное управление прислало ему помощника. Прибывший в Китай польский коммунист Григорий Стронский (оперативный псевдоним Джон) стал выполнять обязанности шифровальщика и отвечать за все фотоработы.

Спустя некоторое время для усиления все более успешно работавшей резидентуры в Шанхай был направлен еще один советский разведчик — эстонец Карл Римм. Он служил в Красной армии, занимал высокую должность начальника штаба дивизии. Его боевой опыт, хорошее знание немецкого языка привлекли к нему внимание IV управления, и он был отобран для прохождения службы в военной разведке. После завершения курса специальной подготовки Римма назначили заместителем Рамзая, присвоив оперативный псевдоним Пауль. В Москве у него осталась жена Люба Ивановна Римм, которую спустя некоторое время Берзин также направил в Шанхай в качестве шифровальщика радиogramм Рамзая, так как их количество значительно возросло. Под псевдонимом Луиза она также вошла в состав резидентуры. Так закончилось формирование нелегальной группы советских военных разведчиков, работавших в Китае под руководством Рамзая.

Зорге продолжал активно вести вербовочную деятельность среди иностранцев, ему удалось привлечь к сотрудничеству жену немецкого архитектора Урсулу Кучински, проживавшую вместе с мужем в Шанхае. Ранее она вела партийную работу в Германии в интересах компартии, придерживалась прогрессивных взглядов. После ее изучения Рамзай прямо предложил ей работать на советскую военную разведку. Получив согласие, Рихард стал использовать ее квартиру для встреч со своими агентами-информаторами и для хранения в ней добытых источниками резидентуры материалов. Убедившись в надежности Урсулы, Зорге стал давать ей отдельные разведывательные поручения, а также использовать в качестве связной.

Рамзай сообщил в Центр о Кучински и рекомендовал направить ее в Москву для обучения в разведывательной школе. Он же предложил присвоить ей оперативный псевдоним Соня, которым она стала пользоваться во время своей последующей работы на военную разведку Красной армии. Оперативное чутье и талант Рамзая как разведчика подтвердились и в отношении Урсулы: после соответствующей подготовки она побывала еще в четырех командировках в качестве нелегала, в том

числе резидента, и благополучно вернулась в СССР после окончания Второй мировой войны.

Зорге знал, что в Шанхае находилась группа Отдела международных связей Коминтерна, поддерживавшая контакты с представителями руководства Коммунистической партии Китая и компартий ряда других дальневосточных стран.

В ее состав входили несколько человек, включая немецкого коммуниста, которого Рихард знал по совместной работе в Германии, а затем в Исполкоме Коминтерна в Москве. Зорге однажды случайно встретил его в Шанхае, но профессиональных отношений друг с другом они не поддерживали. У коминтерновцев была отдельная связь со своим Центром в Москве, они решали вопросы оказания финансовой и организационной помощи КПК, выполняли другие специфические задачи, никак не связанные с разведывательной деятельностью Рамзая в Китае. Зорге несколько раз встречался со своим знакомым. Откровенно разговаривая с Рихардом, тот отмечал трудности своей работы в Китае из-за большого количества ненадежных лиц и провокаторов из числа местного населения, а также частого направления Коминтерном в страну слабо подготовленных и не знающих местную специфику сотрудников.

Вместе с тем общим в работе этих нелегальных структур в Шанхае являлось обеспечение безопасности своей деятельности, для чего был предусмотрен оперативный обмен любойстораживающей информации. Поэтому летом 1931 года после получения достоверных данных от своих местных источников Рамзай направил в Центр телеграмму, в которой просил Разведуправление сообщить Михаилу (один из руководителей Исполкома Коминтерна — Пятницкий, под руководством которого в свое время работал Зорге), что два его сотрудника, Генрих и Генриетта, арестованы. Существует опасность, что полицией найдены важные документы. Речь шла о руководителе группы ОМС Х. Нуленсе и его супруге. О нем спецслужбы нанкинского правительства узнали от одного из руководителей КПК, захваченного ими.

Полиция Шанхайского иностранного сэттльмента действительно обнаружила в ходе обыска квартиры документы, подтверждавшие принадлежность Нуленса к Коминтерну. В связи с этим все сотрудники его группы были вынуждены срочно покинуть Китай, а заниматься этой проблемой в течение более года по указанию Москвы пришлось Рамзаю. Он собирал сведения об обстоятельствах провала, отслеживал перемещения арестованных по китайским тюрьмам, узнавал, какие обвинения им предъявлены, вел поиск адвокатов и лиц, которые за

крупную сумму смогли бы обеспечить выезд арестованных из страны.

Зорге отправил в Центр 14 телеграмм с предложениями по вызволению Нуленса и его супруги, используя для получения необходимой информации все свои связи и возможности. После того как в Шанхае вновь появились сотрудники Коминтерна, Рихард предложил Центру передать им всю последующую работу по арестованным. При этом он отметил, что участие в этом деле создает угрозу его раскрытия, так как он уже достаточно скомпрометирован из-за него в глазах полиции и иностранных спецслужб. Кроме того, дополнительная нагрузка не позволяла направлять основные усилия на решение разведывательных задач, поставленных IV управлением. В Москве согласились с предложением Зорге, и он до завершения своей командировки больше не занимался коминтерновскими делами. Он в очередной раз убедился, что работа в военной разведке более важна для Советского государства, чем задачи, решаемые ОМС Коминтерна.

Обстановка в Китае во второй половине 1931 года существенно осложнилась из-за агрессивных действий Японии на севере страны. Хотя этот район не входил в зону ответственности шанхайской резидентуры — она отвечала за центральные и южные районы Китая, — Рамзай стал направлять в Центр информацию о ситуации в зоне агрессии, полученную от своих японских источников. После начала в сентябре маньчжурского инцидента, в ходе которого Квантунская армия якобы в ответ на китайскую провокацию захватила этот регион, Зорге получил достоверные сведения, что эта акция была совершена армейским командованием без согласования с японским правительством. Такие вещи в то время были нередки из-за относительной самостоятельности военных в политической системе японского государства. В то же время действия Квантунской армии отвечали общей стратегии Токио в отношении установления господства над Китаем.

Москва узнавала из донесений Рамзая о составе и перемещениях японской военной группировки в Маньчжурии, дополнительных перебросках войск из Японии, о переговорах с императором Пу И о создании марионеточного государства Маньчжоу-го. Зорге информировал, что следующим агрессивным шагом Японии может стать захват Шанхая, а затем других главных районов страны. Практически все донесения Рамзая направлялись высшему военному командованию СССР, которое тщательно следило за действиями японских войск в непосредственной близости от советских границ.

Зорге проанализировал все данные о возможных действиях Японии

против СССР и пришел к выводу, что Токио на данном этапе не намерено этого делать. Однако японское руководство сознательно распространяло слухи о своих антисоветских настроениях, чтобы ослабить давление со стороны ведущих империалистических государств, недовольных японской агрессией в Китае. Шанхайской резидентуре удалось также раскрыть все особенности политики Японии в отношении Китая. Токио стремилось вынудить Чан Кайши отказаться от руководства страной и вооруженными силами, усилить влияние кантонцев и прояпонских милитаристов, вынудить все китайские политические силы прекратить сотрудничество с западными странами, не допустить сближения Нанкина с СССР.

Число информаторов, привлеченных Рамзаем к сотрудничеству, продолжало расти. Практически каждый день проходили встречи с источниками, которые Зорге проводил в различных местах: на людных улицах, в ресторанах, барах, танцевальных залах, в домах иностранцев и местных жителей с соблюдением всех мер безопасности. По-прежнему Рихард использовал немецкую колонию и особенно военных специалистов и инструкторов для получения важных сведений. С ним как знатоком Китая стремились встретиться многие иностранные журналисты и дипломаты.

Зорге работал в Китае уже почти два года. Успехи резидента видели и оценили в Москве. При подведении итогов работы нелегальных резидентур военной разведки по итогам 1931 года была особо выделена шанхайская группа. В подготовленном для Берзина документе отмечалось, что несмотря на сложные условия шанхайская резидентура вышла в число лучших. Основной причиной этого явилась активная деятельность резидента и его грамотная оперативная работа.

За время своего пребывания в Шанхае Рамзаю, как отмечалось в отчете агентурного отдела, удалось установить и закрепить полезные связи в дипломатических кругах, поддерживать регулярные контакты с германскими инструкторами в армии нанкинского правительства. На основе этих связей добывалась и направлялась в Центр информация военно-политического и военного характера, которая в Москве была признана ценной. Полученные агентурным путем документы и материалы оценивались как важные и к получению желательные.

Не менее результативными были итоги работы Рамзая по привлечению к сотрудничеству китайцев, работавших в правительственных структурах, аппарате Гоминьдана, военных учреждениях, в том числе в арсеналах и на базах вооружения, а также в войсковых штабах и непосредственно в армейских частях. Агенты-информаторы Рамзая добывали разведывательные данные об обстановке в Шанхае, Нанкине, Кантоне,

Пекине и Ханькоу, которая также высоко оценивалась Центром. Результаты личной вербовочной работы Рамзая среди иностранцев и китайцев получили самую высокую оценку агентурного отдела Разведуправления.

Рамзай также умело руководил нелегальными сотрудниками резидентуры, обеспечивающими бесперебойную радиосвязь с Центром, обработку и фотографирование документальной информации и ее отправку в СССР через курьеров. В резидентуре поддерживался высокий уровень конспирации.

Берзин, ознакомившись с этими результатами, попросил подготовить телеграмму на имя Рамзая, в которой поблагодарить его за результативную работу, а также информировать, что в ближайшее время в Шанхай в помощь ему будет направлен еще один разведчик-нелегал.

Получив из Москвы высокую оценку своей деятельности, Зорге был и тронут, и горд за действительно достигнутые им лично результаты. Его творческая натура ученого-исследователя помогала ему глубже разобраться в происходящих событиях, сделать правильные выводы, дать точные оценки. Проанализировав, например, добытые агентурным путем статистические отчеты, чертежи, другие документы по военным арсеналам Нанкина и Ханькоу, Зорге смог оценить их производственные возможности и характер выпускаемой военной продукции. Обработка и анализ других статистических материалов и информации, добытой его источниками, позволили подготовить и направить в Центр донесение о состоянии и развитии сельского хозяйства и промышленности Китая, а также создании с иностранной помощью национальной военной промышленности.

Рамзай уделял много времени уточнению всех особенностей политики ведущих империалистических государств в отношении Китая. В его телеграммах отмечалось, что Англия утрачивает свои доминирующие позиции на Дальнем Востоке, а в Китае через Гонконг пытается оказывать влияние только на кантонские и гуансийские группировки. Америка действует более активно, поддерживает Чан Кайши и нанкинское правительство. Американские монополии и крупные компании пытаются установить контроль над местным рынком, делают крупные инвестиции и капиталовложения в перспективные отрасли промышленности.

Источникам Зорге удалось добыть секретный меморандум, подготовленный американской миссией известного бостонского банкира Р. Фессендена, содержащий предложения для Белого дома об основных направлениях политики США в Китае на следующее десятилетие. В его подготовке принимали участие сотрудники консульств в Нанкине и Шанхае, а также ведущие американские специалисты по Китаю.

Меморандум включал перечень мер, которые необходимо принять Соединенным Штатам в политической, экономической и военной областях для укрепления своих позиций в этой крупной азиатской стране. Добытый текст меморандума был направлен в Центр и оценен как документ большой важности.

Зорге не забывал и о том, что должен оправдывать свое пребывание в Китае журналистской и научной деятельностью, и продолжал писать статьи, которые публиковались в немецких и американских газетах. Только в 1931 году из-под его пера вышли следующие материалы: «Стоит ли везти соевый шрот из Маньчжурии в Европу?», «Отменный урожай кунжута в Китае», «Россия покупает соевые бобы», «Германия в роли основного импортера китайского арахиса», «Резкое сокращение японского экспорта муки», «Перемены в соевом хозяйстве Маньчжурии». Чтобы получить информацию для этих статей, Зорге контактировал со многими чиновниками из министерства сельского хозяйства, другими специалистами в этой области. Ему всегда шли навстречу, так как он считался в Китае увлеченным своим делом «неистовым репортером».

В качестве журналиста, а также ученого-востоковеда Рихард совершил много поездок по стране, побывал в различных провинциях, посетил города Дайрен, Харбин, Циндао, Теньцзинь, Ханькоу, был в Гонконге, Монголии и Корее. Ему удалось лично ознакомиться с обстановкой в Маньчжурии, граничащей с Советским Союзом. В ходе поездок Зорге не только собирал разведывательную информацию, но и закреплял знание китайского языка, его местных диалектов, читал местную прессу, много общался с китайцами, что значительно расширило его знания о стране. В глазах многих иностранцев он стал известным знатоком Китая, который мог делать заключения по самым разным вопросам.

В январе 1932 года обстановка в Китае вновь обострилась из-за новой японской агрессии. После успешного захвата Маньчжурии руководство Японии решило усилить свое влияние в Китае и начать постепенное продвижение вглубь его территории. Для этих целей больше всего подходил Шанхай, пользующийся экстерриториальностью и имевший удобные для высадки десанта подходы с моря. Рамзай после маньчжурских событий продолжал внимательно следить за намерениями и действиями Японии, анализируя все данные, получаемые от своих источников.

В середине января им была направлена в Центр телеграмма, в которой говорилось, что Япония намеревается захватить Шанхай, предварительно согласовав свои действия с ведущими державами, включая США. Японцы тщательно готовятся к операции, опасаясь сильного противодействия

китайской армии. Эта информация полностью подтвердилась, когда 28 января японцы высадили десант и начали бомбить Шанхай. Москва потребовала от резидентуры оперативно реагировать на все происходящие события и сообщать о них в Центр.

Рамзай привлек к выполнению этого задания все свои оперативные связи и знакомства — немецких военных советников, дипломатов из представительств Германии, Японии, США, Англии, Франции, агентов — японцев и китайцев, а также, рискуя жизнью, лично посещал районы Шанхая, где велись боевые действия. Это позволило ему владеть полной информацией о военной обстановке в ходе конфликта и политических шагах его основных участников. Практически ежедневно до конца марта, когда бои под Шанхаем прекратились, в Москву направлялись разведывательные донесения, докладывавшиеся высшему военно-политическому руководству СССР.

Ситуация же в этом районе складывалась неоднозначная. После высадки японского десанта правительство в Нанкине решило не оказывать сопротивление агрессору. Основные государственные структуры были срочно эвакуированы вглубь страны, а находившаяся в районе Шанхая 19-я китайская армия получила приказ отойти без боя. Однако ее патриотически настроенное командование не выполнило этот приказ и вступило в сражение с агрессором. Японцы понесли большие потери и были вынуждены приступить к переброскам в район боевых действий дополнительных подкреплений.

В телеграммах Рамзая был указан точный состав Шанхайской экспедиционной армии ВС Японии, количество дивизий, бригад, самолетов и боевых кораблей, а также раскрыта группировка противостоящего ей китайского Шанхайского фронта. Зорге раскрывал и анализировал ход боевых действий, описывал применявшиеся тактические приемы, использование в ходе боев новейших образцов вооружения: танков, тяжелой артиллерии, бомбардировщиков. В Штабе РККА, куда IV управление направляло эти донесения, тщательно их изучали и учитывали при планировании военного строительства Красной армии и подготовке армии и флота к вооруженной борьбе в новых условиях.

После продолжительных кровопролитных боев многократно усиленной японской группировке все же удалось оттеснить китайские войска и занять обширный район вокруг Шанхая. Однако этот конфликт развеял миф о непобедимости японской армии, которой неоднократно приходилось отступать после контратак противника, несмотря на свое подавляющее преимущество над китайцами. В одной из телеграмм Зорге

сообщил, как в Токио оценили шанхайский конфликт. Японское военное командование было буквально ошеломлено тем, что ему не удалось одержать быструю победу над более слабым противником. Бессилие японской армии проявилось и в том, что ей не удалось сломить сопротивление противника лобовыми атаками, которые японский генштаб считал неотразимыми. В телеграмме делался вывод, что в ближайшей перспективе продолжение боевых действий японской армии в Китае маловероятно. Действительно, вскоре был подписан шанхайский мирный договор и город был объявлен демилитаризованной зоной.

Собирая и анализируя информацию о Японии, Зорге все больше узнавал об особенностях японской политической системы, о прошлой политике Токио по отношению к Китаю, что позволяло ему делать прогнозы будущих действий Токио после маньчжурского и шанхайского инцидентов. Его как военного разведчика интересовали в первую очередь политика Японии в отношении СССР, вероятные планы развязывания войны против Советского государства.

Внимание Рамзая привлекло то, что в последнее время в Японии набирало силу и влияние «молодое офицерство» — крайне реакционно настроенные милитаристские круги, призывавшие руководство страны к расширению внешнеполитической экспансии. Эти круги включали представителей сухопутных войск и военно-морского флота, имевших свои планы территориальных захватов в Китае, Восточной Азии и Тихом океане. Общим для них были крайний авантюризм и реваншизм. Неожиданным для Зорге оказалось то, что среди японских военных были распространены фашистские настроения, соответствующие их взглядам на развитие «японской великой нации». К агрессивным действиям фактически открыто призывал военный министр генерал Араки, тесно связанный с фашистскими группировками в армии. Практически все военнополитическое руководство Японии было единым во взглядах по подготовке к «большой войне», различия между представителями различных сил были только в сроках развязывания агрессии и направлениях экспансии.

На основании проведенного анализа всей этой информации Рамзай в конце марта подготовил и направил в Центр следующую телеграмму:

«Анализ Рамзая о намерениях японского политического и военного руководства в отношении будущей войны (на основе обобщения всех сведений). Моряки — за войну против Америки. Сухопутчики под руководством Араки — война против СССР. Если Америка будет выступать против использования Маньчжурии как плацдарма против СССР, то тогда первой задачей будет война против Америки. В этом случае задача японцев

— занятие китайского побережья и группы островов на Тихом океане путем высадки десантов (тренировки уже проходят). Возможен фашистский переворот в Японии, диктатором станет Араки».

В этой телеграмме был сделан глубокий стратегический анализ обстановки и предсказаны последующие агрессивные действия Японии в 1940-х годах. Подтвердилась и другая информация: попытка фашистского переворота была действительно предпринята в Токио в мае того же года, но генерал Араки в последний момент отказался его возглавить, из-за чего он и провалился.

Активная разведывательная деятельность Рамзая в Китае продолжалась. У него появлялись новые источники важной информации. Один из них являлся сотрудником из ближнего окружения белогвардейского атамана Семёнова, который находился на китайской территории и пользовался поддержкой Японии. Через него удалось добыть секретные архивы этого видного командира Белого движения, а также сведения о его контактах с японским руководством. В Москву направлялась информация о всех поездках Семёнова в Токио, его встречах с японскими разведчиками, объемах получаемых от них денежных средств и планах проведения антисоветских акций в приграничной с СССР зоне.

Однако обстановка вокруг советского разведчика во второй половине 1932 года стала ухудшаться, что в первую очередь было связано с продолжающимся расследованием английской полиции в Шанхае дела, связанного с провалом Шерифа. Подозрения также стал вызывать радист Зепп Вайнгартен, с которым часто контактировал Зорге. Когда об этом стало известно в Центре, Берзин дал указание срочно готовить новых людей для замены сотрудников шанхайской нелегальной резидентуры. При этом он заметил, что Рамзай «очевидно, висит на волоске, не только из-за Зеппа, но и потому, что все время путается с партийцами, среди которых много провокаторов».

Через некоторое время Зорге информировал Центр, что кроме отдельных слухов и сплетен в немецкой колонии Шанхая против него не выдвигается каких-либо обвинений. Однако ему пришлось указание начать подготовку к передаче дел и готовиться к возвращению на родину. В октябре 1932 года из резидентуры пришли две новые тревожные телеграммы. В первой из них говорилось, что в Нанкине арестован недавно привлеченный к сотрудничеству информатор-источник резидентуры. При этом двум китайцам, которые поддерживали с ним связь, удалось скрыться. Арестованный ничего не знает о руководстве разведывательного аппарата. В другой Зорге сообщал:

«От китайского источника узнали, что Нанкин якобы обнаружил след военного шпиона. Подозревают будто бы одного немца и еврея. На основании наших старых грехов и слухов среди местных немцев полагаем, что круг подозрений вокруг Рамзая все более смыкается. Просим сообщить, должен ли Рамзай непременно выжидать прибытия замены или же он может уехать независимо от прибытия последнего».

На этой телеграмме Берзин написал: «Пусть едет не дожидаясь замены, иначе сгорит». Это указание было немедленно направлено в Шанхай.

В течение месяца Зорге еще находился в Шанхае, проводя необходимые перед завершением специальной командировки мероприятия. Он с соблюдением всех необходимых мер предосторожности провел несколько встреч с наиболее важными агентами-информаторами и направил в Центр ряд донесений на основе полученных от них данных. 4 ноября в Москву ушла следующая телеграмма, подписанная всеми сотрудниками резидентуры:

«Шанхай, 4 ноября 1932 г. По случаю 15-й годовщины Октябрьской Революции шанхайская резидентура шлет товарищеский привет и вносит в фонд постройки самолета-гиганта “Советский Дальний Восток” 75 амов (американских долларов). Деньги привезет Рамзай.

Рамзай. Джон. Пауль. Зепп. Луиза».

В то сложное для нашей страны время военные разведчики, находившиеся за рубежом, вносили посильный вклад из своего денежного содержания в отдельные программы и проекты, реализуемые в Советском государстве.

Это была последняя телеграмма, отправленная Зорге из Китая. 12 ноября на борту пассажирского судна он отплыл из Шанхая в Японию, а через несколько дней на другом судне прибыл во Владивосток. Во время морского пути на родину Рихард вспоминал, как три года назад начинал свою специальную миссию, основные эпизоды своей разведывательной деятельности в Китае. Он считал, что свой первый экзамен он выдержал успешно. Рихарду было чем гордиться: под его руководством находились 35 ценных агентов-информаторов, которых он привлек к сотрудничеству лично или через своих помощников-китайцев, на основе полученной от них информации было подготовлено и направлено в Москву большое количество донесений, секретных документов и телеграмм по всем вопросам, которые интересовали Центр.

Во Владивостоке, сбросив с себя все напряжение последних лет, Рихард стал думать о своем будущем. Он очень устал и хотел отдохнуть в

Москве в спокойной мирной обстановке без шпииков, слежек, провокаторов, вновь стать коммунистом-интернационалистом Зорге, а не представителем реваншистской Германии. Рихард планировал после небольшого отдыха приступить к написанию книги о Китае, для которой он собрал много материалов и личных впечатлений. Его вновь влекла научная и творческая работа.

Завершился важный этап в жизни Рихарда Зорге. Он еще не знал, что складывающаяся вокруг СССР сложная обстановка, усиление военной опасности на Дальнем Востоке требовали от военной разведки Красной армии активизации работы, в связи с чем успешная деятельность молодого нелегала в Китае позволяла надеяться на такие же результаты в других странах. Зорге еще не прибыл в Москву, а IV управление уже планировало его новую спецкомандировку.

ПОДГОТОВКА К НОВОЙ КОМАНДИРОВКЕ

Морозным декабрьским днем курьерский поезд Владивосток — Москва прибыл на Ярославский вокзал столицы. У выхода из спального вагона Рихарда Зорге ожидал знакомый ему сотрудник IV управления, с которым он встречался три года назад. Офицер военной разведки проводил Рихарда в гостиницу «Новомосковская», где ему был забронирован номер, пожелал хорошего отдыха и сказал, что завтра его ждет Берзин.

На следующий день Зорге пришел в хорошо известное ему здание в Большом Знаменском переулке. Он сразу почувствовал изменившееся отношение у встречавших его сотрудников Разведуправления, их уважение и интерес к нему как к человеку, успешно работавшему за рубежом. Берзин встретил Рихарда у входа в свой кабинет, тепло поздоровался и товарищески обнял. Началась продолжительная беседа, которую никто не прерывал: секретарь был предупрежден, что у начальника важная встреча.

Яна Карловича интересовали все аспекты работы Рамзая в Китае: его легализация, установление знакомств, вербовка агентов, условия ведения разведывательной деятельности, вопросы конспирации и безопасности. Глава военной разведки стремился получить как можно больше информации об обстановке в стране, чтобы лучше понять особенности ведения там оперативной деятельности, которые будут учитываться при подготовке сотрудников, готовящихся к выезду в этот регион. В конце разговора Берзин поблагодарил Рихарда за достигнутые результаты, отметив, что теперь он стал настоящим военным разведчиком, и попросил подготовить подробный отчет о спецкомандировке.

Зорге был предоставлен трехмесячный отпуск, который он провел в Москве. Значительную часть свободного времени он уделил творческой работе, готовя научный труд о Китае. Рихард планировал подготовить к изданию книгу, в которой подробно описать все особенности ситуации в этой азиатской стране. На основе новых сведений, полученных во время командировки, и опыта ученого-исследователя он намеревался раскрыть экономические и социальные аспекты, влияющие на жизнь государства и населения, негативные последствия вмешательства империалистических государств для развития страны и его будущего. Практически ежедневно Рихард диктовал текст выделенной ему машинистке — немецкой

коммунистке, временно проживавшей в Москве.

Наметились перемены и в личной жизни разведчика. Еще во время работы в Коминтерне он познакомился с Катей Максимовой, которая давала уроки русского языка иностранцам. Молодая женщина с яркой внешностью понравилась ему, но личные отношения не сложились, так как он был женат на Кристиане. После возвращения из Китая Рихард вновь встретился с Екатериной и вскоре почувствовал, что она к нему равнодушна. Между молодыми людьми начался красивый роман.

29-летняя Катя была родом из Петрозаводска, с детства интересовалась искусством, любила театр, музыку, изучала французский язык. Она окончила петрозаводскую театральную студию, затем институт сценического искусства в Ленинграде, начала играть в театре. Ее личная жизнь не сложилась. Она вышла замуж за своего театрального педагога, который вскоре скончался от тяжелой болезни. Екатерина оказалась в Москве и неожиданно для всех устроилась на работу на завод «Точизмеритель», выпускавший ртутные термометры. Но по-прежнему интересовалась искусством, особенно поэзией и музыкой, много занималась общественной деятельностью.

Когда она вновь встретилась с Рихардом, то почувствовала к нему большую симпатию. А 37-летний Зорге был покорен ее красотой и обаянием, ему нравились ее спокойный и тихий нрав, доброта и мягкий юмор. Молодой немец хотел создать семью, его тянуло к домашнему уюту, он хотел иметь детей от любимой женщины.

Рихард и Екатерина стали часто встречаться, гуляли по Москве, слушали музыку, искали интересные книги в магазинах. Яркая внешность и природный артистизм Кати дополнялись мужественностью и галантностью Рихарда — это была прекрасная пара. Вскоре их роман завершился браком. Они сыграли скромную свадьбу, и началась их счастливая семейная жизнь.

Вечерами Катя читала мужу русские стихи, особенно своего любимого Блока, рассказывала о Петрозаводске. Рихард много говорил о Германии, Китае, он был хороший рассказчик, и молодая женщина слушала его с большим интересом. Зорге не мог рассказать Екатерине о своей принадлежности к специальной службе, но она не задавала мужу лишних вопросов, только догадываясь о его опасной деятельности. Их счастливая и тихая семейная жизнь продолжалась недолго — Рамзай был вновь востребован военной разведкой.

Международная обстановка была сложной. IV управление Штаба РККА, выполняя указания политического и военного руководства страны, основное внимание уделяло вскрытию военной угрозы, подготовке

вероятных противников к войне против СССР. Несмотря на принимаемые меры обороноспособность Советского государства все еще находилась на низком уровне, военная промышленность только создавалась в ходе начавшейся индустриализации страны. Красная армия по численности и технической оснащенности уступала многим другим странам. В этих условиях военная разведка должна была точно определить потенциального агрессора и возможный характер его действий, чтобы сосредоточить необходимую группировку на угрожаемом направлении и отразить нападение противника.

Берзин со своими заместителями, начальниками агентурного и информационного отделов тщательно анализировали всю поступающую к ним информацию, оценивали складывающуюся угрозу и перераспределяли силы и средства военной разведки на те направления, где этого требовала обстановка. С начала 1932 года большую озабоченность Разведуправления вызывала Германия, где к власти стремилась нацистская партия под крайне опасными реваншистскими лозунгами. Ее лидер изложил свою внешнеполитическую программу в книге «Майн кампф», опубликованной еще в 1925 году.

В ней Гитлер не скрывал своих целей «расширения жизненного пространства» германской нации за счет новых земель в Европе. При этом в первую очередь имелись в виду Россия и «подвластные ей окраинные государства». В Москве внимательно изучили эту книгу. Многочисленные донесения агентурных источников, в которых приводились высказывания фюрера на различных закрытых мероприятиях, более подробно раскрывали завоевательные намерения нацистов после их прихода власти. Вместе с тем Берзин считал, что Германии, находившейся под ограничениями Версальских соглашений, потребуется не менее пяти-шести лет, чтобы восстановить свой военный потенциал и создать массовую, хорошо вооруженную армию.

Главная военная опасность для Советского Союза в то время исходила от императорской Японии, которая быстро превращалась в милитаристское государство. Военной разведке было известно, что японский генштаб неоднократно разрабатывал и уточнял план войны против СССР. Даже в открытой прессе публиковались материалы, в которых говорилось о необходимости быть в готовности «в любую минуту начать войну на севере с целью захвата Восточной Сибири».

Японские правящие круги нагнетали в стране настроения военного психоза, культивировали «исключительность» японской нации, ее превосходство над другими народами. Одновременно принимались меры

по ускоренному развитию военных отраслей промышленности, увеличивались ассигнования на военные цели, чтобы подготовиться к «большой войне» с Советским Союзом. После оккупации японской армией Маньчжурии ситуация стала еще более опасной. Там стала разворачиваться сильная Квантунская армия.

Началось наращивание группировки войск в непосредственной близости от границы с СССР. Кроме того, была создана сотысячная армия Маньчжоу-го, готовая выполнять все приказы японского командования. Отмечалась ускоренная подготовка территории Маньчжурии как театра военных действий, велось строительство дорог, возводились укрепления, создавались новые аэродромы.

Специалисты информационного отдела Разведуправления предполагали, что в случае начала войны с СССР японские войска будут способны нанести сильные удары на приморском, амурском и хинганском направлениях, а также перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль, сделав невозможной переброску военных подкреплений из европейской части Советского Союза. Таким образом, к началу 1933 года Япония стала источником наиболее опасной угрозы Советскому государству, ее неожиданное нападение могло привести к тяжелым последствиям.

Москве необходимо было знать, что замышляет Токио, какие решения принимает правительство и что планирует генеральный штаб в отношении СССР. В связи с этим Берзин принял решение усилить разведку на дальневосточном направлении, уделив особое внимание Японии. В этой стране необходимо было развернуть нелегальную резидентуру, укомплектовав ее самыми опытными сотрудниками IV управления.

С начала 1933 года началось планирование этой уникальной операции военной разведки, предусматривающей создание сети надежных агентов-информаторов из числа представителей близких к правительству и генштабу кругов, способных добывать интересующие Центр сведения по политическим, военным и военно-экономическим вопросам. Руководить ими должен был резидент-нелегал. В состав резидентуры также включался радист. Практическая реализация этого плана имела значительные трудности и особенности.

Как показывал предыдущий опыт, разведке было чрезвычайно трудно работать в Великой Японской империи — так официально называлось островное государство. Практически все население страны, находившееся под воздействием особенностей своего исторического пути, религиозных верований и пропаганды, считало себя исключительной нацией,

управляемой императором — всемогущим божеством, что делало ее выше всех других народов мира. Поэтому японцы негативно относились ко всем иностранцам, у них были развиты особенный патриотизм и преданность властям. Помимо этого в Японии была создана тотальная система контроля за населением, царил полицейский произвол, спецслужбы пресекали любые контакты с гражданами других стран.

На японской территории на постоянной или временной основе проживали около девяти тысяч европейцев и американцев, которые находились практически под постоянным контролем полиции и контрразведывательных служб. Шпики повсюду сопровождали их, в гостиницах и других местах проживания вся прислуга и соседи являлись осведомителями контрразведки. Они отслеживали все контакты наблюдаемого лица, рылись в личных вещах, искали недозволенные предметы. Широко практиковалось доноительство, любой иностранец, отличавшийся от японцев своим внешним видом, сразу привлекал к себе внимание, поэтому все маршруты его передвижения и любые контакты становились известны властям.

Все это предъявляло повышенные требования к подбору сотрудников для работы в Японии. Начальник агентурного отдела предложил Берзину кандидатуру Рихарда Зорге и убедительно обосновал свой выбор.

Рамзай три года успешно проработал в Китае, показал себя как энергичный, настойчивый и решительный разведчик, умеющий приобретать и уметь использовать самые различные связи. Он достиг высоких результатов в вербовочной работе, среди его агентов-информаторов были европейцы, китайцы и японцы. Успешной деятельности Рамзая способствовали его личные качества: свободное владение немецким и английским языками, хорошая профессиональная подготовка как журналиста и ученого, коммуникабельность, умение понравиться собеседнику, подстроиться под него для получения требуемых результатов, определенная склонность к авантюризму в положительном смысле этого слова. Он хорошо изучил проблемы дальневосточного региона, умеет, как показали его донесения, анализировать военно-политическую и военную обстановку.

В качестве негативных моментов в оперативной работе Рамзая в Китае были отмечены явно выраженная опора на идейно близких людей с левыми взглядами, что могло привести к провалу, и слишком большое доверие к помощникам из числа китайцев в подборе агентов.

Отвечая на вопросы Берзина, главный агентурщик Разведупра сказал, что проведенный анализ и последняя информация из Шанхая показали, что

Рамзай не был раскрыт как сотрудник советской военной разведки. Явных сбоев в вопросах безопасности в Китае у него не было. Не отмечены ни слежка, ни какие-либо направленные против него мероприятия контрразведки международных сеттльментов и нанкинского правительства. Реально имели место только слухи и отдельные разговоры о связях Рамзая с левыми. Некоторые представители немецкой колонии считали его левым активистом, и ничего более.

Сложными моментами, которые необходимо учесть при направлении Рамзая для нелегальной работы в Японии, были признаны следующие: угроза привлечения к нему внимания полиции в Германии после появления в газетах статей за его подписью, которая по своим картотекам может вскрыть его прежнюю деятельность как активиста компартии и Коминтерна; угроза из Шанхая по линии связи между немецкими колониями в Китае и Японии, где могут узнать о контактах с левыми и просоветски настроенными лицами; угроза раскрытия работы в Шанхае против Японии, возможные аресты его агентов-японцев, что может стать основанием для установления контроля за ним со стороны японской контрразведки.

После длительного обсуждения Берзин принял окончательное решение: в Токио поедет Рихард Зорге — под своей подлинной фамилией и в качестве немецкого журналиста. По легенде он должен быть привержен идеям фашизма и реваншизма, родственным идеалам и взглядам многих политических и милитаристских кругов Японии. Пребывание в стране под таким прикрытием и написание в подобном духе статей должны отвлечь внимание немецкой полиции и японской контрразведки.

Это был довольно рискованный план, но начальник Разведуправления надеялся на успех, хорошо зная личные качества и «удачливость» Зорге в разведывательной работе. Рамзаю вновь необходимо было совершить поездку в Германию, чтобы получить подлинный заграничный паспорт. Ему также требовались рекомендации и поручительства от каких-либо немецких организаций и контракты с германскими газетами. После этого кружным маршрутом, чтобы осложнить возможный контроль, резидент должен попасть в Японию.

В конце февраля Зорге вызвали к Берзину. Рихард думал, что у Берзина возникли какие-то вопросы в связи с его отчетом о работе в Шанхае, но речь пошла совсем о другом. Ян Карлович сообщил, что он должен начать подготовку к новой специальной командировке — в Японию. Разведуправление разворачивает там нелегальную резидентуру, руководить которой будет Зорге, если согласится вновь работать за рубежом.

Зорге согласился без раздумий. После Шанхая его все больше привлекал азиатский регион. Работая в Китае, он получил и общее представление о Японии. Сейчас ему предстояло вновь окунуться в мир Востока, и он собирался сделать это с присущей ему целеустремленностью.

Берзин подробно рассказал о замысле предстоящей операции, что для получения соответствующих документов ему необходимо снова поехать в Германию. Обстановка там существенно изменилась после того, как в январе канцлером, главой правительства, стал Гитлер, который стремится привести к власти возглавляемую им Национал-социалистическую рабочую партию. В связи с этим ожидаются репрессии против коммунистов и других левых сил. Поэтому поездка будет носить сложный характер, но Берзин надеется, что такой талантливый разведчик, как Зорге, сможет получить все необходимые подлинные документы, что создаст условия для успешной работы в Японии.

В соответствии с планом подготовки Рамзаю следовало тщательно изучить ситуацию в Германии, освоить фашистскую идеологию и фразеологию, чтобы войти в роль журналиста-нациста. Необходимо было также разобраться во всех особенностях обстановки в Японии, стране со сложной политической системой. Иностранцу часто было трудно понять, какие властные группировки принимают решения по важным внешнеполитическим вопросам в этой стране. Требовалось изучить имеющиеся в Разведуправлении материалы о военных возможностях Японии, особенно Квантунской армии, развернутой в приграничных с СССР районах.

На подготовку в Москве отводилось два месяца, и к началу мая Зорге должен быть готов к поездке в Германию. Берзин отметил, что будет лично контролировать ход этой важной для Разведывательного управления операции и еще не раз встретится с Рамзаем, чтобы обсудить все детали его предстоящей командировки. У Рихарда был только один вопрос к Яну Карловичу. Он был женат и понимал, что не может взять жену с собой в Японию, как это иногда практиковали нелегалы военной разведки. Поэтому попросил предоставить ему возможность передавать ей с каждой почтой, переправляемой в Москву курьерами, письма и небольшие подарки. Берзин не стал возражать.

Выйдя из штаб-квартиры Разведупра, Зорге думал о разговоре с Яном Карловичем. Он не жалел, что стал военным разведчиком. За несколько лет работы он убедился, что IV управление является уникальным разведывательным органом и специализируется не только на вопросах политики и военных проблемах, но добывает и другую информацию,

необходимую для обеспечения военной безопасности Советского государства. Управление получает сведения о развитии военной техники, последних научных достижениях, экономике иностранных государств, их военных действиях и другие важные данные. Берзин неоднократно говорил, что советское военно-политическое руководство полностью доверяет данным военной разведки и использует их в интересах повышения обороноспособности страны.

В Разведуправлении работали опытные сотрудники, обладающие оперативным опытом и широкими знаниями по многим вопросам. Они не только занимались организацией разведки, что делали, как убедился Зорге, высокопрофессионально, но и вели настоящие научные исследования в области развития военного дела за рубежом, определения перспективных направлений военно-технического развития иностранных армий.

Начало подготовки Зорге совпало с драматическим развитием событий в Германии. В конце февраля в Берлине был подожжен рейхстаг, в этом обвинили коммунистов. По требованию Гитлера президент Гинденбург подписал декрет, отменявший неприкосновенность личности и собственности, свободу собраний, союзов, слова и печати, тайну переписки. Фактически в стране вводилось чрезвычайное положение. Коммунистическая партия Германии была официально запрещена. Помимо полиции тысячи нацистских боевиков проводили облавы и задерживали коммунистов, которых подвергали избиениям и пыткам.

Гитлер и другие руководители НСДАП использовали антикоммунистическую истерию в предвыборной кампании, в результате 5 марта 1933 года национал-социалисты получили наибольшее число голосов в рейхстаге. Прикрываясь поддержкой парламентского большинства, нацисты расширили масштабы репрессий, которым подвергались не только коммунисты, но и социал-демократы, и представители других политических сил, не разделявшие нацистских взглядов. Закрывались многие газеты и издательства, в стране начал формироваться нацистский репрессивный режим.

В связи с этим у Берзина было проведено совещание, на котором вновь рассмотрели вопрос о поездке Зорге в Германию. Не было никаких сомнений, что в полицейских архивах находилось заведенное на него «дело» как на активного коммуниста, принимавшего участие не только в партийной работе, но и в вооруженных выступлениях рабочих. Кроме того, Рихард мог быть опознан людьми, с которыми он при различных обстоятельствах встречался во время работы в компартии, в их числе могли оказаться доносчики и полицейские опознаватели.

В ходе обсуждения одни сотрудники немецкого отделения предлагали отменить поездку Зорге в нацистскую Германию из-за высокого риска его раскрытия и ареста, другие же говорили, что в настоящее время система спецслужб в стране находится в стадии реорганизации, нацисты проводят чистки в полиции, которая в 1920-х годах преследовала и фашиствующие элементы, свой постоянный репрессивный аппарат еще только создают. В этих условиях мало кому понадобятся полицейские архивы десяти-пятнадцатилетней давности. С другой стороны, если в условиях сложного переходного периода Зорге удастся получить рекомендации от немецких газет или партийно-пропагандистских структур, это поможет его успешной легализации в Японии.

Берзин предоставил слово Рамзаю. Он заверил присутствующих, что использует весь свой опыт, выдержку и осмотрительность, что в Германии у него остались знакомые в журналистских кругах, многие его помнят еще по Китаю. Зорге попросил только, чтобы его не связывали с членами перешедшей на нелегальное положение Компартии Германии, что может создать угрозу его раскрытия. Он же будет действовать самостоятельно и постарается использовать свои личные знакомства. В случае непредвиденных встреч с людьми, знавшими его раньше, он будет объяснять изменение своих взглядов заблуждениями молодости, разочарованием в идеях интернационализма, а также полным принятием националистических лозунгов фашистов и их призывов к восстановлению справедливости, «попранной Версалем». Начальник Разведуправления решил не изменять план операции и только рекомендовал Зорге в ходе подготовки уделить особое внимание изучению текущей ситуации в Германии, так как именно там будут заложены основы его дальнейшей успешной работы в Японии.

В оставшееся до начала командировки время Рихард вживался в свой новый образ немецкого журналиста с нацистскими взглядами, внимательно прочел «Майн кампф» и запомнил основную фразеологию настольной книги каждого нацистского функционера. Ежедневно разведчик изучал приходящие в Москву германские газеты, в том числе нацистский официоз, знакомился с принципами фашистской идеологии и пропаганды. Удивлялся их примитивному характеру, поражался, как быстро нацисты оболванили чуть не весь немецкий народ, всегда отличавшийся здравомыслием и парламентско-демократическими традициями.

В Разведуправлении, оценив подготовку Зорге, посоветовали даже во время пребывания в Германии постараться вступить в нацистскую партию. Однако Рихард посчитал это слишком рискованным, так как ему пришлось

бы заполнять анкеты. В случае их проверки могли быть направлены соответствующие запросы в архивы, что было небезопасно. Разведчик решил это сделать в Токио, где наверняка уже имелась местная нацистская ячейка, которая не станет обращаться в Берлин.

На одной из последних встреч Берзин обсудил с Рамзаем наиболее важные оперативные вопросы. В состав резидентуры, которой он будет руководить, по решению Центра включались следующие лица: Йозеф Вайнгартен (оперативный псевдоним Бернхард) с женой — он был членом Компартии Германии, затем переехал в Москву, прошел курс обучения в радиошколе военной разведки и должен обеспечивать радиосвязь с Центром, а его жена будет курьером; Бранко Вукелич (оперативный псевдоним Жиголо) — серб, натурализовавшийся во Франции, член французской компартии; во время обучения в парижском университете был привлечен к сотрудничеству советской военной разведкой, выполняя указания Центра, в качестве корреспондента французского журнала «Ля вю» и югославской газеты «Политика» он уже прибыл в Японию с женой и сыном; Мияги Йотоку (оперативный псевдоним Джо) — японец, по профессии художник, долгое время жил в США, где окончил художественную школу, член Компартии США, был привлечен к сотрудничеству с военной разведкой, по решению Центра вернулся в Японию.

Резидентура должна стать полностью автономной, поддерживать связь с Разведывательным управлением с помощью коротковолнового радиопередатчика, а также через курьеров, которые регулярно будут направляться в Японию или Китай.

Организационно-подготовительный этап деятельности резидентуры должен завершиться к середине 1935 года. За это время все члены группы должны легализоваться, закрепиться в Японии и приобрести необходимые связи для последующего развертывания разведывательной работы. К этому времени Рамзай может быть вызван в Москву для личного доклада о всех аспектах проделанной работы.

Планировалось, что резидент покинет СССР в мае, в течение одного-полутора месяцев посетит Германию и — в случае необходимости — другие европейские страны. После сбора всех необходимых документов и аккредитаций Рамзай через Францию, США и Канаду отправится в Японию. Перед отъездом за рубеж ему будут переданы условия связи с представителями Центра.

Рихард слушал внимательно, запоминая все до мельчайших подробностей, так как делать какие-либо записи было категорически

запрещено.

Он понимал сложность поставленных задач, но не сомневался, что сможет их выполнить. Затем Зорге подробно проинструктировали о мерах конспирации и особенностях существовавшего в Японии полицейско-контрразведывательного режима. Однако эта информация только усилила желание Рихарда скорее приступить к работе. Про себя он думал, что все трудности в реальных условиях относительно, нужны только осторожность и умение грамотно использовать все возможности. Правда, разведчику необходимо и везение, но оно пока не подводило Зорге.

Задав ряд уточняющих вопросов, касающихся деталей предстоящей операции, Зорге предложил Берзину включить в состав резидентуры еще одного человека — японца Одзаки Ходзуми (оперативный псевдоним Отто), которого он привлек к сотрудничеству в Китае. После краткого обсуждения, в ходе которого Рамзай напомнил о информации, которую получал от этого ценного агента, вопрос был решен положительно. Зорге разрешили найти его в Японии, проверить и использовать как помощника и источника важных сведений. Рихарда интересовал еще один важный вопрос: когда завершится его командировка и он сможет вернуться в Москву? Начальник Разведуправления пообещал, что замена будет произведена в 1937 году, что вполне удовлетворило Зорге.

Тщательно подготовленная операция началась в мае 1933 года, когда Зорге прибыл в Германию. Он сразу увидел, как изменилась страна. Особенно удивил хорошо знакомый ему Берлин, который раньше был воплощением стабильности, спокойствия и порядка. Теперь, став столицей Третьего рейха, город встретил его массовыми шествиями боевиков, военными маршами и гимном нацистов — песней Хорста Весселя «Знамена ввысь». На улицах было много людей в незнакомой Рихарду униформе: коричневых рубашках и брюках или черных мундирах, на рукавах — повязки со свастикой. Это были штурмовики СА и члены охранных отрядов СС, они вели себя агрессивно и вызывающе, но полиция этого словно не замечала.

Повсюду висели нацистские флаги, пропагандистские плакаты НСДАП и портреты Гитлера. На многих улицах — разбитые витрины, разгромленные магазины, принадлежавшие, как вскоре узнал Зорге, евреям. Вскоре после приезда Рихарда в Берлин состоялось первое в стране публичное сожжение книг, уничтожению подвергались произведения социалистов, евреев, пацифистов, в том числе труды известных всему миру философов, ученых и деятелей культуры.

Неожиданным для Зорге оказалось и то, что все это не вызывало

возмущения берлинцев. Да и большая часть населения страны, как вскоре понял он, положительно воспринимала все, что делала новая власть. Под воздействием обрушившейся на них пропаганды немцы верили, что после долгих лет кризиса, уныния и упадка нацистская партия будет действовать решительно и во всем добьется успеха. Фашистское руководство заявляло о своем намерении возродить традиционные немецкие ценности: сильную авторитарную власть, твердый общественный порядок, дисциплину во всем, свободу и безопасность нации. Особую поддержку вызывали намерения Гитлера возродить экономику страны и укрепить финансовую систему, а также добиться отмены «несправедливых» условий Версальского договора. Лидер нацистов обещал вернуть Германии былую славу и возродить германский боевой дух.

Всё, что увидел Рихард, напомнило ему ликование населения накануне и в самом начале Первой мировой войны. Не один раз он видел, как толпы людей приветствовали Гитлера во время его поездок на автомобиле по берлинским улицам. Восторженные крики, цветы и даже истерические припадки у женщин — такого современная Германия еще не знала. Зорге понял, почему нацисты пришли к власти с молниеносной быстротой, обойдя всех своих политических противников.

Остановившийся в одной из небольших гостиниц Берлина, Зорге каждый день внимательно прочитывал германские газеты и журналы. Он хотел глубже погрузиться в эту «новую» Германию, чтобы в Японии лучше сыграть свою роль нацистского журналиста. Большинство публикаций по внутриполитическим проблемам откровенно восхваляло Гитлера как спасителя нации и создателя «Великой Германии». Большое количество статей было посвящено превосходству арийской расы над другими народами, и почти все содержали грубые антисемитские материалы. Разведчик запоминал новую терминологию и все пропагандистские клише нацистов.

В один из дней Зорге навестил свою семью. Свое долгое отсутствие объяснил журналистской работой в Китае. Мать и сестра обрадовались его возвращению, тепло приняли своего любимца.

Старший брат, ставший известным бизнесменом, отнесся к нему настороженно, помня о принадлежности Рихарда к левым кругам Германии. Он опасался, что в условиях прихода к власти фашистских сил такой родственник может навредить его карьере и даже жизни. Однако Рихард успокоил его: он не собирается оставаться в Германии, а намерен уехать далеко от Европы — в Америку или Японию, где больше возможностей для предприимчивого немца. Он только попросил ввести его

в местные деловые круги, чтобы он мог получить необходимые деловые рекомендации.

Однако эти контакты ничего не дали Зорге. Берлинские бизнесмены не имели деловых отношений с Японией и опасались расширения внешних связей из-за возможной негативной реакции нацистов, внешнеполитические приоритеты которых еще не были определены. Поэтому Рихард стал искать выходы на редакции газет, чтобы предложить свои услуги в качестве зарубежного корреспондента. Он сразу решил не использовать свои старые знакомства среди представителей левых сил Германии и, несмотря на определенный риск, стал знакомиться с немецкими журналистами и главными редакторами печатных изданий правого толка, представляясь известным журналистом-востоковедом, собирающимся совершить поездку в Японию. При этом Рихард вел себя как убежденный нацист.

У него состоялось много встреч и дружеских вечеринок с новыми коллегами. Его подготовка дала свои результаты: активного сторонника новой власти, наизусть цитировавшего «Майн кампф», признали за своего. Рихарду удалось многое узнать о ситуации с печатными СМИ в Третьем рейхе. Все левые издания были закрыты, их редакции разогнаны, прогрессивных журналистов, если они не были арестованы, нигде не брали на работу, подвергали репрессиям. В продолжавших выходить газетах было введено обязательное членство журналистов в нацистских объединениях. Созданное в марте 1933 года министерство просвещения и пропаганды контролировало все газеты и журналы страны. Его руководитель гауляйтер Геббельс обращал большое внимание на журналистский корпус, требовал принимать на работу только проверенные кадры, гарантирующие соблюдение в своих публикациях национал-социалистической политической линии.

Несмотря на эти сложные для разведчика условия Рихард добивался необходимых ему аккредитаций. Журналистская деятельность в Китае принесла ему профессиональную известность, во время переговоров он ссылаясь на свои газетные публикации, демонстрировал глубокое знание проблем дальневосточного региона. Оказалось, что в Китае работал еще один известный немецкий журналист — Вольфганг Зорге, с которым Рихарда многие путали. Однако главная трудность состояла в том, что большинство владельцев газет не знали, что ожидает их в будущем, и опасались открывать новые корреспондентские пункты за рубежом.

Зорге все же удалось заручиться поддержкой двух берлинских газет: «Теглихе рундшау» и «Берлинер бёрзен-курир», с которыми он заключил

так называемые джентльменские соглашения быть их неофициальным корреспондентом за рубежом. Это позволяло ему писать для этих газет статьи, но не состоять в штате редакции. Кроме того, он совершил поездку во Франкфурт-на-Майне, где в свое время работал в Институте социологии, и через прежние связи смог подписать еще одно подобное соглашение с редакцией известной газеты «Франкфуртер цайтунг». Это издание имело большой тираж и пользовалось популярностью не только в Германии, но и за рубежом. Рихард также получил от главного редактора газеты, на которого произвел благоприятное впечатление, рекомендательное письмо в немецкое посольство в Японии.

Другой большой удачей Зорге явилась встреча в Мюнхене с отставным генерал-майором кайзеровской армии Хаусхофером. Известный публицист и ученый, он издавал и редактировал журнал «Цайтшрифт фюр геополитик», специализировавшийся на мировых военно-политических проблемах. Рихарду удалось узнать, что отставной генерал до Первой мировой войны работал в составе дипломатических миссий на Дальнем Востоке, в том числе в Японии и Маньчжурии, затем защитил диссертацию по Японии и продолжал интересоваться всем, что было связано с этой страной.

Поэтому, получив от корреспондента, собирающегося в Японию, письмо с просьбой о встрече, генерал сразу дал согласие. В беседе с ним Рихард рассказал о своей работе в Китае, дал оценку текущей ситуации в дальневосточном регионе с учетом, конечно, своих национал-социалистических взглядов. Зорге понравился генералу, который уже давно не встречался с таким блестящим собеседником, к тому же обладающим детальными знаниями о регионе, который по-прежнему интересовал его. Поэтом Хаусхофер не раздумывая предложил Рихарду посылать из Японии статьи для своего журнала и представлять его в этой азиатской стране.

Рихард также узнал, что в 1920-х годах помощником Хаусхофера был тогда еще никому не известный Гесс, ставший сейчас личным секретарем Гитлера. Он не прерывал с ним связи, и тот несколько раз организовывал встречи отставного генерал-майора с фюрером, на которых они обсуждали возрождение Германии и ее военной мощи. Хаусхофер лично написал и вручил Зорге рекомендательное письмо послу Германии в Японии, а также послу Японии в США, которого он лично знал.

О такой удаче Рихард даже не мечтал. Он заказал и отпечатал в Берлине свои визитные карточки, на которых был указан как корреспондент трех немецких газет и одного известного журнала. У него также были три рекомендательных письма, в том числе к японскому послу

в США, что давало возможность посетить его. Главный редактор газеты «Теглихе рундшау» дал разведчику рекомендательное письмо на имя своего хорошего друга подполковника Ойгена Отта, недавно направленного в Японию в качестве военного советника. Зорге не исключал, что может встретиться с этим военным и ему пригодится полученная рекомендация.

Самым простым оказалось получение нового заграничного паспорта. Рихард сделал это официальным путем: написал заявление в берлинскую полицию о своей предстоящей поездке в Японию в качестве корреспондента, в качестве места жительства указал адрес своей матери. Через некоторое время его вызвали в полицию, и молодой сотрудник, видимо, недавно принятый на работу, без лишних вопросов вручил Зорге паспорт, пожелав успешной работы за рубежом. Это означало, что каких-либо проверок в отношении Рихарда не проводилось.

Несмотря на решение вопроса с документами советского разведчика не покидало чувство опасности, каждый день пребывания в нацистской Германии повышал вероятность его раскрытия. Зорге неоднократно был свидетелем облав, которые проводили штурмовики СА в поисках коммунистов и связанных с ними лиц. В общественных местах часто проводились проверки документов у всех посетителей, тех, кто вызывал подозрения, немедленно задерживали для дальнейших разбирательств в отделениях полиции. Рихард уже несколько раз попадал в такие проверки, но его безукоризненные документы и уверенное поведение убежденного нациста помогали избежать нежелательных последствий. Гораздо опаснее было встретить среди задержанных прежних знакомых по партийной работе, многие из которых, как было известно Рихарду, не выдерживали допросов и рассказывали о всех известных им активистах компартии.

Пребывание Зорге в Германии затянулось, вместо запланированных полутора месяцев он провел в стране уже более трех. Ему осталось пройти еще одно испытание, прежде чем он мог ее покинуть. По указанию гауляйтера Геббельса и под его контролем была создана федерация журналистов Третьего рейха, которая устраивала «прощальный ужин» в честь каждого уезжающего за границу немецкого корреспондента. На это мероприятие приглашались десятки журналистов со всей Германии, на нем присутствовали руководители министерства просвещения и пропаганды, видные нацистские бонзы.

Нарушать эту традицию было нельзя, и Рихард направил свои документы и полученные рекомендации в министерство. После нескольких тревожных дней ожидания ему наконец сообщили дату проведения ужина в его честь, а это означало, что разведчик успешно прошел министерскую

проверку. В назначенный день в актовом зале берлинской Палаты печати собрались представители крупнейших газет страны, были приглашены также японские журналисты, аккредитованные в Германии. Вскоре под охраной эсэсовцев появился гауляйтер Геббельс в сопровождении группенфюрера Боле, руководителя Зарубежной организации немцев, созданной нацистским режимом для контроля за соотечественниками, проживающими в зарубежных странах.

Министр пропаганды подозвал к себе Рихарда и после непродолжительной беседы предложил тост в честь нового зарубежного корреспондента Третьего рейха. «За Ваше здоровье и успехи, доктор Зорге. Мы уверены, что вы будете достойным пропагандистом идей фюрера и германской нации в столице дружественной Японии!» — громко сказал Геббельс. Все присутствующие встретили слова особо приближенного к Гитлеру человека аплодисментами и стали поздравлять Рихарда с оказанным ему доверием. Эта встреча была очень важна для разведчика, она давала ему «зеленый свет» для начала работы в Токио, но не в интересах фашистской Германии, а по заданию военной разведки Красной армии.

Зорге знал, что он как сотрудник IV управления в стране не один. В Берлине действовала крупная резидентура Разведупра, его коллеги из Центра были готовы в любой момент оказать ему необходимую поддержку. Настало время встретиться с одним из них и передать в Москву информацию о достигнутых результатах и готовности к началу следующего этапа операции.

В условленное время Рихард подошел к кафе на одной из тихих берлинских улиц, где за столиком на открытой террасе его ожидал человек, примет которого он знал. Они оба сразу узнали друг друга. Если кто-то из посетителей и обратил бы на них внимание, то ничего подозрительного заметить не мог: просто встретились два старых приятеля, оживленно беседуют на какие-то свои темы, ни на кого не обращая внимания.

В действительности это была встреча двух разведчиков-нелегалов, результаты которой были очень важны для Москвы, где ждали информацию от Рамзая, начавшего сложную разведывательную операцию. Зорге попросил передать в Центр, что ему почти полностью удалось решить поставленную задачу, оставаться в Германии, чтобы получить задания еще и от других газет, не имеет смысла. Он просит разрешения посетить Швейцарию и Голландию, чтобы попытаться получить аккредитацию от местных газет, а затем отправиться в Японию по определенному маршруту.

Рихард уходил со встречи в приподнятом настроении. Он впервые за

несколько месяцев встретился с единомышленником, смог доложить о результатах своей работы, хоть на несколько минут «снять маску», поговорить откровенно, конечно, с соблюдением всех необходимых мер предосторожности. Зорге узнал, что его собеседник также собирается работать в дальневосточном регионе, и рассказал ему о своем китайском опыте, поделился оценками складывающейся там ситуации.

Центр дал согласие на предложение Рамзая, и вскоре ему удалось договориться с амстердамской газетой «Алхемейн ханделсблад» присылать для нее статьи из Японии. Поездка в Швейцарию результатов не принесла. Вернувшись в Германию, Рихард еще раз посетил своих близких и попрощался с ними, сказав, что будет работать за рубежом. Через несколько дней, уладив все свои дела в Германии, Зорге на скором поезде Берлин — Париж уехал во Францию. Респектабельный журналист без каких-либо проблем прошел все пограничные и таможенные проверки. Во французской столице Рихард провел несколько дней, в один из которых встретился с курьером Центра. Тот передал Рамзаю условия связи с членами его группы, которые уже находились в Японии.

Операция продолжалась. На борту французского пассажирского судна Рихард пересек Атлантику и прибыл в Нью-Йорк. В Соединенных Штатах он должен был побывать в двух местах. Сначала Зорге хотел представиться послу Японии в США и направился в Вашингтон. В американской столице он несколько дней ожидал согласия главы японского диппредставительства на встречу. Решение вопроса ускорило наличие у Рихарда рекомендательного письма от Хаусхофера. Оказалось, что его превосходительство Дебуси, так звали японского посла, давно знает немецкого геополитика, их связывали дружеские отношения. Высокопоставленный дипломат, узнав о предстоящей поездке Зорге в Японию, дал ему рекомендательное письмо в министерство иностранных дел. Оно имело большой вес, так как Дебуси до назначения на пост посла занимал высокую должность заместителя министра в своем ведомстве. Это был самый важный документ, полученный Рамзаем. Впоследствии рекомендательное письмо Дебуси очень помогло ему закрепить свое положение в Японии.

Следующей точкой маршрута Зорге стал город Чикаго, где в то время проводилась Всемирная выставка. Немецкий журналист внимательно изучил экспозицию, делая подробные записи в своем блокноте. При посещении одного из павильонов у Рамзая состоялась новая встреча с курьером Центра, который передал ему денежные средства и последние указания Берзина по развертыванию нелегальной резидентуры в Токио.

Из США Зорге перебрался в Канаду, где в Ванкувере его ждал забронированный билет на океанский пассажирский лайнер, отправлявшийся в японский порт Йокогама. Корабль носил название «Императрица России», что Рихард посчитал счастливым знаком. Все подготовительные мероприятия были завершены. Рамзая ждала Япония, где полностью раскрылись все его качества разведчика мирового уровня.

ЯПОНИЯ: ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Судно подходило к порту, и Рихард поднялся на верхнюю палубу. Перед ним открывалась панорама большого города, который был не похож на те, что Зорге видел в Китае. Он знал, что Йокогама несколько десятков лет назад стала первым крупным городом, через который осуществлялась вся международная торговля Японии. Здесь жило и работало много иностранцев, архитектуру портовой части города отличали элементы европейского стиля. Акватория порта была заполнена крупнотоннажными судами под японскими флагами, дожидавшимися своей очереди под разгрузку, все портовое хозяйство было оснащено современной техникой. Чувствовалось, что страна находится на подъеме и обладает развитой промышленностью.

Океанский лайнер пришвартовался у огромного старинного пирса, и пассажиров пригласили к выходу. Рихард прошел положенный контроль. У него, кроме небольшого чемодана с личными вещами, не было другого багажа. Таможенные служащие тщательно осмотрели содержимое чемодана, их внимание привлек малоформатный аппарат «Лейка», но Зорге объяснил, что он профессиональный журналист и фотокамера нужна ему для работы. Полицейский несколько раз перелистал все страницы паспорта прибывшего иностранца и, не найдя ничего подозрительного, жестом показал, что можно выходить в город. Так 6 сентября 1933 года Рамзай благополучно прибыл в Японию, начав второй этап своей сложной спецкомандировки.

Еще во время морского пути Зорге, обдумывая предстоящую работу в Стране восходящего солнца — ему нравилось это неофициальное название японского государства, — решил, что в течение первых месяцев своего пребывания в Токио будет заниматься только легальными делами: зарегистрируется в полиции, получит аккредитацию, встанет на учет в германском консульстве, вступит в члены немецкой колонии и войдет в пул иностранного журналистского корпуса в Японии. В это время — никакой разведывательной деятельности, даже встреч с членами своей группы. Это, как рассчитывал разведчик, позволит ему усыпить внимание полиции и избежать повышенного внимания местных контрразведывательных служб.

Из Йокогамы на довольно комфортабельном поезде Рихард в тот же день прибыл в Токио и поселился в одном из самых дорогих отелей — «Тэйкоку», где обычно останавливались состоятельные иностранцы. В

течение нескольких дней он неспешно знакомился с городом, который заметно отличался от Шанхая и других китайских городов. Улицы были запружены пешеходами, преимущественно одетыми по-европейски, о востоке напоминали только крикливые торговцы и рикши, зазывавшие клиентов. Но они были в хорошей обуви и одежде. Явных бедняков и нищих в отрепьях Рихард ни разу не встретил. Он обратил внимание на большое количество людей в военной форме, что напомнило ему нацистскую Германию.

Рамзай сразу заметил, что его сопровождают агенты наружного наблюдения, но демонстративно не обращал на них никакого внимания. Вернувшись в гостиницу, он обнаружил, что его номер обыскивали, рылись даже в личных вещах. Опасаться ему было нечего, никаких компрометирующих материалов или вещей при нем не было. В дальнейшем, подтверждая свою легенду, он стал оставлять на столе наброски статей, смятые черновики, зная, что проверяющим придется долго заниматься их систематизацией и переводом...

Через несколько дней Зорге получил извещение, в котором его приглашали явиться в полицейское управление Токио. Там он провел несколько часов, заполняя подробные анкеты и отвечая на вопросы сотрудников. В заключение у него взяли отпечатки пальцев. Все эти процедуры были стандартными, их проходили все иностранцы, прибывавшие в Японию. Немецкий журналист с безупречными документами не вызвал подозрений у полицейских, ему сразу выписали вид на жительство, что позволяло легально находиться в стране. Теперь Рихард должен был получить официальное разрешение государственных органов на работу в качестве корреспондента немецких и голландской газет.

В первую очередь он посетил министерство иностранных дел и представился руководителю отдела информации, вручив ему рекомендательное письмо посла Японии в США. В разговоре с этим влиятельным чиновником Зорге подчеркнул, что в своих статьях намеревается рассказывать европейцам о величии японской нации, призывать к сближению Германии и Японии, пострадавших от политики ведущих империалистических держав. Он заметил, что чиновник польщен словами немецкого корреспондента. Тот внимательно прочитал рекомендательное письмо из Вашингтона, долго изучал печать и подпись посла, а затем официально объявил, что Зорге получает разрешение на работу в Японии. Его будут приглашать на еженедельные пресс-конференции в МИДе и мероприятия Информационного бюро японского

правительства. Кроме того, руководитель отдела информации доверительно пообещал организовывать Рихарду встречи с руководителями министерства и другими влиятельными политиками, чтобы использовать интервью с ними для своих статей.

После такого удачного визита Зорге на следующий день направился в германское посольство. Дипломатическое представительство располагалось в старинном здании в центре Токио, неподалеку от императорского дворца. Немецкого журналиста приняла секретарь посольства. Ей понравился стройный представительный мужчина, державшийся уверенно и явно знавший себе цену. Он был хорошо осведомлен о последних событиях в Германии, о которых мало знали давно находившиеся за рубежом дипломаты. Поэтому фройляйн Гааз, обычно строго относившаяся к посетителям, которые предварительно не записались на прием, сразу проводила Зорге к послу. Его превосходительство Э. Фореч, 65-летний дипломат, собирался возвращаться на родину, поэтому уже мало занимался служебными делами. Однако Рихарда он принял сразу, надеясь больше узнать о жизни в Третьем рейхе, откуда в последнее время поступало много противоречивых новостей и слухов.

В кабинет посла решительно вошел немецкий журналист, вскинул руку в нацистском приветствии. Затем предъявил свои документы и рекомендательные письма, рассказал, что его направлял в Японию лично гауляйтер Геббельс, поинтересовался, есть ли в немецком землячестве Токио национал-социалистическая партийная организация, и заявил, что намерен активно работать в ней. Много чего повидавший в жизни глава диппредставительства, как отметил Рихард, даже растерялся. Он обещал оказать новому корреспонденту Третьего рейха максимальное содействие, официально представить его в местных министерствах, а также в германской колонии. Фореч все-таки задал Зорге несколько вопросов о том, как новые власти относятся к потомственным аристократам, так как принадлежал к известному в Германии роду, а также к отставным чиновникам. Посол информировал Рихарда, что в ближайшее время покидает Японию и скоро ему на замену из Берлина прибудет новый дипломат. Фройляйн Гааз проводила журналиста к выходу и многозначительно сказала, что готова помогать ему и будет ждать новых встреч...

После успешного визита в германское посольство Зорге стал налаживать связи в журналистских кругах. Он посетил Токийскую ассоциацию иностранных корреспондентов и заплатил вступительный взнос, что было достаточно для того, чтобы стать ее членом. Знакомство с

коллегами он начал со своих соотечественников. В Токио было много немецких журналистов, представлявших различные газеты, Германское телеграфное агентство и Германское агентство экономических новостей. Они поддерживали между собой профессиональные отношения, обменивались мнениями и информацией, используя данные от своих собственных источников. Это сообщество быстро приняло в свои ряды нового журналиста, недавно прибывшего из Германии. Коллеги увидели в нем профессионала, обладающего многими необходимыми для этой работы данными. Он много знал о Китае, проблемах Северной Азии, мог ответить на самые сложные вопросы, касающиеся этого региона. К тому же Зорге считали роскошествующим журналистом, так как он часто угощал коллег за свой счет.

Являясь корреспондентом амстердамской газеты, Рихард установил контакты с голландской колонией в Токио, а также дипломатическими и деловыми кругами этой страны. Нацистскому репортеру было трудно налаживать отношения с другими иностранными журналистами, в том числе с англичанами и американцами, из-за их антигерманских настроений, связанных с приходом к власти Гитлера. Однако профессиональные встречи с ними периодически происходили.

Знакомство с германской колонией Зорге начал с партийной ячейки. Она была создана недавно и, как увидел Рихард, действовала почти на любительском уровне. Прибывший же из Берлина корреспондент, встречавшийся с видными нацистскими чиновниками и сыпавший цитатами из «Майн кампф», сразу произвел впечатление на местных нацистов. Рихарду едва ли не сразу предложили занять руководящую должность в организации, но он отказался, сославшись на то, что Геббельс отправил его в Японию в качестве журналиста, а не партийного работника. Вместе с тем Зорге согласился возглавить идеологическую работу в нацистской организации, считая ее дополнительным прикрытием своей последующей разведывательной деятельности.

Помня об опыте своей работы в Китае, Рихард планировал наладить отношения со своими соотечественниками. Немецкое землячество насчитывало около двух тысяч человек, представленных дипломатами, журналистами, предпринимателями, инженерами, военными, врачами и другими лицами, по разным причинам оказавшимися в Японии. Они посещали Германский клуб, где устраивали встречи, банкеты, балы и другие мероприятия. Это была нужная разведчику среда, в которой можно было найти важные источники информации.

Личные качества Зорге помогли ему быстро стать завсегдаем всех

проводимых земляками мероприятий, на которых он всегда был в центре внимания. Веселый компанейский человек, к тому же интересный собеседник, новый журналист быстро заводил новые знакомства. Рихард, строго придерживавшийся своей легенды, рассказывал о начавшемся возрождении страны под руководством великого фюрера, который покончит с позорным Версальским договором, о массовых митингах в его поддержку, факельных шествиях, других массовых мероприятиях, непрерывно происходивших в большинстве германских городов. Рихард про себя отмечал, что, к сожалению, практически все члены немецкой колонии с удовлетворением и даже радостью воспринимали происходящее в Германии, быстро обучились нацистским приветствиям, стремились подражать буйным наци в прежде традиционно тихом и уютном клубе.

Несколько по-другому вели себя дипломаты, которые опасались потерять свои должности при новом режиме. Приезжавшие из Берлина курьеры привозили тревожные новости. Хотя прежний министр иностранных дел фон Нейрат сохранил свою должность, его прежнее влияние упало. Гитлер по вопросам внешней политики предпочитал больше общаться с Геббельсом и руководителем созданного в НСДАП внешнеполитического отдела Риббентропом. Среди нацистского руководства велись разговоры о необходимости создать новую дипломатию для новой Германии, так как старые дипломатические кадры давно оторвались от родины.

Видя в Зорге хорошо информированного человека, возможно, даже посланного в Японию Геббельсом с особыми полномочиями, многие сотрудники посольства стремились установить с ним тесные отношения, узнать побольше о событиях в Берлине. Это отвечало намерениям разведчика, но он был довольно безжалостен к своим собеседникам, озабоченным только своей карьерой. Рихард рассказывал им, что непартийные дипломаты будут подвергаться чисткам, каждому из них необходимо будет доказать свою приверженность идеям национал-социализма, ссылаясь на свои источники, сообщал, что в МИДе создан отдел расовой гигиены, который начал активно работать, и все служащие-неарийцы подлежат увольнению.

Перед окружавшими его людьми Зорге представал «настоящим немцем»: активно участвовал во всех мероприятиях, которые устраивали его земляки, после работы старался отдохнуть в теплой компании, любил пиво, мог хорошо выпить на дружеской вечеринке, во всех делах проявлял педантичность и пунктуальность. Женщинам нравились его галантность, умение хорошо танцевать и делать изысканные комплименты.

В результате Рихард установил хорошие отношения со многими членами германской колонии, среди которых были известные предприниматели, занимавшиеся бизнесом в Японии. Они хорошо знали местные рынки, посещали многие районы страны, совершали поездки по региону, много видели и знали. Очень информированными были инженеры, посланные в Японию крупными германскими машиностроительными компаниями, налаживающими здесь совместное производство современной продукции. Они обладали обширными сведениями о японской промышленности, в том числе о ее слабых сторонах из-за отсутствия в стране необходимого сырья. Встречи с этими людьми происходили в Германском клубе, а также в семейном кругу, куда часто приглашали земляка-журналиста и где также присутствовало много японских гостей.

Зорге сожалел, что в Японии нет германских военных специалистов и советников, от которых он получал много ценной информации в Китае. В частях японской армии стажировалось всего несколько немецких офицеров, которые крайне редко появлялись в Токио. Их жены иногда посещали Германский клуб, но всегда держались обособленно. На одном из мероприятий Рихард неожиданно увидел знакомую, с которой встречался раньше в Германии, когда занимался партийной работой во Франкфурте-на-Майне. Тогда она была замужем за архитектором, руководившим местной ячейкой КПГ. Сейчас, как оказалось, была женой подполковника Отта, направленного стажером в японский артиллерийский полк, дислоцировавшийся в городе Нагоя.

Для обоих встреча была неожиданной. Рихард знал, что подобная должность означает принадлежность подполковника к абверу — управлению военной разведки и контрразведки Германии. Хельма Отт, скрывавшая от мужа свое левое прошлое, явно опасалась своего старого знакомого. Зорге взял инициативу в свои руки и сказал, что направлен в Японию Геббельсом в качестве корреспондента солидной газеты, и дал понять, что о его прошлом можно забыть. Было видно, что это устраивало и его собеседницу, которая предложила Рихарду остаться друзьями.

В этот момент Зорге вспомнил, что у него имеется рекомендательное письмо к подполковнику Отту, и, видимо, он и является мужем его знакомой. Рихарду не составило большого труда так повести разговор, что Хельма сама предложила познакомить его со своим супругом, когда он приедет в Токио. Вскоре эта встреча состоялась. Хорошо известный в посольстве корреспондент произвел впечатление на абверовца, явно испытывавшего трудности в незнакомой для него стране. Поэтому «случайное» знакомство с таким человеком было для него большой удачей.

Так начали развиваться отношения двух разведчиков, и каждый ожидал от них больших результатов для себя.

Настало время показать свою работу журналиста. Изучив местные англоязычные газеты, Зорге написал и направил в «Берлинер бёрзен-курир» большую статью. Она была напечатана 18 октября под заголовком «“Линия жизни” Японии», в которой отмечал, что за последние десятилетия островная империя превратилась в сильную державу. «Линией жизни» Японии является территория Маньчжоу-го, разделяющая коммунизм на севере и коммунистические районы в Центральном Китае, соединения которых она не должна допустить. В статье также была проанализирована внешняя и внешнеторговая политика Токио в отношении США, Великобритании, Голландии, Германии, Италии, Китая, МНР и СССР. Завершалась статья выводом о неизбежности усиления сотрудничества Японии с Германией и Италией.

Через месяц в той же газете вышла передовая статья «Национальный кризис Японии», написанная зарубежным корреспондентом Рихардом Зорге. В ней автор раскрыл особенности внутривнутриполитической обстановки в стране, «которая пребывает в процессе значительной экономической и политической экспансии могущества». Были также подробно описаны кризис основных политических партий и усиление влияния милитаристов с одновременным сохранением в руководстве страны крайне националистически настроенных гражданских государственных деятелей.

Обе статьи обратили на себя внимание в Германии и журналистских кругах Японии. Автор показал себя как профессионал своего дела и хороший аналитик. Его имя, как и ранее в Китае, знали многие. Прочитали статьи и в Москве. Когда Берзину доложили о их появлении, он понял, что процесс легализации Рамзая проходит успешно. Ян Карлович дал указание резидентуре в Берлине взять под контроль возможную реакцию на статьи со стороны контрразведывательных служб. Вскоре в Центр пришел ответ о спокойной обстановке вокруг автора публикаций. В Германии продолжалась реорганизация полиции, а только недавно созданное гестапо находилось в стадии формирования. Имя автора статей в берлинской газете не вызвало у их сотрудников настороженности.

Начав работать в Японии, Рихард очень скоро понял, что его знаний о стране явно недостаточно. Чтобы утвердить положение высококлассного журналиста и укрепить свои позиции в германском посольстве, необходимо было приступить к детальному изучению Страны восходящего солнца.

После нескольких недель проживания в гостинице, где Рихарда утомляло назойливое поведение шпииков, многократно перетряхнувших и

простучавших весь его номер, он решил поселиться в городе и через местную фирму подыскал себе подходящее жилье. В одном из центральных районов города в квартале Адзабу на улице Нагадзака он снял небольшой деревянный двухэтажный дом, построенный в японском стиле. На первом этаже находились большая гостиная, столовая, кухня, деревянная японская ванна и туалет, на втором — просторный кабинет большим рабочим столом и книжными шкафами. Там же был установлен городской телефон. Напротив кабинета находилась спальня, в которой кровать заменяла стопка японских тюфяков — футонов. В доме полиция его почти не беспокоила, хотя Рамзай знал, что его жизнь контролируют завербованные ею соседи, а также горничная, убиравшая дом и готовившая ему завтраки и обеды.

Дом окружал небольшой садик, в квартале было тихо, что создавало идеальные условия для работы. Рихард с большим интересом приступил к новой исследовательской деятельности — детальному изучению Японии. Он заказал переводы различных работ по истории страны, в том числе старинных рукописей. Для него готовились выдержки из ряда японских исторических журналов. Зорге посетил все книжные магазины и букинистические лавки в Токио, скупая все имевшиеся издания японских книг на английском и немецком языках, работы, написанные иностранцами о Стране восходящего солнца, лучшие переводы наиболее известных японских художественных произведений. Через несколько лет Рихард полностью заполнил все книжные шкафы и полки в своем кабинете, собрав около тысячи изданий, посвященных Японии.

Помимо личных книг Зорге пользовался библиотекой германского посольства в Токио, личной библиотекой посла в его резиденции и библиотекой Восточноазиатского общества, располагавшей обширной научной литературой. Он собирал географические карты, вел картотеки на ведущих японских политиков, военных, промышленников и бизнесменов прошлого и настоящего времени. Постепенно перед ним разворачивалась картина исторического развития великой азиатской страны.

Более шести веков идеология самурайства определяла менталитет японской нации, а сама история самураев насчитывала около тысячи лет. Они были схожи с западноевропейскими феодалными воинами, но их отличали большая воинственность и наличие специфического мировоззрения — кодекса Бусидо, предполагавшего верность вассала своему феодалу, презрение к смерти и стойкость в бою. Зорге понял, что роль и влияние военных в современном японском обществе определяются именно этими историческими периодами, которых не было у других стран мира.

В начале XVII века во времена правления сёгуна Токугава Япония объявила о самоизоляции от остального мира, которая продолжалась 200 лет. Определенные отношения поддерживались только с соседним Китаем и Голландией. В это время страна прошла период относительной стабильности и роста культуры, но этот же период способствовал еще большему ее отставанию от других стран мира в экономическом и промышленном развитии. В конце XIX века последний сёгун передал власть императору Мэйдзи, который взял курс на ускоренную модернизацию страны.

В качестве образцов для подражания были взяты страны Запада, куда была направлена специальная японская миссия, побывавшая в пятнадцати государствах. На основе привезенной оттуда информации начались реформы под девизом «Богатая страна, сильная армия». Была проведена индустриализация, позволившая создать мощную военную промышленность. С опорой на нее и при помощи западных держав Япония создала сильную армию и флот, что позволило ей в ходе нескольких войн присоединить Корею и Тайвань, нанеся поражение Китаю. Японцы также выиграли войну у царской России и получили под свой контроль Южный Сахалин.

Рихард стал искать причины агрессивности у находившегося в изоляции островного государства, изучал развитие экономики Японии того времени. Статистические данные показали недостаточное наличие в стране минеральных ресурсов, необходимых для подъема и развития промышленности. Начавшееся в широких масштабах производство различных товаров требовало новых рынков сбыта. Данные факторы, конечно, имели значение, но все же не были главными, так как могли решаться финансовыми и политико-дипломатическими методами. В конце XIX века Японию захватила волна национализма, основные идеи которого разделяли как руководство, так и практически все население страны. Националисты всячески превозносили японскую нацию, безусловное превосходство японцев над другими народами. Даже школьникам прививали чувство убежденности в «священном праве» Японии господствовать над Азией, воспитывали их в духе национальной исключительности и безграничной преданности императору. В стране возрождался воинственный самурайский дух. Это и явилось, как понял Рихард, основной причиной агрессивной политики Японии на Дальнем Востоке, в Северной и Юго-Восточной Азии.

Изучая различные исторические периоды развития страны, Зорге пришел к выводу, что в Японии всегда был культ военной силы и она

практически всегда была милитаристской державой. Военное руководство обладало большой властью и влиянием. Еще в эпоху Мэйдзи созданный генеральный штаб был подчинен непосредственно императору, а министры армии и флота назначались только из числа военных. С 1900 года Императорская армия и Императорский военно-морской флот получили право вето при формировании правительства. Во главе кабинета министров нередко ставили действующих генералов. В XX веке на политической арене страны появилось так называемое «молодое офицерство» — офицерские кадры младшего и среднего звена. Они выступали против гражданского парламента, финансовой плутократии, устраивали заговоры, во внешней политике поддерживали решительные экспансионистские действия в Китае и регионе в целом.

Знание истории страны позволило Рихарду разобраться в сложной политической системе Японии. Она создавалась в период Мэйдзи и была скопирована с европейских государств. В стране существовала конституционная монархия, была законодательная власть — парламент, органы исполнительной власти — правительство и министерства, а также политические партии — консервативная и либеральная. Однако политическая реальность страны была более сложной. По конституции император являлся главой исполнительной власти, заслушивал и утверждал отчеты всех министров, но в действительности играл внешне неприметную роль в политической жизни. Император не покидал пределы столицы, постоянно находясь в своем дворце, не путешествовал по стране, тем более не посещал зарубежные страны. Правящая династия считала себя связанной с божеством солнца, поэтому все указы императора начинались словами «Являясь божеством...». Никто не мог претендовать на императорскую власть, в связи с чем начиная со Средних веков попыток свержения императора в Японии не отмечалось.

При императоре действовала коллегиальная группа гэнро, в которую входили девять видных японских государственных деятелей. Ее статус не был официально определен ни в конституции страны, ни в действующем законодательстве. Однако члены группы определяли кандидатуру премьер-министра, которую всегда утверждал император, принимали другие важные решения, подлежащие исполнению правительством и бюрократическим аппаратом Японии. При императоре существовал другой влиятельный совещательный орган — Тайный совет, который был упомянут в конституции, но без описания его полномочий. В него входили особо приближенные советники и все члены правительства.

Заседания совета проходили в императорском дворце, на них его

члены давали рекомендации императору, а фактически принимали решения по всем вопросам международной политики, в том числе объявления войны и введения военного положения.

Парламент страны реальной силы не имел. Правительство действовало в рамках определенных ему полномочий, но при этом обязательно учитывалась позиция армии и флота, а также рекомендации Тайного совета. Партийная система была не развита и не играла большой роли в политической жизни страны. К консервативной относилась партия сейюкай (ассоциация политических друзей), куда входили депутаты парламента, чиновники местных органов власти, крупные бизнесмены и промышленники. Покровителем и спонсором партии являлся крупный промышленный концерн «Мицуи». Другой ведущий концерн — «Мицубиси» создал партию минсэйто (партия народной политики), членами которой являлись представители буржуазно-помещичьих кругов. Происходило сращивание партий с бюрократией, было трудно отделить политиков и бизнесменов от партийных функционеров.

Левое движение в стране находилось в сложном положении. Хотя Япония стала первой страной Дальнего Востока, где в 1901 году была создана социалистическая партия, она вскоре была разогнана. В парламенте, чтобы показать наличие в стране реальной демократии западного типа, действовали и левые силы: крестьянско-рабочая партия, социалистическая народная партия и социалистическая массовая партия, но они были малочисленны, а их члены подвергались репрессиям со стороны властей. Коммунистическая партия Японии была запрещена и объявлена вне закона. Зорге знал, что Коминтерн пытался оказывать помощь японским коммунистам, но расширить их влияние среди достаточно многочисленного рабочего класса Японии не удалось. Под арестом находилось все руководство КПЯ, задерживались и предавались суду все лица, заподозренные в коммунистической деятельности.

Рихард вновь отметил, что в целях обеспечения безопасности выходить на членов компартии и привлекать их к работе в своей группе он не будет.

В Японии также существовали многочисленные тайные общества, ультранационалистические организации и финансовые кланы дзайбацу, превратившиеся в последующем в крупные японские концерны. Все они оказывали существенное влияние на политическую жизнь страны, в них входили влиятельные политики и бизнесмены. Такие группировки, как «Общество черного дракона», «Ассоциация помощи Императорскому дому», «Общество Великой Японии для служения Отечеству через

производство» и многие другие способствовали распространению националистической, милитаристской идеологии и реакционных идей. Многие японские политики негласно входили в их состав, реализуя на практике то, что обсуждалось в узком тайном кругу.

Зорге еще глубже осознал сложность стоящих перед ним задач. Ему нужно будет проникнуть в самые важные звенья политической системы Японии, найти лиц, близких к руководству и тем, кто принимает политические решения. Япония превратилась в экономически развитое государство с мощными вооруженными силами и агрессивными внешнеполитическими намерениями. Ее действия могли резко дестабилизировать обстановку в регионе и вызвать опасные последствия в мире, поэтому необходима достоверная информации о планах и намерениях правительства и военного командования страны.

Япония по результатам Первой мировой войны оказалась среди победителей и получила крупные территориальные приобретения на Дальнем Востоке и в Тихоокеанской зоне. Этот успех, достигнутый без особых усилий, подогревал агрессивные настроения правящих кругов и самурайский дух военщины. В Токио надеялись на новые захваты территорий, чтобы получить доступ к ресурсам и установить господство Японии в регионе, создать обширную колониальную империю.

Еще во время своей работы в Китае Зорге знал, что в качестве основных направлений вооруженной экспансии японским руководством рассматривались северное и южное направления. Первое предусматривало захват китайских земель на северо-востоке и севере страны, превращение Монголии в сферу японского влияния, а затем нападение на СССР, чтобы устранить «советскую угрозу». Второе направление предусматривало вооруженное столкновение с США и Великобританией за установление контроля над странами Юго-Восточной Азии и Южных морей. Военное командование намеревалось действовать беспощадно, проводить политику «крови и железа». Военнослужащих воспитывали на основе самурайского кодекса, готовности к самопожертвованию при выполнении приказов командования.

Агрессивные устремления Японии привели к обострению американо-японских и англо-японских противоречий. Ведущие западные державы опасались потерять свои позиции в регионе в условиях расширения гегемонии Токио. На японское руководство оказывалось давление, используя зависимость страны от поставок сырья из-за рубежа. На лондонской международной конференции Японию обязали сократить тоннаж ее крейсеров до 70 процентов от тоннажа крейсерских флотов

Великобритании и США. В то же время Вашингтон и Лондон больше всего устраивала переориентация возможной японской агрессии против СССР, чтобы максимально ослабить Советское государство.

В Токио многие политики считали, что военное столкновение с Советским Союзом неизбежно. Япония уже имела опыт агрессивных действий против молодой Советской республики в 1918–1922 годах. В новых условиях, особенно после захвата превращенной в военный плацдарм Маньчжурии, готовились планы нападения на СССР с целью захвата территорий Приморья, Забайкалья и Сибири и превращения их в колонии в составе «Великой японской империи». В последующем, как рассчитывало японское руководство, СССР необходимо было превратить в слабое государство и контролировать его природные ресурсы.

В мире никто не сомневался, что Япония неминуемо совершит агрессию на севере или юге, да и в Токио не особенно скрывали это. Главным для нелегальной резидентуры было определить направление и сроки вооруженного нападения японской армии и флота. Рихард помнил о своей телеграмме из Шанхая по этому вопросу, но сейчас, находясь в Японии, понимал всю сложность проблемы, которая составляла основу его задания.

Имея опыт исследовательской работы, Рамзай по статистическим сборникам, результатам слушаний в парламенте, публиковавшимся в газетах, и другим открытым материалам составил полную картину экономики Японии. За относительно непродолжительный период страна из аграрно-индустриальной превратилась в индустриально-аграрную державу. Форсированными темпами развивалось военное производство, которое стимулировалось военными заказами правительства, приносившими японским монополиям наивысшие прибыли. Военная направленность правительственного курса способствовала развитию отраслей, непосредственно связанных с поставками для армии и флота. В результате в стране производились практически все виды современного вооружения: от самозарядных винтовок, артиллерии и танков до дальних бомбардировщиков и крупнотоннажных авианосцев. В связи с этим резиденту и его группе необходимо было искать источники получения военно-технической информации, раскрывающей направленность военного производства и характеристики выпускаемой боевой техники.

Как и во время работы в Китае, внимание Зорге привлекали особенности культурного развития страны, обычаи и жизнь населения. Такие знания могли помочь в установлении и поддержании контактов с японцами, которые, как и жители других восточных стран, ценили интерес

иностранцев к их культуре. Рихард нашел в букинистическом магазине английский перевод одного из первых письменных памятников Японии — рукописи «Кодзики». В ней содержались сведения о ранней истории страны и ее самобытной культуре, на которую сильное влияние оказали островное расположение страны, климатические особенности и постоянные природные катаклизмы, что нашло отражение в особенном почитании японцами природы как живого существа и воплощения в ней божественного начала.

Култ природы явился одной из основ национальной религии японцев, существующей только в этой стране, — синтоизма. К другим основным составляющим этого религиозного учения относился култ предков и култ героев, преимущественно военных. В Средние века из Китая в Японию проник и укрепился здесь буддизм. Обе религии мирно уживались друг с другом. Большинство японцев причисляли себя к синтоистам и буддистам одновременно. В Японию буддизм принес также материальную культуру: живопись, скульптуру, новые идеи в архитектуре. Художественная культура также формировалась под влиянием более развитого средневекового Китая, но самобытные японские творцы занимались оригинальной поэзией, развивали живопись, театральное искусство. Рихард имел в своей библиотеке переводы, художественные альбомы, другие работы, посвященные вопросам местной культуры, которые он тщательно изучал.

Японская цивилизация показала свою способность терпимо относиться к внешним влияниям и перерабатывать их на свой национальный лад. В ходе кардинальных реформ в эпоху Мэйдзи очень много заимствовалось из культуры Запада. Была введена европейская система образования, менялись правила поведения и этикета. Уже к началу XX века в Японии утвердилась западная мода, чиновники, а затем и большинство городских жителей стали носить европейский костюм. Однако это не привело к забвению и отказу от основных норм японского образа жизни. Японцы, например, не отказались от своего питания (рис, сырые морепродукты, свежие овощи), предпочитали жить в традиционных японских домиках с национальным внутренним убранством. В стране продолжали отмечать местные праздники природы: День цветения сакуры, День зелени, День моря, когда городские жители предпочитали традиционную японскую одежду — кимоно, которые носили как мужчины, так и женщины.

Для Зорге было важно узнать особенности национальной психологии японцев, чтобы учитывать их при контактах с ними. Один из первых европейцев, посетивших Японию, так описывал местных жителей: «Все

они отличаются чистотой и опрятностью как в своей собственной персоне, так и в платье... Манеры у них приличны, в общении они вежливы». Местные авторы в своих работах писали, что большинство японцев преданы властям, отличаются высоким патриотизмом, склонны к почитанию предков и соблюдению чести семьи, отличаются умением наслаждаться природой, обладают учтивостью и вежливостью. Другие авторы отмечали такую черту многих японцев, как корпоративность, означающую преданность своему месту работы в лице хозяина, которого никак нельзя предавать.

У японцев, как подчеркивали зарубежные авторы, на подсознательном уровне было развито недоверие ко всем иностранцам. Еще в Средние века европейцев считали дикими и агрессивными, так как они не ели рис, предпочитая ему мясо, и пили «белую кровь», которой японцы считали не известное им ранее молоко. Местные жители были убеждены в своей уникальности, отличавшей их от остального мира, неприязненно относились ко всем иностранцам, называя их «южными варварами», а затем «гайдзинами» (людьми с другой страны). Даже тех из зарубежных визитеров, кто владел японским языком и постоянно работал в Японии, называли «странными иностранцами». Японцы также с недоверием относились к своим соотечественникам-эмигрантам. Для них те, кто оставил Японию хотя бы на непродолжительное время, навсегда теряли право быть местным жителем.

Глубже входить в мир восточного государства Зорге помогало его жилище. Спал он на футонах — традиционной японской постели, вставал в пять часов утра, спускался на первый этаж и принимал офуро — деревянную сидячую ванну, которую горничная по японской традиции наполняла очень горячей водой, затем его ждал завтрак из традиционных блюд японской кухни. Туалет тоже был японский — без унитаза. После завтрака он шел в кабинет, где на столе лежали свежие газеты, журналы и книги, изучением которых он занимался в течение многих часов. Рихард работал с большим увлечением и вскоре, благодаря прекрасной памяти, приобрел практически энциклопедические знания о Японии.

Кроме кабинетной работы Рихард часто совершал поездки по различным городам и префектурам страны. Наибольший интерес у него вызвал старинный Киото, в котором находилось около тысячи древних буддистских и синтоистских храмов. В городе Нара также было много достопримечательностей: древние руины, храмы, деревянные постройки Средневековья и самая большая в мире статуя Будды. Посещая исторические места, Зорге видел и другую Японию — с развитым сельским

хозяйством, успешно проведенной индустриализацией, высоким уровнем грамотности и культуры.

В ходе поездок по стране Рамзай решал и другую важную задачу. Он старался приучить наблюдавших за ним агентов полиции к своему активному образу жизни, многочисленным контактам с самыми различными людьми, связанными с его журналистской и научно-исследовательской деятельностью. Рихард пытался усыпить бдительность сотрудников наружного наблюдения и даже вызвать у них уважение к себе как человеку, искренне интересующемуся историей их великой страны. Одновременно он изучал основные приемы и особенности деятельности сотрудников обычной полиции, сотрудников тайной полиции токко и военной жандармерии кэмпэтай и уже мог различать их.

Часто они работали грубо: практически открыто Зорге сопровождал едва ли не десяток полицейских. Люди в штатском, но с военной выправкой бесконечно проверяли документы, получив визитную карточку на японском языке, они, как правило, были удовлетворены и держались на определенной дистанции. Они сопровождали Зорге в поезде, при посещении исторических мест, в ресторанах, гостиницах, во время прогулок. Но он вскоре выявил слабые стороны контролировавших его местных структур.

Полиция токко и военная жандармерия кэмпэтай, осуществлявшие контрразведывательные функции, больше занимались борьбой с инакомыслием и внутренней политической оппозицией из состава левых и пацифистских сил. Поэтому их агенты проявляли беспечность в отношении уже проверенных и лояльных правящему режиму иностранцев. Кроме того, многие японцы не употребляли спиртные напитки в рабочие дни и вообще плохо переносили алкоголь, в связи с этим агенты не всегда, как заметил Рихард, входили в рестораны и бары, где иностранцы пили спиртное, а ограничивались ожиданием на улице. Знание этих особенностей все-таки давало возможность вести разведывательную деятельность в Японии.

Рихард начал устанавливать деловые отношения с местным журналистским корпусом. В Японии выходило большое количество газет, журналов, активно действовало информационное агентство «Домэй», которое собирало внутреннюю и зарубежную информацию. Зорге общался с коллегами из ежедневных токийских газет «Асахи», «Нити-Нити», «Джапан адвертайзер», которые оказались очень информированными людьми. Эти газеты часто публиковали материалы о заседаниях Тайного совета, статьи о выступлениях членов правительства, в том числе военного министра Араки. Передовые статьи, как правило, носили воинственный

характер и часто раскрывали агрессивные намерения японского руководства. Все журналисты находились под воздействием националистических идей, были настроены даже более реакционно, чем политики и военные. Однако к «убежденному нацисту» Зорге японские коллеги относились с симпатией, даже несмотря на то, что он был гайдзин — чужак, иностранец. Им нравилось, что немецкий журналист в общении с ними придерживается японских традиций: не подает руку при встрече, не похлопывает собеседника по плечу во время беседы, что считалось здесь невежливым. Рихард знал о японском искусстве чайной церемонии и следовал всем его правилам, заключавшимся главным образом в естественности и простоте. Не владея в полном объеме японским языком, он всегда здоровался и прощался по-японски, во время беседы использовал наиболее популярные в японском обществе пословицы. Это всегда вызывало положительную реакцию у его собеседников.

Стала приносить свои плоды и журналистская деятельность. Статьи Зорге читали в посольстве Германии в Токио, в том числе недавно прибывший посол Герберт фон Дирксен. Этот опытный дипломат ранее работал в Советском Союзе, а затем получил неожиданное назначение в Японию. До этого он занимался только европейскими делами и мало что знал о Стране восходящего солнца. Ему был нужен человек, хорошо знающий Японию, чтобы консультироваться с ним при подготовке своих докладов в Берлин.

Новый глава диппредставительства нашел повод встретиться с заинтересовавшим его корреспондентом в Немецком клубе, затем пригласил его к себе. Рихард подготовился к этой встрече и вел себя подобающим образом: ни о чем не спрашивал своего высокопоставленного собеседника, не проявлял излишнего любопытства, а подробно рассказал о современной политической ситуации в Японии, привел многочисленные факты, показал свое умение анализировать и прогнозировать ситуацию, чем окончательно покориł фон Дирксена. В ходе продолжительной беседы выяснилось, что оба во время Первой мировой войны служили на одних и тех же участках фронта на Западе и Востоке, были награждены Железными крестами, только посол дослужился до чина лейтенанта, а Зорге только унтер-офицера. Это также способствовало сближению главы диппредставительства с немецким корреспондентом, и впоследствии между ними установились хорошие личные и деловые отношения.

Теперь Рихард мог чаще посещать посольство, пользоваться его архивом, свободно общаться практически со всеми сотрудниками, быстро узнавшими, что он «любимчик» посла. Но самым важным для разведчика

стало то обстоятельство, что он получил возможность знакомиться с политическими отчетами и донесениями, которые готовились за подписью фон Дирксена. Посол привык обсуждать с Рихардом проекты этих документов, давал им ему просмотреть и, если необходимо, внести поправки и дополнения. Это был первый большой успех Рамзая, но он действовал осторожно и осмотрительно. Сотрудники службы безопасности должны были оставаться в неведении о истинных задачах Зорге. Японским спецслужбам Рихард старался показать свой изменившийся статус в посольстве, которое рассматривалось ими как представительство дружественной страны.

Начали развиваться отношения с подполковником Оттом, также нуждавшимся в постоянном консультанте, хорошо знавшем Японию. Подполковник должен был готовить донесения в Берлин о состоянии японской армии, проводимых в ней мероприятиях, вооружении, направленности боевой подготовки и других подобных вопросах. Того, что он видел своими глазами в артиллерийском полку, было недостаточно, а незнание японского языка не позволяло ему в полной мере ориентироваться в происходящих в стране событиях. Поэтому рапорты Отта отличались краткостью и малой информативностью, что вызывало недовольство в Берлине. Державшийся вначале настороженно, германский разведчик постепенно изменил отношение к Рихарду, тем более что знал о его регулярных встречах с опытейшим послом. И однажды рискнул, показав Зорге черновики очередного готовящегося им доклада. Журналист внимательно прочитал их, подумал и стал диктовать новый текст, в который были включены особенности политической ситуации в Азии, требовавшие развития японской армии, и другие важные дополнения. Документ получился полным и обстоятельным, и вскоре из Берлина на него пришел положительный отзыв.

Теперь Отт готовил все свои информационные донесения только после их предварительного обсуждения с Зорге. Он показывал журналисту все имеющиеся у него материалы, знакомил с заданиями, полученными из штаб-квартиры абвера. В некоторых случаях Рихард сам писал рапорты за Отта, запоминая их содержание. Он также стал главным поставщиком последних японских новостей для немецкого разведчика, делясь с ним сведениями, полученными от коллег в журналистском корпусе. Для подполковника это была еще одна большая удача, так как он не мог читать газеты, а о встречах с много знающими о ситуации в стране людьми не мог даже мечтать.

Помогала развитию отношений и жена Отта Хельма, приглашавшая

Рихарда на семейные праздники, поездки на море, дружеские вечеринки. Зорге стал лучшим другом и незаменимым помощником немецкого офицера. Подполковник абвера полностью доверял ему, постепенно открывая доступ ко многим своим секретным материалам. Однажды он попросил Рихарда помочь ему подготовить очень важный документ. Необходимо было провести анализ деятельности разведывательных структур японской армии, их организации, решаемых ими задач, в том числе ведения антисоветской шпионской работы. На стол были выложены все имевшиеся у Отта материалы, и Рамзай приступил к работе. Получился объемный документ, который немедленно был отправлен в Берлин.

Достигнутое положение, возможность получать важные сведения закрытого характера позволили перейти к следующему этапу разведывательной операции. Зорге оценил обстановку вокруг себя. Наружка по-прежнему ходила за ним по пятам, однако он уже изучил все ее методы. По опыту своей предыдущей работы он знал, что нельзя уходить от наблюдения, относиться с неуважением к сотрудникам, следящим за ним, ставить их в тупик своими действиями. Напротив, разведчик пытался установить с ними доброжелательный контакт, даже подсовывал некоторым полицейским небольшие подарки по праздничным дням. В результате у него не было жесткого противостояния с агентами наружного наблюдения, которые в конечном итоге привыкли к многочисленным контактам своего подопечного. Теперь можно было надеяться, что встречи с членами его группы не привлекут особого внимания контрразведки.

В конце 1933 года в одном из баров Токио встретились два иностранца. Что-то тихо сказали друг другу и продолжили беседу за отдельным столиком в дальнем углу небольшого зала. Рихард уже встречался с югославским журналистом Бранко Вукеличем в международном пресс-клубе, но теперь убедился, что перед ним сидит именно Жиголо — сотрудник возглавляемой им нелегальной резидентуры. Бранко прибыл в Японию в феврале в качестве корреспондента французского журнала и югославской газеты. Снял квартиру, легализовался, начал писать статьи, его положение в стране было устойчиво. Вукелич кратко рассказал о своей жизни в Югославии, учебе в Париже, своих левых убеждениях. Он был готов к выполнению заданий резидента. Отдельные поручения могла выполнять его жена Эдит, по согласованию с Разведывательным управлением посвященная мужем в его секретную деятельность.

У Вукелича была необычная судьба. Он происходил из дворянского рода: дворянство было пожаловано его деду австрийским императором за безупречную службу. Однако внук во время учебы в Загребском высшем

техническом училище увлекся марксистскими идеями и стал членом Компартии Югославии, уехал во Францию и поступил в Сорбоннский университет на юридический факультет. Стал заниматься журналистикой, писал статьи для журнала «Вю», продолжая сотрудничать с югославскими коммунистами, оказавшимися во Франции. Познакомился с датчанкой Эдит и, когда она забеременела, женился на ней. В Токио они сняли квартиру, где проживали вместе с сыном. Семья испытывала материальные трудности. Гонораров от публикаций в югославской газете «Политика», от которой удалось получить аккредитацию, и парижском журнале на жизнь не хватало, поэтому Вукелич подрабатывал изготовлением художественных открыток с видами японских достопримечательностей.

Встреча оставила у Рихарда двойственное впечатление. Он был рад, что его соратник закрепился в Японии и настроен на работу, но, как хороший психолог, видел и другое. Он почувствовал, что Жиголо — человек слабовольный, мягкий и нерешительный. В местных журналистских кругах у него была репутация легкомысленного репортера. Видимо, думал Зорге, с Вукеличем у него будут проблемы, на него нельзя будет серьезно надеяться как на помощника в вербовочной работе, на что рассчитывали в Москве. Пока Рихард поставил ему задание добывать информацию из посольств и журналистских кругов западных стран и, учитывая наличие у него хорошо оборудованной фотолаборатории, попросил быть готовым организовать фотографирование документов.

Следующий контакт состоялся через две недели: Рихард встретился с местным художником Мияги Йотоку — Джо, и второй член группы понравился ему. Это был энергичный человек, родился он на Окинаве в семье простого земледельца. От нужды отец уехал на заработки в США, куда вскоре перебрался и Мияги. Там проявился его талант художника, он окончил художественное училище в Сан-Франциско. Работая в США, познакомился с марксистскими идеями, поверил в коммунистическую идеологию. Вступил в Компартию США, выполнял партийные поручения. После привлечения к сотрудничеству военной разведкой без колебаний согласился вернуться в Японию, чтобы работать в составе разведывательной группы.

Рихард думал, как ему лучше использовать Джо, и решил нацелить его на сбор военной информации, рекомендовав искать старых знакомых в армейской среде и собирать через них сведения о вооруженных силах Японии. Он также мог бы писать портреты старших офицеров и генералов — они любили позировать и украшать своими изображениями свои жилища — и во время сеансов вести с ними целенаправленные беседы.

Затем Зорге дал ему задание найти японского журналиста Одзаки Ходзуми, передать ему привет от старого знакомого по Китаю и организовать с ним встречу. Художник пообещал сделать это в самое ближайшее время.

Мияги быстро нашел журналиста, и вскоре Рихард увидел своего друга и соратника по работе в Китае. Он опасался, не изменились ли его прежние взгляды, согласится ли он работать на советскую разведку на японской территории, где это намного труднее и опаснее, чем в китайских условиях. Но Одзаки остался прежним и согласился работать с Зорге.

Отто, таким был прежний оперативный псевдоним Одзаки, рассказал о своей жизни после возвращения из Китая. Он жил в городе Осака, работал журналистом в иностранном отделе газеты «Осака Асахи», был известен как крупный специалист по Китаю, написал несколько книг об этой стране. Одзаки владел обширной информацией, имел множество знакомых как в кругу высокопоставленных политиков, так и в промышленных и военно-промышленных кругах и был готов передавать Рихарду все интересующие его сведения.

Для встречи с радистом Бернхардом Зорге совершил поездку в Йокогаму, где тот должен был оборудовать радио квартиру и собрать передатчик. Рихард сразу обратил внимание, что Бернхард нервничает и словно чего-то сильно боится. Он показал Рамзаю радиостанцию и сказал, что ему ни разу не удалось установить связь с Владивостоком. По его словам, он все делал по инструкции, однако «Висбаден» не отвечал. Кроме того, у Бернхарда возникли трудности с легализацией, он так и не смог открыть свою фирму в городе, как ему рекомендовали в Центре, Зорге постарался успокоить своего радиста, но напомнил ему, что его главная задача — обеспечение радиосвязи и он должен сделать для этого все возможное.

Нелегальная резидентура могла начать работу. Рихард распределил обязанности между всеми членами группы. Сам он помимо общего руководства и обеспечения необходимых мер конспирации работает в германском посольстве и немецкой колонии, расширяет официальные контакты в японских кругах. Отто — используя свои связи, добывает информацию по военно-политическим и военно-промышленным вопросам. Джо — добывает сведения о состоянии армии и флота Японии, их техническом оснащении, производстве нового вооружения. Жиголо — используя свои официальные связи, добывает информацию о политике США, Англии и Франции в отношении Японии, организует фотокопирование документов. Бернхард обеспечивает устойчивую радиосвязь с Центром, а также оборудует вторую радиоквартиру в Токио.

Женщины — жены Жиголо и Бернхарда — выполняют отдельные поручения, в случае необходимости используются в качестве курьеров. Членам группы запрещены контакты друг с другом без разрешения резидента.

Постепенно накапливалась информация, которую можно было направлять в Разведуправление, но беспокоило отсутствие радиосвязи.

В начале января 1934 года в Токио прибыл курьер из Москвы. Рамзай встретился с ним и после обмена паролями, не привлекая внимания окружающих, обменялся с незнакомым мужчиной небольшими пакетами одинакового цвета.

В своем пакете он передал письмо на имя Берзина, в котором сообщал, что начальный этап развертывания резидентуры проходит успешно, он установил доверительную связь с послом Германии, имеет доступ к важной информации немецкого диппредставительства, но радиосвязь с Центром организовать не удалось, кроме того, у Бернхарда проблемы с легализацией. Кроме того, посылал краткое донесение об обстановке в Японии, в котором подчеркивал, что в текущем году Япония не развяжет войну против СССР. Рихард вложил в пакет и короткое письмо жене, в нем было всего несколько строк: «Скучаю по дому... высылаю тебе 10 долларов, купи, что хочешь...»

Так началась практическая деятельность резидентуры «Рамзай». Весь 1934 год прошел в напряженной работе. Рихард основное внимание уделял работе в германском посольстве. К нему, как специалисту по проблемам Дальнего Востока, постоянно обращались многие дипломаты, в том числе военный и военно-морской атташе, а также глава торгового представительства Германии. Посол Дирксен по-прежнему пользовался его услугами, он все больше доверял Зорге, а разведчик получал от него еще более важные сведения.

Дирксен рассказал Рихарду, что его перед отъездом в Токио принимал Гитлер и прямо сказал об основной задаче нового посла: добиться политического сближения Германии с Японией на антисоветской основе. Однако японский МИД отнесся к немецкому предложению весьма прохладно. Японцы выжидали, предпочитая наблюдать за действиями руководства Третьего рейха во внутренней и внешней политике. При этом многие представители высшей власти и военных кругов Японии были настроены крайне антисоветски. Фон Дирксену было трудно объяснить Берлину причины такой сдержанности. Рихард помог послу разобраться в местной политической кухне и предложил оказать помощь в составлении донесения в министерство иностранных дел Германии. Посол был в

восторге и через некоторое время сам обратился к Зорге с просьбой помочь подготовить важный политический доклад «Виды на сохранение мира в Восточной Азии». Рихард, получив текст этого документа, написанный сотрудниками посольства, внес ряд дополнений. Ему также удалось сфотографировать окончательный вариант доклада, в котором делался вывод, что в 1934–1935 годах на Дальнем Востоке большой войны не произойдет. Для непосредственного военного столкновения Японии с США нет ни объективных, ни субъективных предпосылок. В китайско-японских отношениях достигнута определенная стабильность и, несмотря на присутствие японцев в Северном Китае, начинать конфликт ни одна из сторон не хочет. Наибольшие же опасения вызывают японо-советские отношения, определяемые агрессивными намерениями Токио в отношении северного соседа. Однако японская армия еще не завершила программу перевооружения и в ближайшие один-два года воевать против сильного противника не готова. Дорабатывая этот документ, Зорге получил разрешение посла знакомиться в делопроизводстве диппредставительства с предыдущими донесениями подобной тематики. Он сблизился с двумя секретарями, работавшими там, которые позволяли ему не только получать, но и выносить документы из посольства под предлогом изучения в домашних условиях, где никто не мешал.

Помощь Рихарда заметно пошла на пользу подполковнику Отту. В Берлине обратили внимание, что документы, которые готовил этот старательный офицер, стали более содержательными. Особый интерес вызвал его доклад о японской военной разведке и ее антисоветских шпионских акциях. Поощрение не заставило себя ждать. В апреле Отт получил чин полковника и был назначен военным атташе в Японии. Трудно сказать, кто радовался больше — новоиспеченный полковник или его друг-журналист. Теперь Рихард мог читать все телеграммы из Берлина, помогать Отту писать ответы, готовить другие рапорты и донесения. Высокопоставленный друг ввел Зорге в круг своих официальных знакомых, среди которых помимо иностранных военных дипломатов было много информированных японских офицеров.

Неплохо шли дела и у других членов группы. Активно действовал Одзаки. Он регулярно общался не только со многими известными журналистами, но и с внешнеполитическим советником кабинета министров, уполномоченным правительства по вопросам экономики, секретарем канцелярии премьер-министра — все эти люди были его хорошими знакомыми. Он получал и передавал Рамзаю много внутрисполитической информации и сведения о внешнеполитических шагах

руководства Японии. Хорошо работал Мияги, быстро нашедший идейно близких ему людей, обладавших доступом к военной информации. Они знали настроения младшего и среднего офицерского состава, владели данными о закупках боевой техники для армии и флота. Кроме того, Мияги получил возможность добывать военные публикации закрытого характера. Вукелич ежедневно посещал местное информационное агентство «Домей», где получал разнообразную информацию, как опубликованную, так и не опубликованную из-за цензурных ограничений и потому представлявшую наибольший интерес. Бранко регулярно общался с корреспондентами британского информационного агентства «Рейтер», американского агентства «Юнайтед Пресс», а также американских и европейских газет, аккредитованных в Токио. Среди его знакомых-дипломатов были британский военный атташе, другие представители западных стран. Жиголо передавал Рамзаю большое количество внешнеполитической информации.

Главной проблемой, которую никак не удавалось решить Рихарду, являлось отсутствие радиосвязи с Центром. Бернхард уверял, что сделать это невозможно. По указанию резидента новая радиоквартира была оборудована в Токио в доме Вукелича, но связи не было и оттуда. По словам Бернхарда, рация не работала. Когда Рамзай в очередной раз информировал об этом Москву, в Японию была прислана хорошо подготовленная радистка из шанхайской нелегальной резидентуры. Она быстро выяснила, что техника исправна, а радист просто боялся выходить в эфир, опасаясь, что его запеленгуют. Это был тяжелый удар для Рихарда, он не ожидал, что его ближайший соратник окажется трусом и своим бездействием фактически парализует работу разведывательной группы. Он просил Центр срочно заменить радиста.

Бернхард всё же периодически стал передавать короткие радиогаммы в Центр, но основные материалы Зорге направлял в Москву почтовой связью. Каждые два-три месяца курьеры забирали пакеты, в которых находилось от пяти до пятнадцати фотопленок с отснятыми документами, военные брошюры японской армии и аналитические доклады, написанные Зорге. Он лично занимался анализом всей добываемой членами группы информации и готовил итоговые документы. Рихард своими аналитическими способностями заслужил доверие и авторитет среди всех членов резидентуры. Составлять некоторые донесения о ситуации в Японии было не менее трудно, чем решать сложную логическую или математическую задачу, настолько непростой была обстановка, чтобы разобратся в ней и выявить истинные мотивы тех или иных решений. Но

Рихард справлялся с этим быстро и сравнительно легко.

Кроме разведывательной работы Зорге должен был подтверждать свое пребывание в стране журналистской деятельностью. Он продолжал писать и направлять в Германию и Голландию свои статьи, в подготовку которых также вкладывал весь свой талант и детальное знание обстановки. Большинство из них пользовались успехом у читателей, некоторые материалы даже перепечатывались в СССР. Рихард Зорге вошел в число наиболее авторитетных европейских журналистов на Дальнем Востоке. Многие иностранные дипломаты в Токио стремились встретиться с ним, чтобы обсудить интересующие их вопросы по местным политическим реалиям. Рихард не снимал с себя маску нацистского журналиста, которая давала ему много преимуществ, хотя и ограничивала контакты с представителями западных стран.

В то же время Зорге был своим в партийной группе НСДАП, созданной в Токийско-Йокогамском землячестве Германии в Японии. Он стал инструктором по идеологической работе среди членов немецкой колонии, близко сошелся с руководителем партиячейки нацистов Шарффом, которого часто приглашал в пивные бары и другие увеселительные заведения. Общение с ним и другими членами нацистской группы давало мало полезной разведчику информации, но закрепляло его положение в посольстве и германской колонии. Шарфф в октябре 1934 года собственноручно выписал Рихарду Зорге партийный билет члена НСДАП, что еще более повысило его авторитет в нацистских кругах. Благодаря этому Рихард установил контакт с местным националистом Накано Сайго, основавшим японскую фашистскую организацию «Тохокаи», в которую входили реакционно настроенные молодые офицеры. От них Рихарду удавалось получать интересную для него информацию.

В соответствии с планом операции в середине 1935 года Рамзай должен был приехать в Москву, доложить о результатах своей работы и получить новые указания. Он заблаговременно подготовил и отправил в Центр курьерской почтой отчет о проделанной работе, в котором сообщал, что ситуация в стране очень сложная, но он установил контакты со всеми членами своей группы, которые начали добывать необходимую информацию. Сам он успешно развивает личные связи в германском посольстве, в том числе с послом и военным атташе. От них получает не только устные сведения, но и закрытые документы. С местными кругами работа продолжается. Лично Рамзаю привлекать к сотрудничеству кого-либо из японцев сложно и опасно. Работа идет через Джо и Отто, но результатов пока нет. Он также настоятельно просил заменить радиста.

В мае 1935 года произошел провал в шанхайской нелегальной резидентуре, в которой раньше работал Зорге и через которую теперь поддерживал почтовую связь с Москвой. Резидент, арестованный в Шанхае английской полицией, лично знал Зорге. Именно он встречался с ним в Германии в качестве представителя Центра, когда Рихард готовился к командировке в Японию. В Разведуправлении опасались, что провал в Шанхае может затронуть и группу в Токио. Именно поэтому, а не только в связи с необходимостью лично заслушать Зорге по итогам первого этапа его работы в Японии, резидент получил указание прибыть в Москву.

В руководстве военной разведки в это время произошли серьезные изменения. После крупных провалов в Финляндии и во Франции, приведших к арестам нелегальных резидентов и значительной части их агентурной сети, деятельность IV управления была рассмотрена на заседании политбюро ЦК ВКП(б) и получила негативную оценку. Подобные провалы подрывали внешнеполитический авторитет СССР и вызывали рост антисоветских публикаций в мировой прессе. По предложению Сталина было признано целесообразным принять определенные меры, чтобы впредь не допускать подобного. Для совершенствования управления всеми операциями за рубежом было решено вывести Разведуправление из Штаба РККА и подчинить его непосредственно наркому обороны. Одновременно усиливалось руководство военной разведки за счет направления туда опытных кадров из Иностранного отдела ОГПУ, занимавшегося политической разведкой. Первым заместителем Берзина стал Артур Христианович Артузов, который привел с собой группу сотрудников ИНО. Он расставлял их на ключевые посты, стремясь контролировать всю работу управления. Руководить Вторым агентурным отделом, отвечавшим за работу в странах Востока, стал чекист Федор Яковлевич Карин. Он также стал менять его состав, объясняя это необходимостью повысить результативность работы. Новым начальником японского отделения назначили офицера Покладка, сотрудника Разведупра, который лично ранее не занимался агентурной деятельностью. Таким образом, руководство резидентурой в Токио стали осуществлять люди, которых Зорге совершенно не знал и которые также ничего не знали о его предыдущей работе в Китае и Японии.

На этом перемены не закончились. В феврале 1935 года произошел новый провал — в Дании, где был задержан нелегальный резидент военной разведки и арестована группа ценных агентов. Хотя его причиной явились грубые ошибки сотрудников резидентуры, нарушавших указания Центра, Берзин решил взять ответственность на себя и в апреле написал на имя

наркома обороны рапорт с просьбой об отставке. Ворошилов ее принял и своим приказом освободил Берзина от должности начальника Разведывательного управления. В подписанном наркомом приказе выражалась уверенность, «что и в будущей своей работе т. Берзин вполне оправдывает свой заслуженный авторитет одного из лучших людей Рабоче-Крестьянской Красной армии». Яна Карловича назначили вторым заместителем по политической части командующего войсками ОКДВА, отвечающим за работу военной разведки в этой армии. Он убыл на Дальний Восток к новому месту службы.

Военную разведку возглавил комкор Семен Петрович Урицкий. Это был опытный офицер, воевавший на фронтах Гражданской войны. За его плечами был опыт службы на различных политических и командных должностях. С начала 1934 года он работал заместителем начальника Бронетанкового управления РККА. Два года работал за рубежом, сначала возглавлял нелегальную резидентуру во Франции, а затем действовал в Германии по заданию военной разведки, что и определило выбор его кандидатуры. Урицкий получил указание Сталина вместе с пришедшими из ОГПУ чекистами «навести порядок» в военной разведке, устранить причины провалов и повысить эффективность разведывательной деятельности.

Добираться до Москвы Рихарду пришлось по сложному маршруту, чтобы скрыть свое посещение СССР. Морским путем он прибыл из Японии в США, где в Нью-Йорке курьер военной разведки передал ему австрийский паспорт на другую фамилию с советской въездной визой. Затем отплыл во Францию, а оттуда на поезде через Австрию, Чехословакию и Польшу попал в Советский Союз.

На вокзале его встречал незнакомый офицер. На следующий день он пришел в хорошо известное ему здание, но ему показалось, что он попал совсем в другую организацию.

Зорге ехал в Москву, ожидая услышать положительную оценку своей работы в Японии. Однако у него состоялся долгий и тяжелый разговор с Покладком, который отнесся к нему, как видел опытный разведчик, недружелюбно и старался выяснить какие-то компрометирующие сведения, касавшиеся его работы в Китае. Сложной оказалась и встреча с Кариным, который не столько выяснял особенности работы резидентуры в Токио, сколько вел прямой политический допрос. Зорге старался понять, чем это вызвано, и большие надежды возлагал на личную встречу с начальником Разведывательного управления.

Встреча с Урицким состоялась через несколько дней. Зорге уже

информировали, что новый начальник управления, сменивший Берзина, отличается высокой требовательностью, непримиримостью к малейшим недостаткам и промахам в разведработе. Рихард немного опасался этой встречи, но ему было что доложить, он даже привез с собой несколько фотопленок с отснятыми в Токио секретными документами.

Беседа проходила в знакомом Рамзаю кабинете. Семен Петрович, не перебивая, выслушал доклад резидента, затем задал несколько уточняющих вопросов о том, как он смог получить возможность знакомиться с материалами германского посольства. Начальник управления, как и надеялся Зорге, положительно оценил работу его группы. Имея опыт нелегальной деятельности, Урицкий сразу понял, насколько важно то, чего добился Зорге. Семен Петрович поблагодарил Рихарда за отличную работу, отметил ценность направляемой им в Центр информации. На просьбу заменить радиста Бернхарда сказал, что скоро ему на замену прибудет известный Рихарду человек — Макс Клаузен. В заключение Семен Петрович пожелал Рихарду хорошо отдохнуть, но предупредил, что его отпуск будет непродолжительным, не более двух недель, так как в Японии назревают серьезные события и резидент должен в ближайшее время вернуться в страну. Перед его отъездом они еще раз встретятся, и он лично поставит Рамзаю новые задачи на следующий этап операции.

Рихард выходил из Разведывательного управления в хорошем настроении. Урицкий, конечно, отличался от Берзина, но это был настоящий профессионал своего дела. Подвижный, темпераментный комкор сразу выделил главное в докладе Зорге, согласился с его смелыми оперативными предложениями. Начав беседу несколько настороженно, Семен Петрович закончил ее в благожелательном тоне. Самое же главное заключалось в положительной оценке работы его группы.

Зорге наслаждался каждым днем пребывания в Москве. Наконец-то он оказался рядом с любимой женой, которая ждала его долгих два года. Кате на заводе тоже предоставили отпуск, и они все дни проводили вместе. Любящий муж делал супруге подарки, много рассказывал ей о далекой восточной стране, в которой выполнял трудную миссию. Екатерина уже знала, что ее муж Ика, как она называла его, работает в военной разведке, и беспокоилась за его судьбу. Рихард успокаивал ее и, смеясь, говорил, что он везучий и с ним никогда ничего плохого не произойдет. Супруги очень хотели ребенка и стали обсуждать, как назовут малыша. Зорге надеялся, что после возвращения из командировки станет хорошим семьянином, будет воспитывать детей и учить их иностранным языкам. Две недели семейного счастья пролетели стремительно.

Завершающая встреча с Урицким прошла в доброжелательной и деловой атмосфере. Речь снова зашла о крайней важности информации о военных мероприятиях японцев и их подготовке к возможной войне против СССР. Советское военное командование опасается агрессии на востоке, в последнее время на границе с Маньчжурией участились японские военные провокации. Кроме этого, Центр заинтересован в сведениях о внутрисполитическом положении в стране, деятельности военно-фашистских организаций и милитаристских кругов. Для этого необходимо расширить сеть надежных информаторов. Начальник управления разрешил Рамзаю продолжить закрепление в германском посольстве, уделяя особое внимание работе с военным атташе полковником Оттом. Он также сообщил, что в ближайшее время в Токио прибудет новый радист. Клаузен прошел подготовку в Москве и в качестве шифровальщика, поэтому возьмет на себя эту работу в резидентуре. Его жена может использоваться в качестве курьера.

После обсуждения ряда оперативных вопросов Урицкий затронул тему недавнего провала шанхайской резидентуры и обсудил с Зорге, как это может повлиять на его работу в Токио. Рихард выразил уверенность в своей безопасности, так как не сомневался, что арестованный советский разведчик не выдаст его ни при каких обстоятельствах.

В конце встречи Зорге попросил организовать его встречу с кем-либо из сотрудников Разведывательного управления, хорошо знающим обстановку в современной Германии, чтобы лучше разобраться в происходящих там событиях. Нацистский режим укреплялся, более явной стала его агрессивность во внешней политике. Рихард предвидел, что ему придется вести разведку Третьего рейха из далекой Японии, и хотел лучше подготовиться. Зорге очень интересовал еще один вопрос: когда закончится срок его командировки. Семен Петрович заверил Рамзая, что это произойдет, как и планировалось, через два года. Урицкий настолько стал доверять и ценить Зорге, что приказал дать ему возможность пообщаться с одним из надежных действующих агентов военной разведки — Герхардом Кегелем, который работал в посольстве фашистской Германии в Варшаве.

Обратный путь в Токио лежал через Польшу и Германию, поэтому организовать эту встречу сотрудникам Разведуправления оказалось относительно просто. Через несколько дней в польской столице известный немецкий журналист встретился с германским дипломатом. Зорге подробно рассказал ему о проблемах Дальнего Востока, ситуации в Китае, обстановке в Японии, где верх в руководстве брали политики, склонные к внешнеполитическим авантюрам.

Его собеседник говорил о драматических для него, немецкого антифашиста, событиях, которые произошли в Германии за последние два года. Нацистское руководство сразу принялось строить то государство, которое считало правильным для реализации своего курса. При этом многие исторические и гуманитарные традиции страны были отброшены как не отвечающие требованиям нового времени. Гитлер упразднил институт президентства и придумал себе собственный титул — фюрер германского рейха и народа. Нацистское правительство получило право без санкции парламента вводить новые конституционные законы. Подавлялось инакомыслие, любая оппозиция не имела права на существование, особым гонениям подвергали все левые силы. Созданное нацистами гестапо в массовом порядке арестовывало подозрительных лиц без санкций суда и следствия.

К сожалению, как отметил Кегель, политический курс Гитлера, направленный на выход из кризиса и отмену условий Версальского договора, вызывал поддержку среди широких слоев населения, в том числе тех, кто раньше на выборах голосовал за социалистов и коммунистов. Активно действовала нацистская пропаганда, которая стремилась внедрить идеологию НСДАП в сознание масс, чтобы психологически подготовить население к предстоящему созданию массовой армии и завоевательным походам с целью расширения «жизненного пространства» для немцев. Пользуясь попустительством США, Великобритании и Франции, Берлин начал ревизию Версальского мирного договора. После выхода из Лиги Наций Германии был возвращен Саар, ранее находившийся под ее протекторатом. В марте 1935 года Гитлер объявил об окончательном разрыве Версальского договора, восстановлении всеобщей воинской повинности и создании регулярной армии — вермахта. Фашистская Германия явно готовилась к войне в Европе, а Великобритания и Франция проводили политику соглашательства и уступок, чем только поощряли нацистское руководство к агрессивным действиям.

Рихард поблагодарил собеседника и, идя в гостиницу, где он остановился, думал о том, что между фашистской Германией и милитаристской Японией много общего. Эти две страны явно стремились к войне, им не хватало «пространства» и ресурсов для реализации своей политики. Нацизм и идеология японского шовинизма также имели схожие черты. Объединяли их крайний антикоммунизм и негативное отношение к СССР, который рассматривался в качестве потенциального военного противника. Если два таких государства начнут координировать свои действия, заключать военные или другие соглашения, это явно усилит

военную угрозу Советскому Союзу. Получению информации по этим вопросам необходимо уделять особое внимание.

В Берлин в 1935 году прибыл уже совсем другой Зорге. В немецкой столице появился опытный журналист, получивший широкую известность за свои статьи и репортажи из Японии. У него был партийный билет члена НСДАП, и он не нуждался в дополнительных рекомендациях. Рихард посетил редакции газет, чьим корреспондентом являлся. Главные редакторы выразили полное удовлетворение его деятельностью в Японии и наперебой предлагали печатать его статьи. Он совершил официальные визиты в нацистские ведомства и некоторые государственные структуры. На одном из мероприятий в Доме печати Зорге познакомился со специальным посланником германского министерства иностранных дел Шмиденом. Узнав, что перед ним журналист, работающий в Японии, высокопоставленный чиновник долго не отходил от Рихарда. Оказалось, что он собирался в Токио для переговоров в японском МИДе, и весьма осведомленный в делах этой восточной страны журналист оказался весьма кстати.

Отвечая на его многочисленные вопросы, Зорге выяснил, что японский военный атташе в Берлине ведет переговоры с Риббентропом по перспективам развития двусторонних отношений. Контакты носили конфиденциальный характер, и о них мало кто знал. Рихард постарался произвести впечатление на Шмидена, чтобы продолжить с ним встречи в японской столице, и ему это удалось. Они договорились встретиться в Токио в резиденции посла Дирксена. Посланник Риббентропа просил никому не рассказывать о его специальной миссии и теме предстоящих переговоров, что Рихард, конечно, ему сразу же пообещал...

С такой информацией нужно было спешить в Японию, чтобы разобраться в деталях расширяющегося взаимодействия двух агрессивных государств и своевременно информировать об этом Москву. Обратный путь вновь лежал через Америку, откуда Рамзай вернулся в Токио. После посещения родины авторитет и популярность Зорге в японской столице еще более выросли. Рамзаю предстояло еще многое сделать, чтобы успехи его нелегальной резидентуры не менее высоко оценили в Разведывательном управлении Красной армии.

«ВАША ИНФОРМАЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ЦЕННАЯ...»

Вернувшись в Токио, Зорге проанализировал состояние дел в своей группе. Люди, входившие в состав резидентуры, закрепились в Японии и обзавелись связями, позволяющими получать важные сведения. Сам он через немецкое посольство был осведомлен о всех аспектах германо-японских отношений и начавшемся сближении Токио и Берлина. Принимаемые Рихардом и членами его группы меры конспирации обеспечивали безопасность их разведывательной деятельности.

Зорге поочередно встретился с Одзаки и Мияги, чтобы обменяться мнениями об обстановке в Японии. Переговорив с ними, Рихард понял, что Япония стоит на пороге политического кризиса. В стране набирало силу «молодое офицерство», среди которого было много сторонников военно-фашистского движения. Они рвались к власти, недовольные якобы «слабым» внешнеполитическим курсом нынешнего правительства. Это движение стремилось установить контроль над промышленным производством, финансами, экономической и политической жизнью страны. Самым опасным было то, что оно призывало к немедленной войне с «оплотом коммунизма» — СССР. Их приход к власти означал бы подготовку к крупномасштабному военному конфликту с Советским Союзом. Рамзай знал, что фашистская Германия благожелательно относилась к «молодому офицерству» и поддерживала его стремление прийти во власть.

Легальным путем, как считал Зорге, опираясь на информацию своих помощников, добиться своей цели эта группировка не сможет. Победить на предстоящих 20 февраля 1936 года парламентских выборах молодому офицерству никто не даст, да и возможностей для этого у них нет. В министерстве обороны и среди высшего генералитета Японии были влиятельные силы, также стремящиеся занять руководящие позиции в государстве и определять его политику. Однако самые реакционно и шовинистически настроенные представители «молодого офицерства» не намерены были отступать. Как же будут развиваться дальнейшие события? Обсудив еще раз эту ситуацию с Одзаки и Мияги, Зорге пришел к выводу, что небольшая группа военнослужащих, разделяющая убеждения молодых военных радикалов, попытается организовать военный путч и захватить

власть в Токио. Рихард написал об этом информационное донесение в Центр, а также решил подготовить большую статью в немецкий журнал «Цайтшрифт фюр геополитик» со своей оценкой ситуации в Японии.

Обобщив все имевшиеся у него открытые материалы, Зорге написал и отправил в редакцию журнала статью под названием «Японские вооруженные силы». В ней он описал трудное положение, в котором находилась Япония, вызванное в том числе отсутствием дееспособного руководства. «Ее правительство, — продолжал автор, — уже в течение нескольких лет представляет собой смесь военных, бюрократических, крупных хозяйственных и партийных влияний, они лишены внутренней силы и решимости. Коррупция и внутренняя борьба группировок привели некогда сильные партии к полной политической деградации, большая часть населения их презирает. Государственная бюрократия, с каждым днем играющая все большую роль в руководстве страны, колеблется между политическими партиями и военной прослойкой и не располагает многообещающей сменой...»

Каждый, кто внимательно следит за развитием Японии, подчеркивал автор, знает, что «это состояние противоречий и внутренней нерешительности не может продолжаться долго. Во внутренней политике что-то неизбежно должно произойти. И японская армия, являющаяся — по крайней мере сегодня — единственной значительной силой, которая ищет новые пути, будет играть в этих возможных грядущих внутривнутриполитических изменениях решающую роль». Пройдет всего немного времени, и этот уникальный прогноз советского разведчика полностью подтвердится.

Зорге через своих помощников продолжал собирать информацию о деятельности «молодого офицерства». После парламентских выборов, на которых партия сейюкай, связанная с этой группировкой, потерпела поражение, Рихард понял, что путч начнется в самое ближайшее время. Он поставил в известность об этом посла Дирксена, военного атташе Отта и военно-морского атташе Венеккера, надеясь получить от них какие-либо дополнительные сведения о путчистах. Однако они ничего не знали и не поверили, что в Японии может произойти вооруженное выступление против действующей власти. Когда рано утром 26 февраля на улицах Токио загремели выстрелы, в том числе в непосредственной близости от немецкого диппредставительства, это явилось полной неожиданностью для руководства посольства.

События вначале развивались стремительно. Путчисты вывели на улицы Токио полторы тысячи солдат, зверски убили бывшего премьер-министра, действующего министра финансов, других видных противников

«молодого офицерства». Но остальная армия их не поддержала, поэтому путчистам пришлось сложить оружие. Заговорщиков арестовали и после недолгого разбирательства казнили. Произошла смена правительства, новым главой кабинета стал Херота, а военным министром — генерал Тераути. Все эти события произошли так быстро, что, как видел Рихард, в их сути, причинах и возможных последствиях практически никто в стране и за рубежом не разобрался.

В этих условиях аналитические способности и профессиональные навыки Зорге проявились в полной мере. Он отправил в Центр несколько подробных телеграмм о неудавшейся попытке военного путча в Японии, которые были доведены до сведения военно-политического руководства СССР. Затем долго работал с Дирксеном, Оттом и Венеккером, разъясняя им закулисную сторону событий, произошедших в Японии. Ему также пришлось помогать им в подготовке донесений в Берлин, в которых они не только описывали вооруженное выступление группировки «молодого офицерства», но и пытались объяснить, почему не узнали об этом заблаговременно.

Наконец, как корреспондент Рихард Зорге направил в свою газету «Берлинер бёрзен цайтунг» статью с подробнейшим анализом последних японских событий. Она была написана так ярко и смело, что сразу привлекла внимание мировой общественности и была перепечатана крупнейшими газетами многих стран. Рихард продолжал посылать свои корреспонденции не только в берлинскую газету, но и во «Франкфуртер цайтунг» и журнал «Цайтшрифт фюр геополитик». Многие из этих статей раскрывали не только подробности неудавшегося путча, но и содержали прогнозы дальнейшего развития обстановки в Японии. Зорге в своих статьях подчеркивал, что, хотя путч и подавлен, новое правительство Хероты является преимущественно военным, а управление государством фактически сосредоточено в руках военного министра, чьи планы по сути не отличаются от намерений «молодого офицерства». Из военного заговора фактически вышли победителями военные, а страна более чем когда-либо раньше управляется генералами.

Эти публикации были безоговорочно признаны в мире как вершина журналистской и аналитической работы. Статьи немецкого корреспондента в Японии Рихарда Зорге читали не только люди, интересовавшиеся дальневосточными проблемами, но и признанные специалисты-международники в различных странах мира. Некоторые из этих статей были даже перепечатаны в СССР. Газета «Известия» разместила их в разделе «Обзор иностранной печати» в двух своих номерах. На них обратил

внимание и прокомментировал политический обозреватель «Известий» Карл Радек, входивший в 1920-е годы в руководство Коминтерна.

Однако главный аналитический доклад о путче и его влиянии на дальнейшие события в Японии был подготовлен Рамзаем для Разведывательного управления и направлен в Москву со связником. В докладе, в частности, говорилось: «...Японская военная готовность в результате событий 26 февраля 1936 года отодвинута на многие месяцы, даже, возможно, и годы. Если война не будет вызвана как крайний выход из неожиданно сильных внутренних противоречий и будет подготавливаться планомерно, то в этом году войны не будет. Даже при указанных выше условиях ее вероятность без одновременного выступления Германии становится все меньше. Япония одна все более и более не в состоянии вести войну. Но тот факт, что Германия в 1937 году закончит важнейшую часть своего перевооружения, означает необычайное обострение опасности к началу или середине 1937 года». В этом анализе Зорге использовал сведения о развитии потенциала Третьего рейха, полученные от военного атташе полковника Отта и других сотрудников германского посольства в Токио.

После своих последних статей в германских газетах Рихард безоговорочно занял ведущие позиции среди всех аккредитованных в Японии немецких корреспондентов. Даже представитель нацистского официоза «Фёлькишер беобахтер» князь фон Урах, раньше державшийся высокомерно по отношению к другим коллегам, «признал» Зорге. У Рихарда появился еще один важный источник информации, так как у князя было много влиятельных знакомых в Берлине и он знал многое о нацистской верхушке. Фон Урах стал принимать приглашения Рихарда, и они часто вместе проводили время в баре, обсуждая за кружкой пива различные вопросы, связанные с последними событиями в Третьем рейхе.

Но все же главным для Рамзая в тот период являлась разведывательная работа непосредственно в германском посольстве. События 26 февраля еще больше укрепили его отношения с послом Дирксеном и особенно с военным атташе Оттом. Глава диппредставительства относился к Рихарду с полным доверием, позволял ему просматривать практически все документы, поступавшие в посольство из МИДа и других берлинских правительственных органов, а также материалы консульств, представительств и миссий Германии, расположенных в соседних азиатских странах, которые отправлялись в Берлин через Токио. Фон Дирксен советовался с Зорге при подготовке наиболее важных отчетов, разрешал ему работать с некоторыми документами дома.

Еще более тесные отношения были установлены с военным атташе Оттом, который позволял Зорге практически всё. Во время одной из встреч в его кабинете военный атташе принес шифровальную книгу и попросил Рихарда помочь ему в кодировании очередного донесения в Берлин.

Затем это стало повторяться регулярно. Так советский разведчик получил доступ к совершенно секретным шифрам военного ведомства Германии. В служебном помещении Отта Рихард имел возможность знакомиться со многими другими важными секретными документами, содержащими большое количество важной для Москвы информации. Запомнить содержание даже наиболее важных материалов Зорге был не в состоянии из-за их больших объемов, хотя у него была отличная память. «Что же делать?» — неоднократно думал он и принял смелое решение: фотографировать документы непосредственно в кабинете военного атташе.

Зорге продумал все детали этой крайне рискованной операции. Малоформатный фотоаппарат «Лейка» можно незаметно приносить в посольство вместе с запасом пленки. Очень часто Отт оставлял Рихарда одного читать документы, а сам уходил из кабинета. Наибольшее время его отсутствия составляло от двадцати до сорока минут, когда он находился на докладе у посла. Именно тогда можно было осуществлять фотографирование.

В один из дней Рамзай хладнокровно приступил к оперативной съемке. Делать это было нелегко: следовало правильно держать камеру, соблюдая необходимое расстояние до документа, чтобы снимок получился четким, и одновременно контролировать дверь, слушая каждый шорох, чтобы не пропустить приближение военного атташе или других сотрудников посольства. При большом объеме материала надо было быстро менять кассеты в фотоаппарате. Каждая такая операция требовала предельного напряжения и забирала много сил и нервов, но Рамзай делал свою работу, не думая о том, что в действительности он совершает подвиг. В результате с каждой почтой в Центр уходили сотни кадров важных немецких документов, отснятых разведчиком в посольстве Германии.

У Отта не возникало ни малейших подозрений в отношении своего друга-журналиста. Он даже предложил ввести его в штат посольства в качестве «вольноработного сотрудника», чтобы он мог дольше находиться в дипломатическом представительстве. Однако Рихард, опасаясь дополнительных проверок в Берлине, отказался, сославшись на занятость журналистской работой. Его и так устраивал его статус, позволявший делать все, что было необходимо для решения разведывательных задач. Помимо встреч с военным атташе Рихард контактировал с другими

сотрудниками немецкого диппредставительства и получал от них много устной информации по интересующим его вопросам.

Успешно работали и другие члены разведывательной группы. Укрепились позиции Одзаки в Обществе по исследованию проблем Восточной Азии, куда его приняли как высококлассного специалиста по Китаю. Он опубликовал несколько статей в солидном политическом журнале «Тюо корон», которые содержали глубокий анализ внутривосточного положения этой страны. Они вызвали интерес в правительственных кругах Японии, уделявших особое внимание Китаю. Одзаки удалось установить тесные отношения с журналом «Контемпорери» Института тихоокеанских отношений, там тоже был нужен эксперт по Китаю.

Так оказалось, что в Японии самым знающим и осведомленным человеком в вопросах не только проблем Китая, но и всего дальневосточного региона стал Одзаки. Поэтому в 1936 году его в качестве представителя Страны восходящего солнца направили на Йосемитскую конференцию Института тихоокеанских отношений, которая проходила в США. Его доклад произвел большое впечатление на участников, и многие стремились познакомиться с талантливым японским востоковедом. На конференции соратник Зорге познакомился с молодым графом Сайондзи, который, как оказалось, имел доступ к императору и его окружению, а также обладал тесными связями с крупнейшими японскими концернами. Графа явно заинтересовал известный в стране знаток Китая, они сблизились и все время на обратном пути из Америки в Японию провели в долгих беседах. Молодой Сайондзи оказался весьма осведомленным человеком. Он рассказал Одзаки о настроениях в правящих кругах страны, в которых Советский Союз рассматривался в качестве главного врага Японии, который, скорее всего, станет объектом нападения, когда для этого появятся необходимые условия. Граф был заинтересован в продолжении встреч с членом разведывательной группы Зорге и в последующем стал одним из ее важнейших источников информации.

Одзаки вернулся в Токио с еще большим авторитетом, там уже знали о его успешном выступлении на конференции. Научные учреждения, занимавшиеся проблемами Дальнего Востока, наперебой приглашали его к себе как эксперта и соавтора для ведущихся в них исследований. Одзаки стал еще чаще писать статьи в различные издания, что привело к расширению круга его знакомых. В ходе одного из мероприятий, на котором присутствовали известные политики, он встретил двух своих знакомых по учебе в колледже. Усиба и Киси, так звали его однокашников,

обрадовались встрече и предложили восстановить прежнюю дружбу. Оба были личными секретарями принца Коноэ, и им был нужен человек, хорошо знающий международные дела. Это устраивало и Зорге, он знал, что Фумимар Коноэ возглавлял верхнюю палату парламента, был членом Тайного совета и являлся одним из ближайших советников императора. Он обладал большим влиянием, его кандидатура неоднократно рассматривалась в качестве кандидата на пост главы правительства. Рихард, когда ему обо всем этом рассказал его соратник, понял, что целенаправленная работа Одзаки привела к большому успеху, теперь необходимо закрепить отношения с секретарями Коноэ, чтобы попытаться выйти непосредственно на высокопоставленного японского политика.

Старые приятели стали регулярно встречаться и обсуждать обстановку в мире, роль Японии и Китая в региональных делах. Одзаки сразу проявил себя как непререкаемый авторитет: он мог ответить на любые вопросы и объяснить, к чему приведут те или иные действия японских политиков. Узнав об этих дискуссиях, к тройке присоединился еще один человек — Кадзами, личный друг принца, возглавлявший в его секретариате отдел по изучению китайской проблемы. И тут Одзаки был в своей стихии и в ходе обсуждения подробно охарактеризовал Китай с политической, экономической, социальной и других сторон, показав свои глубокие знания этого государства. Кадзами, Усиба и Киси рассказали об этом уникальном специалисте Коноэ и настолько заинтриговали его, что он захотел лично встретиться с Одзаки.

Одзаки по рекомендации Зорге тщательно подготовился к важной для него встрече и постарался побольше узнать о Коноэ. Принц относился к одному из древнейших аристократических родов Японии, который был связан с императорским родом. О нем говорили как о политике, стремящемся объединить правящую элиту и преодолеть существующие противоречия между аристократами, военными и промышленниками. Он не был сильной личностью и постоянно нуждался в одобрении своих идей и проектов. Поэтому его окружали многочисленные секретари и советники.

Встреча с Одзаки носила неофициальный характер и происходила на квартире Усибы. Представленный принцу специалист по Китаю произвел на него большое впечатление. Ему требовались знатоки Дальнего Востока и особенно по Китаю. По вопросам, которые задавал ему Коноэ, Одзаки понял, что у принца есть какие-то серьезные планы в отношении Китая, поэтому ему обязательно надо попасть в число его советников. Так и произошло: принц создавал информационно-дискуссионное общество из специалистов по Китаю и включил в него понравившегося ему соратника

Рамзая. Это был большой успех нелегальной резидентуры советской военной разведки.

Зорге знал, что в правительственные круги путь иностранцу закрыт. Чтобы проникнуть в святая святых японской политики, нужен такой человек, как Одзаки, и ему, как понял Рихард, удалось это сделать. Близкое общение с осведомленными людьми из окружения Коноэ давало возможность получать важную информацию о том, в каком направлении будет действовать Токио, реализуя свой внешнеполитический курс в азиатском регионе. Рихард еще раз обсудил с Одзаки этот вопрос. По его сведениям, японское руководство пока еще не определилось в своих планах. Специально созданный комитет в составе премьер-министра, министров иностранных дел, армии, флота и финансов проводил многочисленные совещания, чтобы выработать соответствующую складывающейся ситуации политическую линию, но к единому мнению еще не пришел.

Продолжались разногласия при составлении стратегических планов на возможную войну. Представители армии считали главным противником СССР, а командование флота по-прежнему намеревалось воевать с США. При этом оба командования считали, что необходимым условием начала военных действий является завоевание Японией господства в Китае и максимальное использование его ресурсов. Министр иностранных дел также считал южное направление основным, но предлагал не форсировать подготовку к войне, для которой еще не было необходимых политических условий.

Рихард попросил Одзаки через его связи собирать информацию о действительных намерениях и планах японского руководства, всех принимаемых решениях военно-стратегического характера.

У Мияги не было таких больших возможностей, но и он вносил свой вклад в работу резидентуры. Он создал из своих знакомых небольшую группу помощников, которые собирали для него информацию о японской армии. Помимо этого сам Мияги регулярно ходил в бары, ночные клубы, другие злачные места, которые посещали японские военные, заводил с ними разговоры, угощал за свой счет, провожал домой подвыпивших вояк. Таким образом ему удавалось собирать много разрозненных сведений и из них составлять общую картину, позволявшую раскрыть тот или иной военный вопрос. Кроме того, Мияги внимательно просматривал всю японскую прессу, выбирая материалы, касающиеся японской армии. Газеты и особенно журналы нередко публиковали статьи, содержащие достаточно подробные данные об отдельных частях, местах их дислокации и штатного

вооружения, а также производстве на оборонных предприятиях новой боевой техники. Обобщенные материалы Мияги передавал Зорге, который на их основе готовил донесения в Центр. Так, в Москву курьерской почтой были отправлены подробные справки о развитии бронетанковой техники японской армии, модернизации артиллерии, разработке новых легких бомбардировщиков морской авиации, о переброске японских войск в Китай. Рамзай был доволен работой своего сотрудника. Узнав, что Мияги заболел чахоткой, он на месяц отправил его на курорт для лечения, выделив для этого необходимые средства. Мияги на курорте долго не задержался и вскоре вернулся в Токио — продолжать свою нужную резидентуре разведывательную работу.

Бранко Вукелич собирал политическую и дипломатическую информацию, посещая западные посольства и общаясь с корреспондентами ведущих мировых информационных агентств. Эти сведения дополняли информацию, которую добывал сам Рихард, что позволяло ему быть в курсе британской и американской политики в отношении Японии. Вукелич выполнял и другую важную обязанность в резидентуре: фотографировал принесенные ему документы и готовил пленки с микрофильмами, которые тайно вывозили из Японии для передачи курьерам Центра. Претензий к Бранко Зорге не имел, вербовочные задачи из-за его недостаточной способности он ему не поручал.

Рихард вздохнул с облегчением, когда отправил не оправдавшего его доверия Бернхарда обратно в СССР. В ноябре 1935 года ему на замену прибыл хорошо известный резиденту Макс Клаузен. Он быстро стал входить в работу резидентуры. Зорге познакомил его с Вукеличем, и они подружились. Легализация нового радиста прошла без особых проблем. Он действовал под легендой представителя немецких деловых кругов и стал налаживать свой бизнес в Японии. Вскоре в Токио появилась компания «М. Клаузен Шокай», которая производила и продавала печатные станки для светокопировальных работ и печатные формы гальванопластики. Ее владелец аккуратно посещал немецкий клуб, заплатив вступительный взнос, где читал газеты, привозившиеся из Германии, и пил традиционное пиво.

Главным же для Рамзая было то, что Клаузен сразу занялся налаживанием радиосвязи с Центром. Он проверил две радиостанции, с которыми работал Бернхард, и установил, что одну можно использовать, а вторую, стоваттной мощности и громадных размеров, следовало немедленно уничтожить. Уже через несколько дней, разобрав громоздкую аппаратуру и сложив ее в два больших рюкзака, Клаузен с Вукеличем

выехали за город, чтобы утопить рюкзаки в глубоком озере. Когда они уже почти добрались до намеченного места, их остановил полицейский, у которого вызвали подозрения иностранцы с объемным грузом. Он решил их задержать и проверить содержимое рюкзаков. От провала разведчиков спас хорошо освоившийся в Японии и знавший местные порядки Вукелич. Он не потерял хладнокровия и, сделав вид, что открывает рюкзак, стал приглашать полицейского присоединиться к выпивке. Японский сотрудник полиции категорически отказался от этого и с выражением безразличия на лице быстро ушел. Макс и Бранко поспешили бросить в озеро рюкзаки и немедленно уехали с этого места, пока туда не прибыл другой полицейский патруль.

Клаузен был настоящим профессионалом своего дела. Он решил смонтировать несколько малогабаритных радиостанций, чтобы можно было работать с ними из разных мест. Изучив характер построек Токио, радист предложил вести радиосеансы из квартир Вукелича, Зорге и своего дома, который он уже успел снять. Собранные Максом передатчик и приемник легко размещались в обычном портфеле. Детали для них с предосторожностями были приобретены в радиомагазинах Токио и Йокогамы. В феврале 1936 года состоялся первый сеанс связи, который провел Клаузен на собранной им аппаратуре. Технических или иных проблем теперь уже не возникало. У резидентуры появился постоянный канал радиосвязи, позволявший оперативно передавать в Центр срочную информацию.

Под руководством Зорге работал слаженный коллектив единомышленников. В него входили разные люди, но их объединяло общее желание как можно лучше сделать свою работу, помочь СССР в обеспечении военной безопасности, своевременно предупредить о готовящейся агрессии. Рихард никогда прямо не приказывал, а старался убедить работавших с ним людей в необходимости того или иного задания. Все члены группы высоко ценили его убежденность, бесстрашие, высочайший профессионализм.

Только в одном вопросе Рамзай был непреклонен — строгом соблюдении всеми мер безопасности и конспирации. Все участники группы ничем не должны были вызывать подозрений в своей повседневной жизни, на работе, в быту. Встречи членов организации проходили только под соответствующей легендой: Зорге — Вукелич как коллеги-журналисты; Зорге — Клаузен как члены немецкой колонии; Вукелич — Клаузен как личные друзья; Одзаки — Мияги как ценители искусства: Мияги учил рисованию дочь Одзаки. Встречи Зорге с японцами Одзаки и Мияги

проходили, как правило, в разных ресторанах и кафе не чаще одного раза в месяц. Члены группы не должны были иметь никаких связей с японскими коммунистами. Встречи с курьерами организовывались с высоким уровнем конспирации и проходили в Шанхае или непосредственно в Токио. Работа радиопередатчика резидентуры велась из разных мест попеременно. Рихард требовал, чтобы Клаузен немедленно уничтожал тексты всех переданных телеграмм. В разговорах между собой запрещалось упоминать имена других членов группы. Новые информаторы, привлеченные к работе, ничего не должны были знать о руководителе и других членах резидентуры. Зорге настаивал, чтобы эти правила неукоснительно соблюдались, и контролировал их выполнение. Он крайне негативно воспринял инцидент с недавней попыткой задержания полицейским Вукелича и Клаузена, попросив впредь более тщательно готовиться к подобным мероприятиям. Правда, один раз он сам оказался в похожей ситуации.

Однажды Рихард по приглашению полковника Отта посетил его виллу, расположенную на берегу моря в 30 километрах от Токио. Когда он своим фотоаппаратом сделал несколько снимков виллы, чтобы порадовать своего друга, в кадр попала часть морской акватории с японскими боевыми кораблями. Агенты военной жандармерии, находившиеся неподалеку, заметили это и немедленно задержали Зорге. Он провел в отделении полиции почти четыре часа, пока Отт не вызволил его, представив своим помощником, обладающим, как и сам военный атташе, дипломатической неприкосновенностью. Пленку пришлось засветить, после чего Зорге был отпущен.

Помня указания, полученные перед отъездом из Москвы, Зорге внимательно следил за обстановкой на советско-маньчжурской границе. Ситуация там носила сложный характер. Японцы систематически организовывали военные провокации и вторгались на советскую территорию. С начала 1936 года количество таких нападений увеличилось, японо-маньчжурские отряды нападали на пограничные наряды, обстреливали заставы и приграничные села. В провокациях нередко участвовало до нескольких пехотных рот под прикрытием массированного пулеметного огня. Для отражения таких атак привлекались силы и средства пограничных отрядов и регулярные части Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Между ними и японцами происходили серьезные бои. Как удалось узнать Одзаки, на командование Квантунской армии произвели большое впечатление ответные операции советских войск на границе, особенно быстрота и четкость действий красноармейцев.

Японские подразделения подобным умением пока не обладали. Зорге направил эту информацию в Центр.

Не менее сложной была обстановка на монголо-маньчжурской границе, где японцы также осуществляли вооруженные провокации. Переговоры о ее демаркации между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-го были прерваны. Рамзай решил разобраться в ситуации на месте и добился разрешения совершить поездку в Маньчжурию в качестве корреспондента. Туда не допускали иностранных журналистов, но для Зорге, известного военному руководству Японии статьями, «правильно» раскрывавшими политику Токио в Азии, было сделано исключение.

В ходе встреч с начальником штаба Квантунской армии, другими старшими офицерами Рихарду удалось получить важную информацию. Оказалось, что Япония намерена расширить границы Маньчжоу-го за счет Внешней Монголии, как японцы называли МНР. Планировалось объединить Внутреннюю Монголию, фактически находившуюся под контролем Квантунской армии, и Внешнюю Монголию, установив там монархию. Монгольский принц Тэ-Юань, контролировавшийся японской военной разведкой, уже выразил готовность возглавить новое государство. Квантунская армия была готова способствовать созданию новой объединенной Монголии всеми средствами, имевшимися в ее распоряжении. Это означало введение императорских войск на территорию МНР и создание там прояпонского марионеточного правительства.

После возвращения в Токио Рамзай немедленно направил в Центр эту важную информацию. Через некоторое время Сталин встретился с американским корреспондентом и ответил на его вопросы, которые касались обстановки на Дальнем Востоке. Такие мероприятия практиковались, когда Кремль хотел довести свою точку зрения по важным политическим событиям до международной общественности. В опубликованном интервью генеральный секретарь ЦК ВКП(б) подчеркнул, что, по его сведениям, японцы продолжают накапливать войска у границ МНР, но если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, то Советский Союз окажет ей военную помощь. Спустя несколько дней в Москве было официально объявлено, что подписан протокол о взаимной помощи между СССР и МНР, в соответствии с которым Советский Союз разместил на территории Монголии группу своих войск. Теперь любое японское вторжение встретит военный отпор со стороны СССР.

Подписание этого протокола оказалось абсолютно неожиданным для японского руководства. Как только Одзаки информировал об этом Зорге, он

понял, что ездил в Маньчжурию не зря. Вовремя предупрежденная им Москва успела принять необходимые ответные меры. В очередной почте Рамзай получил из Москвы документ с высокой оценкой разведывательно-информационной деятельности возглавляемой им резидентуры. В документе, в частности, отмечалось, что в январе — апреле 1936 года из Токио поступило 40 информационных донесений, в которых содержались подробные сведения о путче 26–29 февраля; мероприятиях японского генштаба в Маньчжурии и Монголии; взглядах руководства страны на возможность войны с СССР; новых самолетах, гаубичной артиллерии; данные о германо-японских соглашениях; отправке японских войск на материк, а также оценка событий на маньчжурской и монгольской границах. Вся эта информация признана важной и своевременной, за что руководство Разведывательного управления выражает Рамзаю благодарность.

Центр действительно был доволен работой своего резидента в этой сложной восточной стране. Урицкий лично контролировал деятельность Зорге, результаты его работы были настолько впечатляющими, что токийская нелегальная резидентура была признана одной из лучших в Разведупре. Семен Петрович, на которого Зорге произвел хорошее впечатление во время последней встречи в Москве, вспомнил о его просьбе по возможности улучшить условия проживания его супруги в Москве и дал соответствующее указание. Екатерине Максимовой выделили большую светлую комнату в здании на Софийской набережной, в самом центре Москвы.

Урицкий решил усилить разведывательную группу в Токио, направив туда несколько новых сотрудников. Это должно было повысить результативность работы, а также освободить Рамзая от решения второстепенных задач. Начальник управления считал, что тот должен сосредоточиться на работе в немецком посольстве, где можно добывать наиболее ценные документы. Разведывательная операция Зорге развивалась успешно, кроме того, у группы появлялись новые возможности, которые требовалось закреплять и развивать.

В Центре решили направить в помощь Рамзаю советскую разведчицу Айно Куусинен (оперативный псевдоним Ингрид) — бывшую жену одного из руководителей Коминтерна О. Куусинена. Раньше она работала в Коминтерне в Отделе международных связей и лично знала Рихарда. Затем Айно перевели в военную разведку, она действовала на нелегальной основе в США, а затем в шанхайской нелегальной резидентуре. После провала резидента была отозвана из Китая и временно осталась не у дел. В Токио

Ингрид должна была помогать резиденту, а также заниматься вербовкой японцев из высокопоставленных политических кругов.

В Японию также прибыл Гюнтер Штейн, привлеченный военной разведкой к сотрудничеству в Германии. Он работал журналистом в берлинской газете, после прихода Гитлера к власти из-за своего еврейского происхождения эмигрировал в Англию, где являлся корреспондентом нескольких британских газет. Центр решил включить его в группу Рамзая для разведывательной работы среди иностранцев и выполнения отдельных оперативных задач. Таким образом, у Зорге появились два новых сотрудника.

В Разведывательном управлении также решили помочь Рамзаю, организовав более частые встречи с ним опытных представителей центрального аппарата. По решению Урицкого новым нелегальным резидентом в Шанхае был назначен заместитель начальника 2-го агентурного отдела Лев Борович (оперативный псевдоним Алекс), который длительное время работал за рубежом и лично знал Зорге. Помимо работы в Шанхае ему, как опытному разведчику-профессионалу, было поручено периодически встречаться с Рамзаем и, если возникнет необходимость, советовать, как лучше действовать в тех или иных оперативных ситуациях, противодействовать контрразведывательным органам, а также решать другие сложные проблемы.

Прибыв в Китай, Алекс значительную часть своего времени уделял токийской нелегальной резидентуре и помогал ей даже без личных встреч с Рамзаем. Получив из Москвы специальный агентурный миниатюрный фотоаппарат, который запросил Зорге, Борович не стал передавать его в Токио через курьера, а написал в Москву, что этого лучше не делать: специальная техника, обнаруженная у журналиста, может не только вызвать подозрения, но и раскрыть его как разведчика. Более безопасно будет по-прежнему использовать «Лейку», которая никаких особых подозрений не вызовет.

Регулярная курьерская связь с Москвой позволяла Рихарду чаще передавать письма и небольшие подарки жене и получать ответные послания. Нелегкая работа нелегала и здесь имела свои особенности: Зорге писал письма от руки на немецком языке, затем Вукелич вместе с другими документами снимал его на микроплёнку, которая с курьером переправлялась в Москву. Сотрудник Разведуправления приносил жене Зорге отпечатанный в фотолаборатории текст и устно переводил его, оригинал он ей не оставлял. Ответные письма Екатерина писала по-французски, и они попадали в Токио аналогичным образом. Зорге,

прочитав письмо, должен был немедленно его уничтожить.

Рихард писал Кате полные любви и нежности письма, иногда даже нарушая установленные правила конспирации. Пользуясь разрешением Урицкого, передавал и небольшие посылки. В самой первой из них послал Кате шерстяную кофточку, шаль, два берета, туфли, белье, небольшие часики, пудру и гребень. К посылке было приложено письмо: «Милая Катюша! Наконец-то я получил от тебя два письма. Одно очень печальное, видимо, зимнее, другое более радостное, весеннее. Благодарю тебя, любимая, за оба, за каждое слово в них. Пойми, это был первый признак жизни от тебя после долгих пор, а я так жаждал этого... Рад, что ты имеешь новую квартиру, хотел бы в ней пожить вместе с тобой. Когда-нибудь это время и наступит. Здесь сейчас ужасно жарко, почти невыносимо. По временам я иду к морю и плаваю, но особенного отдыха здесь нет. Во всяком случае, выгодная работа по мне, и если ты у нас спросишь, тебе ответят, что довольны и что я не на последнем счету. Иначе это не имело бы смысла для тебя и для всех нас дома. Были здесь напряженные времена, я уверен, что ты читала об этом газете, но мы миновали это время, хотя мое оперение и пострадало немножко. Но что можно требовать от старого ворона, постепенно он теряет свой вид. Я имею к тебе большую просьбу. Катюша — пиши мне больше о себе, всякие мелочи, все, что ты хочешь, только больше. Напиши также, получила ли ты мои пакеты? С каждым письмом я отправлял и пакет. Напиши также, используешь ли ты вещи? Что тебе особенно нужно, твой размер ботинок, вообще, что нужно купить? Ну пока, всего хорошего! Будь здорова и не забывай меня... Шлю сердечный привет, жму руку и целую».

Рихард отправлял письма любимой с каждой почтой. В следующем коротком послании были такие строки: «Милая Катюша. Наконец-то предоставилась возможность дать о себе знать. У меня все хорошо, дело движется. Посылаю свою фотокарточку. Очень тяжело, что я давно не знаю, как ты живешь. Пытаюсь послать тебе некоторые вещи. Seriously, я купил тебе, по-моему, очень красивые вещи. Буду счастлив, если ты их получишь, потому что другой радости я, к сожалению, не могу доставить, в лучшем случае — заботы и раздумья. В этом смысле мы с тобой “бедняги”». С почтой он также передал сверток с красивой кофточкой и теплыми домашними туфлями. Иногда Рихард передавал небольшие суммы в долларах, чтобы Екатерина могла что-то купить себе в магазинах Торгсина, работавших в то время в Москве.

В ответном письме Катя написала, что ждет ребенка. Зорге был счастлив. «Помнишь ли ты наш уговор насчет имени? — писал он жене в

очередном послании. — С моей стороны я хотел бы изменить этот уговор таким образом: если это будет девочка, она должна носить твоё имя. Во всяком случае, имя с буквой “К”. Я не хочу другого имени, если даже это будет имя моей сестры, которая всегда хорошо ко мне относилась. Или же дай этому новому существу два имени, одно из них обязательно должно быть твоим. Пожалуйста, выполни моё желание, если речь будет идти о девочке. Если же это будет мальчик, то можешь решить вопрос по его имени с В.».

Мысль о том, что он скоро станет отцом, захватила Рихарда, сбывалось его давнее желание, о котором они много говорили с Катей во время его последнего пребывания в Москве. В следующем письме он писал супруге: «Позаботься, пожалуйста, о том, чтобы я сразу, без задержки, получил известия. Сегодня я займусь вещами и посылочкой для ребенка, правда, когда это до тебя дойдет — совершенно неопределенно. Мне было сказано, что от тебя скоро получу письмо. И вот оно у меня. Конечно, я очень и очень обрадовался... Будешь ли ты дома у своих родителей? Пожалуйста, передай им привет от меня. Пусть они не сердятся, что я тебя оставил одну. Потом я постараюсь все это исправить большой любовью и нежностью к тебе. У меня дела идут хорошо, я надеюсь, что тебе сказали, что мной довольны. Будь здорова, крепко жму твою руку и сердечно целую. Твой Ика».

Зорге, счастливый, ездил по детским магазинам, выбирал вещи для малыша. Знакомые даже спрашивали его, что произошло и чему он так обрадовался, на что Рихард только отшучивался. Добавило ему хорошее настроение и письмо из Центра, в котором начальник управления, хотя и с небольшим опозданием, поздравил его с сорокалетием и объявил благодарность за хорошую работу. Всё изменилось в один момент, когда разведчик узнал, что роды оказались неудачными... Рихард не мог в это поверить, такого удара судьбы он не ожидал. Его настроение сразу изменилось. Он писал Кате: «Получил из дома короткое сообщение, и я теперь знаю, что всё произошло совсем по-другому, чем я предполагал... Я мучаюсь при мысли, что старею. Меня охватывает такое настроение, когда хочется домой скорее, насколько это возможно, домой в твою новую квартиру. Однако все это пока только мечты и мне остается только положиться на слова “старика”, а это значит — еще выдержать порядочно времени. Рассуждая строго объективно, здесь тяжело, очень тяжело, но все же лучше, чем можно было ожидать. Вообще прошу позаботиться о том, чтобы при каждой представившейся возможности имел бы от тебя весточку, ведь я здесь ужасно одинок. Как не привыкаешь к этому

состоянию, но было бы хорошо, если бы это можно изменить. Будь здорова, дорогая. Я тебя очень люблю и думаю о тебе не только когда мне особенно тяжело, ты всегда около меня...»

Рихард стал нервным и раздражительным, какое-то время даже работа не могла вывести его из этого состояния. К тому же в Советском Союзе стали происходить какие-то труднообъяснимые события, что также волновало его. Из сообщений международной прессы Зорге знал, что в СССР усилилось внутривластическое противоборство и оппозиционеры решили выступить против руководства страны. На прошедшем в Москве открытом судебном процессе основными обвиняемыми были ранее входившие в партийную верхушку Зиновьев и Каменев, их обвиняли в убийстве Кирова и заговоре с целью убийства Сталина. Обвиняемые полностью признали свою вину и были расстреляны. Рамзай не мог понять, как такое могло случиться, и попросил Центр направить ему политическую информацию с оценкой произошедших в Москве событий.

В ответ с очередной почтой ему пришло длинное письмо, в котором, в частности, говорилось:

«Только на днях закончился процесс троцкистско-зиновьевской террористической банды, скатившейся до последней степени падения — до роли агентов Гестапо. Процесс показал, что в борьбе двух миров — мира капитализма и мира социализма — нет и не может быть “золотой середины”. Существуют два враждебных друг другу полюса: на одном всё честное, всё благородное, все, кому дорого дело освобождения трудящихся, а на другом — самое подлое и гнусное отребье старого мира, злейшие враги социализма. Шайка негодяев, пойманная с поличным, уничтожена; приговор был вынесен нашей 170-миллионной страной как справедливое возмездие, как выявление воли всего народа. И не только наша страна так реагировала на расстрел кучки бандитов, но и каждый честный рабочий во всем мире разделяет гнев и возмущение советских трудящихся перед лицом собственных признаний преступников в своих кошмарных преступлениях перед социалистической родиной... Процесс выявил необходимость повышения бдительности и осторожности. Быть бдительным — значит изучать людей, и причем изучать на работе и в быту. Благодушие, разболтанность, расхлябанность, излишняя доверчивость, вера на слово — враждебны по духу нашей партии... Постоянная бдительность, осторожность и конспиративность, соединение с непрерывной проверкой людей на деле обеспечат успех работы и обезопасят нашу организацию от проникновения в нее подлых последышей троцкистской банды... Нет такой подлости, нет такой мерзости, нет такого преступления, на которые бы не

пошли бы враги трудящихся. Но силен пролетариат, сплочен вокруг своей партии вождей и, сметая на своем пути фашистско-троцкистско-зиновьевскую мразь, смело и уверенно строит светлое царство социализма».

Текст письма вызвал у Зорге противоречивые чувства. Он содержал, казалось бы, правильные, хотя и слишком резкие слова, но что-то удерживало от того, чтобы полностью поверить в него. Зиновьева Рихард знал лично, он возглавлял Исполком Коминтерна, когда его зачисляли в эту международную коммунистическую организацию. Известные и заслуженные большевики, работавшие вместе с Лениным, превратились в агентов гестапо — как такое могло произойти? Вместе с тем, помня по коминтерновскому опыту существовавшие в то время «правила игры», Рамзай послал в Центр краткую ответную телеграмму: «Ваше политическое письмо получил. Все единодушно выражают свое полное удовлетворение по поводу расправы над этими преступниками».

На очередную встречу с курьером Центра, который прибыл в Токио, вышел сам Зорге. Встреча происходила в соответствии с условиями явки: в крошечном ресторанчике один из посетителей заказал специфическое японское блюдо; к нему подошел другой посетитель и произнес несколько слов. Контакт был установлен. Затем они вступили в непродолжительный разговор и незаметно для окружающих обменялись одинаковыми пакетами. Выходили из ресторана поодиночке, каждый пошел в свою сторону. Курьером был опытный разведчик, он обратил внимание на необычное состояние Зорге, о чем и проинформировал руководство Разведывательного управления, когда возвратился в Москву. Урицкий, который знал о возникших личных проблемах руководителя токийской нелегальной группы, решил поддержать и даже несколько «встряхнуть» Рамзая. По его указанию резиденту в Японии было подготовлено письмо следующего содержания: «Ваша последняя почта была для нас чрезвычайно ценной. Занимаемая вами позиция — это ваш большой успех. Но вы не должны расширять свою клиентуру. Ближайшие семь-восемь месяцев будут чрезвычайно сложными и у вас, и в Европе. О вашей подруге мы заботимся, не беспокойтесь о ней. Обнимаю вас. Директор».

Не составило труда понять, что письмо подписано самим Урицким. В другом документе, полученном из Центра, уже за подписью его заместителя по агентурной работе Артузова, резиденту ставилась задача активизировать работу в германском посольстве и меньше общаться с японцами, особенно связанными с левыми кругами. Кроме того, сообщалось, что Центр знает о нервном перенапряжении Рамзая и

рекомендует как следует отдохнуть.

Эти письма благотворно действовали на Рихарда. Он почувствовал беспокойство Центра и постарался избавиться от неприятных мыслей. Конечно, у них с Катей еще будет ребенок, когда он вернется в Москву. Последние политические тенденции в СССР никак не повлияют на его убежденность в справедливости идей коммунизма, и он своей работой должен обеспечивать безопасность первого в мире социалистического государства.

Реальное развитие событий настоятельно требовало активной работы токийской нелегальной резидентуры. После встречи с Одзак и обсуждения последней информации, полученной им в весьма осведомленных и близких к правительству кругах, Рихард отослал в Центр телеграмму, в которой сообщал, что до середины 1936 года не существует реальной опасности войны Японии против СССР. Японская сторона перешла к обороне как на границах Советского Союза, так и во Внешней Монголии. Причиной этого являлись последствия февральского путча, а также военное превосходство Красной армии.

В конце лета 1936 года Зорге по указанию Центра совершил краткую поездку в Шанхай, где встретился с Алексом. Он не только передал ему свою очередную почту, но и детально переговорил с ним об особенностях своей оперативной работы в Японии. В почте находилось около тридцати фотопленок, содержащих около тысячи микрокадров отснятых документов. Большинство из них являлись результатом деятельности Зорге в германском посольстве. Рихард подробно рассказал коллеге, как он осуществлял эту рискованную операцию и какие меры предосторожности принимал. Затем подробно информировал Алекса, чем занимались члены его группы, их легализации и закреплении в Японии. Опытный разведчик дал Зорге несколько рекомендаций, но в целом похвалил за достигнутые результаты, прямо назвав их уникальными. О результатах встречи Алекс информировал Центр, отметив, что Рамзай, по его мнению, находится в нормальном психологическом состоянии и всецело настроен на результативную работу.

После прибытия в Токио двух новых сотрудников из Центра резидентура увеличилась, но, как скоро понял Зорге, на ее разведывательной деятельности это почти не сказалось. Рихард несколько раз встречался с Ингрид, которую помнил по работе в Коминтерне, но она явно не хотела рисковать. Ее деятельность ограничилась в основном поддержанием официальных знакомств, полезная информация от нее практически не поступала. Она даже отказывалась написать отчет о своей

работе в Центр, потому что в него фактически нечего было включать. Не порадовал и Гюнтер Штейн. Он вошел в журналистский пул, но ничего нового узнать не смог. Особой активностью он не отличался, явно боялся, что может быть раскрыт. Рихард стал использовать его в качестве курьера, а также задействовал его квартиру для радиосвязи с Центром, откуда Клаузен периодически вел передачи.

Сам Макс кроме выполнения обязанностей радиста расширил свою легальную деятельность в качестве предпринимателя, что закрепляло его официальное положение в стране. Он стал владельцем большой светокопировальной мастерской, выписав из Германии новейшее техническое оборудование. Его предприятие принимало заказы от солидных японских организаций, в том числе конструкторских бюро крупнейших оборонных заводов, где производилась современная боевая техника, включая корабли, самолеты и танки. Копировальные работы были нужны также некоторым подразделениям генерального штаба и командованию военно-морского флота. Зорге поручил Клаузену оставлять у себя копии наиболее важных чертежей и документов для последующего перефотографирования в лаборатории Вукелича. Эти материалы давали возможность устанавливать основные направления развития военно-технического оснащения японской армии и флота.

Кроме того, Клаузен фактически увеличил численность резидентуры еще на одного человека. Он информировал Рихарда, что Центр разрешил ему вызвать в Токио свою жену. Зорге знал его супругу Анну, они познакомились в Шанхае, когда он дал согласие на гражданский брак своего радиста с его возлюбленной — русской женщиной, которая жила в Китае. От первого замужества у нее осталось финское гражданство, в Китай она попала после Гражданской войны, жила в стесненных обстоятельствах. С Максом Анна познакомилась в Шанхае, они полюбили друг друга и стали жить вместе. Узнав о работе мужа на советскую военную разведку, стала помогать ему в разведывательной деятельности, хотя первоначально придерживалась крайне антисоветских взглядов. В Москве признали целесообразным направить Анну (она в это время находилась в СССР) в Токио.

Макс встретил свою возлюбленную в Китае, куда она прибыла под соответствующей легендой. Затем они официально заключили брак в германском консульстве в Шанхае, где и отпраздновали скромную свадьбу. После этого счастливая семейная пара переехала в Японию. Анна сразу стала активно помогать мужу: прятала в квартире отдельные части радиопередатчика, контролировала окрестности дома, когда Макс вел

радиосеансы. Переговорив с Анной несколько раз, Зорге решил направлять ее в Китай в качестве курьера с пленками и другими материалами его резидентуры. Молодая русская женщина очень ответственно относилась к этим заданиям, и у Рихарда никогда не было к ней никаких претензий.

Резидентура Рамзая успешно действовала и на других направлениях. В соответствии с заданием Центра Зорге уделял большое внимание получению информации о налаживании японо-германского сотрудничества. Он знал, что двусторонние переговоры по этому вопросу в обстановке повышенной секретности проходят в Берлине с 1935 года. Их по поручению Гитлера вели штадтартенфюрер СС Риббентроп и военный атташе Японии в Берлине генерал Осима. Позже к ним присоединился глава немецкой военной разведки адмирал Канарис. Стороны стремились заключить военно-политический союз, но в их позициях были определенные различия. Общим являлась антисоветская направленность Токио и Берлина, оба участника переговоров имели общую цель — создать враждебный Советскому Союзу блок и проводить совместную антироссийскую политику на международной арене.

Однако ближайшие намерения партнеров различались, каждый стремился использовать другую сторону в своих интересах. Японцы надеялись привлечь Германию к реализации своих замыслов на Дальнем Востоке, а немцы думали о том, чем Токио может помочь им в Европе. Кроме того, участники переговоров не доверяли друг другу, каждая из сторон, исходя из своих расовых амбиций, проявляла пренебрежительное отношение к партнеру. В результате переговоры шли трудно, неоднократно прерывались и вновь возобновлялись.

Зорге хорошо знал о всех этих деталях. О позиции Берлина — через Дирксена и Отта, о взглядах японцев — через Одзаки. Гитлер оказывал массированное давление на Японию, добиваясь заключения полноценного военного союза, однако осторожные азиаты от этого отказывались и соглашались только на аморфный политический союз, ограничивая его задачами борьбы против мирового коммунизма.

Зорге регулярно направлял в Москву донесения обо всех особенностях и этапах японо-германских переговоров. Ему удалось также сфотографировать доклад военного атташе Отта, где были вскрыты реальные военные возможности японской армии. В выводах подготовленного немецким военным атташе документа говорилось о недостаточной готовности Японии к большой войне и ненадежности в связи с этим японцев в качестве серьезных военных партнеров. В следующем докладе Отт призывал Берлин удерживать Японию от

преждевременного нападения на СССР, что приведет к ее поражению и втягиванию Германии в ненужный для нее на данном этапе военный конфликт. В Берлине восприняли эти доклады очень серьезно и даже временно приостановили переговоры с Японией, так как Гитлер стал сомневаться в их целесообразности.

В Москве внимательно следили за процессом сближения двух государств, представлявших наибольшую угрозу военной безопасности страны и не скрывавших агрессивных намерений в отношении СССР. Материалы военной и политической разведки по этому вопросу направлялись непосредственно Сталину. На одну из сводок, направленных в Кремль Разведывательным управлением, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) наложил резолюцию: «По-моему, это дезориентация, идущая из германских кругов. И. Сталин». В этом документе, составленном на основе донесений нелегального резидента в Токио Рихарда Зорге, говорилось о нежелании Берлина ускорить заключение военного договора с Японией.

Резолюция Сталина требовала соответствующей реакции, и в Разведуправлении перепроверили информацию, поступившую из токийской резидентуры. Проверка показала достоверность сведений, полученных Зорге, и отсутствие какой-либо «дезориентации» руководства страны. Урицкий направил наркому обороны Ворошилову докладную, как это было принято делать в подобных случаях, в которой отметил, что советскому разведчику-нелегалу удалось получить доклад германского военного атташе в Токио полковника Отта о японо-германском сотрудничестве, в нем безусловно подтверждалась направленная руководству страны информация. Военной разведке удалось проверить подлинность этого доклада, получив его копию от другого агентурного источника в Берлине. Из токийской нелегальной резидентуры приходила и другая информация, подробно раскрывавшая все, что происходило на японо-германских переговорах. В связи с этим Урицкий подтвердил наркому достоверность направленных Сталину сведений. В его докладной делались следующие выводы, основанные на агентурных документах, добытых Зорге:

«1. Японо-германские переговоры в течение мая — июня развивались очень медленно.

2. Инициативу и особую активность в переговорах проявляет Япония.

3. Германия в данный момент оттягивает заключение договора с Японией, который связал бы немцев конкретными военными обязательствами...»

Зорге не знал о том, что происходило в Москве, он продолжал

собирать лично и через своих помощников сведения о различных вариантах готовящегося соглашения и продолжавшихся в связи с этим переговоров. В конечном итоге в ноябре 1936 года между Германией и Японией был подписан не военный договор, а Антикоминтерновский пакт, декларирующий организацию сотрудничества между двумя странами по обмену информацией и совместным мерам защиты от «разрушительной деятельности» Коммунистического интернационала. В заключительном параграфе этого документа говорилось, что настоящее соглашение не направлено против Советского Союза или специально против какой-либо другой страны.

В донесениях Рамзая были раскрыты все важные для Москвы вопросы, связанные с заключением и вступлением в силу этого антикоммунистического и в то же время антисоветского документа. В телеграммах из Токио сообщалось о секретных статьях пакта о противодействии СССР. В другом сообщении содержалась информация о негативной реакции японской политической элиты на сближение с Германией, приведшей к правительственному кризису и падению кабинета министров. Рихард Зорге считал, что свою задачу по освещению японо-германских переговоров, подготовке и подписанию двустороннего пакта он выполнил полностью.

Разведывательное управление придерживалось аналогичной позиции. Рамзаю была направлена телеграмма следующего содержания: «Не могу не отметить очень полную вашу информацию о всех стадиях японо-германских переговоров, приведших к соглашению. Вы правильно нас информировали и помогли нам всегда быть на высоте в этом вопросе». В другой телеграмме Урицкий писал Рамзаю: «Крепко жму вашу руку и желаю вам здоровья и успехов в вашей большой работе. Ваша жена здорова и передает вам привет». Эти послания Центра Рихард читал с волнением и радостью — его работа по-прежнему оценивалась высоко, он достойно делает свою нелегкую работу, оправдывая доверие руководства военной разведки. Свои чувства он вкладывал в письма жене. В одном из них он писал:

«Милая К. Пользуюсь возможностью черкнуть тебе несколько строк. Одновременно посылаю тебе и пакет с подарками. Среди вещей имеется также шерстяная фуфайка, которую ты можешь дать Вилли... Как можно скорее сообщи номер твоих ботинок, чтобы я смог наконец тебе послать их. Они здесь относительно дешевы. Я живу хорошо, и дела мои, дорогая, в порядке. Если бы не одиночество, то все было бы совсем хорошо. Но это все когда-нибудь изменится, так как г-н директор заверил меня, что он

выполнит свое обещание. Теперь там у вас начинается зима, а я знаю, что ты зиму так не любишь, и у тебя, верно, плохое настроение. Но у вас зима, по крайней мере, внешне красива, а здесь она выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры, ведь здесь живут почти что под открытым небом: если я печатаю на своей машинке, то это слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять и детишки плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить с каждым месяцем увеличивающееся детское население по соседству. Как ты видишь, обстановка довольно своеобразная. И вообще тут много своеобразия, с удовольствием рассказал бы тебе, чтобы вместе посмеяться, ведь когда все это наблюдаешь вдвоем, вещи выглядят совсем иначе, особенно при воспоминаниях. Надеюсь, что скоро ты будешь иметь возможность порадоваться за меня и даже погордиться и убедиться, что “твой” является вполне полезным парнем. А если ты мне чаще и больше будешь писать, я смогу себе представить, что я к тому же еще и “милый” парень. Итак, дорогая, пиши, твои письма меня радуют. Всего хорошего, люблю и шлю сердечный привет. Твой И.».

Рихард надеялся, что в следующем, 1937 году, как обещал ему Урицкий, в Токио прибудет замена и он сможет вернуться в Москву. Четырехлетнее пребывание за рубежом в сложных условиях, практически круглосуточная разведывательная работа, необходимость постоянной осторожности — от всего этого он очень устал. Постоянное напряжение не могло не сказаться на состоянии его нервной системы. После политического письма Зорге стал опасаться возобновления обвинений его в связях с троцкистами, как это имело место во время его работы в Коминтерне. Указания Центра нередко содержали и оценку добытых им документов, причем не только позитивную, например: «устаревший материал», «неактуальные сведения» и т. п. Это практиковалось в Разведывательном управлении по отношению ко всем резидентурам, но Рихард воспринимал их болезненно, считая проявлением недоверия.

Большой стресс вызвала у Зорге потеря связи с Висбаденом, которая произошла в конце 1936 года. Когда Клаузен доложил об этом, Рихард набросился на него с упреками, вспомнив о трусости Бернхарда. Добываемую резидентурой важную информацию следовало оперативно направлять в Центр, но теперь он был лишен радиосвязи. Резидент высказал серьезные обвинения в адрес своего радиста, они даже серьезно поссорились, но связи по-прежнему не было. Макс убедил его, что причина, видимо, заключается в каких-то сбоях на радиоузле во Владивостоке. Зорге срочно через Шанхай направил письмо в Центр:

«Дорогой директор! Тяжелый кризис в воздушном сообщении все еще продолжается. Я вынужден снова послать человека к Алексу с предложениями о новой организации связи. Использую этого посланника для передачи небольшой почты. Обращаю ваше внимание, где Виск (псевдоним Рамзая для информационной переписки. — В. К.) сообщает о японо-германском договоре. Кроме того, я прошу учесть, что кризис связи может быть ликвидирован лишь при вашей помощи, и поэтому прошу уделить этому вопросу серьезное внимание. Уверяю вас, т. директор, что это состояние для нас невыносимо, и мы делаем все от нас зависящее, чтобы его преодолеть. Будьте уверены, что все, что касается нас, и в особенности нашего друга Фрица, мы сделаем. Это не небрежность, не лень, не бюрократизм с нашей стороны. Мы сами от этого состояния страдаем в первую очередь. Надеемся получить помощь от вас. Верный вам Рамзай».

Несколько ранее Токио посетил курьер Центра, с которым лично встречался Зорге. Вернувшись в Москву, этот разведчик информировал, что, по его мнению, Рамзай находится на грани нервного истощения, тратит на работу много сил и, если нет результатов, очень переживает. И предложил как-то поощрить резидента, например наградить его орденом. Когда до Урицкого довели эту информацию вместе с письмом Рамзая, он приказал принять срочные меры по восстановлению радиосвязи с Токио. Во Владивосток был направлен опытный инженер Научно-исследовательского института по технике связи РККА, который периодически оказывал помощь Разведывательному управлению. Тот быстро выяснил, что главной причиной сбоев является недостаточная квалификация специалистов радиоузла разведки Тихоокеанского флота, а также его недостаточное техническое оснащение. Не было достаточно мощных радиопередатчиков, высокоэффективных направленных антенн, а радистами работали военнослужащие срочной службы, недостаточно обученные из-за отсутствия соответствующих инструкций и справочных пособий. В результате срочно принятых мер связь с нелегальной резидентурой в Токио была восстановлена.

В январе 1937 года в Центр были отправлены очередные радиограммы Рамзая, и одновременно он получил письмо из Разведуправления, подписанное Урицким:

«Дорогой Рамзай! Меня очень огорчило, что печальная история со связью, которая произошла по нашей вине, так сильно повлияла на состояние ваших нервов и работоспособность. Надеюсь, что вы проявите максимум выдержки и спокойствия... Очень меня затронуло то, что вы в

чем-то усмотрели признаки недоверия к вам. Это абсолютное недоразумение. Оценки вашей работы вам неоднократно давались, и дружески уверяю вас, что в этой оценке ничего не изменилось. С сердечным приветом и пожеланием спокойной и плодотворной работы».

Примерно в это же время из Центра пришло письмо и на имя Макса Клаузена: «Вы наш лучший радист, и мы ни на минуту не сомневаемся в вас и вашей работе... Проделанная вами работа весьма ценится и будет соответствующим образом отмечена».

Такое отношение руководства Разведывательного управления заметно улучшило настроение Рихарда. Особенно его тронуло обращение Урицкого, который искренне старался помочь резиденту и даже заботился о его самочувствии и нервном здоровье. Все это помогло Зорге выйти из тяжелого психологического кризиса и с прежней самоотдачей продолжить разведывательные дела.

К военному атташе Отту из Берлина стали поступать секретные экономические отчеты германского генштаба, другие документы о военном положении Германии, с которыми Зорге имел возможность знакомиться. Так началась его работа по разведке фашистской Германии с территории Японии. Наиболее важную информацию из переписки Отта Рамзай направлял в Центр. В одном из его сообщений говорилось, что по состоянию на начало 1937 года дефицит стали несмотря на импорт замедляет перевооружение германской армии. Из-за рубежа также должен ввозиться алюминий, так как германские заводы без этих поставок не смогут выполнить все военные заказы. В другой телеграмме сообщалось о количестве уже развернутых в Германии пехотных и артиллерийских полков.

Отт часто встречался с прибывающими из Германии в краткосрочные командировки офицерами, которые много рассказывали ему о реальном положении дел в вермахте. Так, оказалось, что в частях по-прежнему много вооружения устаревших образцов, оставшегося после Первой мировой войны, не хватало и подготовленных офицерских кадров. Военный атташе считал, что Германия может начать военный конфликт не ранее чем через четыре года. Все эти сведения Рамзай немедленно направлял в Москву.

Однако основное внимание Зорге по-прежнему уделял Японии. Учитывая возможности резидентуры, Центр стал ставить более сложные задачи. В соответствии с одной из них требовалось добыть информацию о наличии и перспективах развития химического оружия в японской армии. Рихард поручил заниматься этим вопросом Мияги, и вскоре тот через свои связи добыл первые сведения несмотря на их крайнюю закрытость.

Несколько позже старательный помощник Рамзая принес резиденту фотографии всех типов танков, состоящих на вооружении японской армии, с их подробными характеристиками. Он получил эти материалы от своих армейских знакомых, ставших его источниками.

Не менее успешно работал другой соратник Зорге. Одзаки, имевший доступ к окружению принца Коноэ, закреплял свои позиции в высших политических кругах страны. Зорге поручил ему следить за развитием японо-китайских отношений, не исключая, что Токио может расширить свою экспансию в Северном Китае. Сотрудник резидентуры, как специалист по китайским делам, периодически привлекался в качестве эксперта к обсуждению дальнейшей стратегии действий Японии на материке.

В ходе очередных консультаций ему удалось познакомиться с обсуждаемым планом действий правительства на ближайшие годы. Оказалось, что правящие круги Японии, несмотря на заключение антикоминтерновского пакта, не намерены в ближайшей перспективе предпринимать активные действия против СССР. Вместо этого было признано целесообразным оккупировать весь Китай, чтобы обеспечить свою страну необходимым сырьем. При этом считалось, что китайская армия серьезного сопротивления не окажет. Только после этого будут рассматриваться планы «большой войны». Таким образом, направление японской агрессии смещалось на юг, и в обозримом будущем военная угроза СССР на Дальнем Востоке существенно уменьшалась.

Когда об этом была информирована Москва, Центр срочно потребовал подтверждений, настолько важными и неожиданными были полученные из Токио сведения. Все помощники Зорге получили это задание и стали встречаться со своими источниками. Мяги первому удалось добиться успеха. Знакомый ему полковник из генерального штаба, занимавшийся в свободное время живописью, в беседе с художником проговорился, что видел в одном из авиационных полков крупномасштабный макет китайской территории. Он был изготовлен для подготовки летчиков к воздушным налетам на важнейшие объекты этой страны. Сам Рихард получил подтверждение от своего друга полковника Отта, которому, как ближайшему союзнику, японцы сообщили о предстоящей в Китае операции.

Это был очередной большой успех резидентуры, возглавляемой Рамзаем. Советское военное командование на основе этой важной информации внесло коррективы в планы развертывания Дальневосточной группировки войск Красной армии, уменьшив ее численность и боевой

состав. Высвободившиеся силы стали рассматриваться в качестве резерва для усиления западного направления, где возрастала агрессивность быстро наращивающей свой военный потенциал фашистской Германии.

В Разведывательном управлении решили поощрить сотрудников токийской нелегальной резидентуры за достигнутые ими успехи в получении стратегически важной информации. По указанию Урицкого на имя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза Ворошилова была подготовлена докладная:

«В течение двух с лишним лет в качестве неофициального секретаря германского военного атташе в Токио ведет работу в чрезвычайно трудных условиях наш работник, член ВКП(б) Зонтер Ика Рихардович.

Этот товарищ все время снабжает нас материалами и документами о японо-германских отношениях...

Вместе с ним работает в качестве радиста т. Клаузен Макс, который непрерывно, в тяжелых агентурных и технических условиях поддерживает с нами радиосвязь.

Следует отметить, что оба эти товарища практически в момент событий 26.3.36 года в Токио поддерживали с нами бесперебойную радиосвязь и держали нас в курсе всего происходящего.

В настоящее время работа этих двух товарищей приобретает особое значение, но на почве длительной работы в тяжелых условиях, на почве длительного отрыва от Советского Союза у них чувствуется большая моральная усталость. Заменить их в данное время невозможно. Для пользы дела необходимо продлить работу этих товарищей, закрепив их на тех позициях, на которых они находятся.

Прошу вашей санкции на награждение этих товарищей орденами «Красной Звезды», что ими безусловно заслужено и явится для них стимулом для напряженной работы в особых условиях.

Начальник Разведывательного управления РККА
Комкор С. Урицкий».

Этот документ, как того требовали существовавшие в то время правила, прошел предварительное согласование в партийных и кадровых органах Разведуправления. Каких-либо негативных и компрометирующих данных на Рамзая и его радиста практически не было, за исключением донесения одного из курьеров, написанного в 1934 году. В нем говорилось о «неверных политических взглядах» Зорге на политику Коминтерна. Кроме того, сохранилась негативная характеристика, составленная начальником японского отделения Покладком после его встречи с Рихардом

во время его посещения Москвы в 1935 году. Урицкий не стал принимать их во внимание, но эти документы остались в делах Восточного отдела, как того требовали правила.

Представление было направлено в Наркомат обороны, но не было полностью реализовано. Зорге и Клаузену были объявлены благодарности. Награждение орденами по формальным основаниям было признано нецелесообразным. В военном ведомстве и Разведывательном управлении в это время начали разворачиваться драматические события, которые в последующем оказали серьезное влияние на работу военной разведки, а также на судьбу многих сотрудников Разведывательного управления и разведчиков, выполнявших специальные задания за рубежом.

НЕСМОТЯ НА СЛОЖНЫЕ УСЛОВИЯ, РАБОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Внутриполитическое положение в СССР в середине 1930-х годов было достаточно стабильным. В 1936 году VIII Всесоюзный съезд Советов принял новую конституцию, декларировавшую обеспечение равных политических прав всем гражданам страны. Укрепилась экономика Советского государства. По объему промышленной продукции СССР вышел на второе место в мире после США. По структуре промышленного производства Советский Союз относился к развитым странам мира. После первых ошибок коллективизации восстанавливалось сельское хозяйство. Вступили в строй крупные тракторные заводы, начался переход к механизации села, повысилось производство зерна и другой сельскохозяйственной продукции.

Вместе с тем в стране расширялась кампания по преследованию сторонников Троцкого и Зиновьева, многие из которых арестовывались и подвергались репрессиям. Их обвиняли в шпионаже, подготовке диверсий и террористических актов. С начала 1937 года эти процессы активизировались. В феврале — марте прошел пленум ЦК ВКП(б), на котором с основным докладом выступил Сталин, призвавший в борьбе с современным троцкизмом применять не старые методы дискуссий, а новые методы «выкорчевывания и разгрома». Троцкисты и их сторонники были объявлены «безыдейной бандой вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работавших по найму у некоторых зарубежных разведывательных органов». НКВД была поставлена задача беспощадного уничтожения «врагов народа».

Репрессии расширялись и затрагивали все большее число представителей старых большевистских кадров и политической элиты. Весной 1937 года были арестованы представители высшего командного состава РККА, среди них — Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, который признал себя виновным в подготовке военно-фашистского заговора с целью установления в СССР военной диктатуры. Затем последовали аресты других видных военачальников, почти все они были расстреляны.

Зорге узнавал об этих событиях из сообщений зарубежных средств массовой информации. Западные газеты злорадствовали, описывая

«непрекращающиеся волны сталинского террора», захватившие не только видных большевиков, но и иностранных деятелей Коминтерна. Рихард понимал, что в Советском Союзе продолжается борьба с оппозицией, которая, видимо, носит чрезмерный характер, как это неоднократно бывало в истории России. Однако он не мог согласиться с утверждениями, что в Советской России отмечаются не только серьезные распри среди коммунистов, но и «умирание коммунистического пафоса у его носителей», и считал их антисоветской пропагандой. Великое дело торжества коммунистических идей не могли подорвать отдельные перегибы и ошибки.

Но Рамзай не знал, что репрессии затронули и разведывательную службу Советского Союза. Выступая в июле 1937 года на расширенном заседании Военного совета при Наркомате обороны, Сталин рассказал участникам о военно-политическом заговоре против советской власти, в котором участвовали не только переродившиеся политики, но и ряд высших военных руководителей, которые оказались шпионами и систематически передавали закрытую информацию немецкому генеральному штабу. Затем генеральный секретарь ЦК ВКП(б) обратил внимание и на разведку. Он, в частности, сказал:

«Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми, как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле, в смысле бдительности и в узком смысле слова также — в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за двадцать лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши».

После таких руководящих указаний военную разведку стали «ставить на ноги».

Первые «чистки» в Разведуправлении начались уже в январе 1937 года, когда от должностей были отстранены Артузов и ряд пришедших с ним сотрудников ИНО НКВД. Их сменили чекисты с Лубянки, не имевшие опыта зарубежной разведывательной деятельности. После выступления Сталина начались масштабные репрессии, которые затронули многие структуры военной разведки, начиная с его руководства. Первым был отстранен от должности Урицкий, которого вскоре арестовали по делу «о

военно-фашистском заговоре в Красной армии». Его сменил Берзин, вернувшийся из Испании, куда его направили в 1936 году в качестве главного военного советника. Однако он возглавлял Разведывательное управление всего три месяца, после чего был арестован по делу «латышской фашистско-шпионской организации». До середины 1940 года обязанности руководителя военной разведки поочередно исполняли профессиональный чекист С. Гендин, сотрудник Разведупра А. Орлов и военный летчик И. Проскуров, которые затем также были репрессированы.

Аресты затронули тогда значительную часть сотрудников центрального аппарата Разведывательного управления, которые долгое время работали за рубежом, знали все тонкости оперативной работы. Других отправляли из Москвы на должности в разведывательных отделах штабов военных округов и армий. На их места назначались наскоро отобранные в войсках и военных академиях РККА молодые офицеры, прошедшие краткосрочный курс обучения в специальной разведывательной школе. Эти люди активно стремились овладеть новыми специальностями, но им не хватало опыта, необходимого для квалифицированного управления резидентурами и отдельными группами за рубежом, знания всей специфики агентурной деятельности. Многократная смена руководства управления и основных сотрудников Центра часто сопровождалась отрицанием того, что ранее было задумано и осуществлено прежними работниками, объявленными «врагами народа». Это, к сожалению, стало приводить к серьезным ошибкам в руководстве зарубежными структурами военной разведки.

Никто из новых сотрудников не знал о Рамзае, его возможностях, успехах, достигнутых нелегальной резидентурой в Токио. По практике того времени они искали на каждого зарубежного работника компрометирующие данные, чтобы «выявить и обезвредить врага в рядах разведывательного управления». При этом в делах восточного агентурного отдела были обнаружены документы, содержащие обвинения в адрес Рихарда Зорге. В одном из них содержались его высказывания на одной из встреч с курьером, состоявшейся в 1934 году. Он якобы говорил, что линия Коминтерна построена на пассивной тактике «удержания наличного», то есть оказания помощи строительству социализма в СССР, а поддержка зарубежных компартий недостаточна. Это было расценено как уклонение вправо от линии партии.

Другим документом была характеристика Зорге, подготовленная Покладком после встречи с ним в 1935 году. В ней он написал, что резидент «...скрытный, неискренний и двойственный человек, чего-то не

договаривающий... У него “резко” выражены элементы болезненного самолюбия и сомнения... большая доля верхоглядства... относится к числу лиц, которые любят хорошо пожить, ни в чем себе не отказывая и не очень усидчиво и усердно работая...». В выводах Покладок отметил, что у него «чувство недоверия к Рамзаю». В апреле 1937 года, когда НКВД начал «вычищать» Разведывательное управление от всех вызывавших сомнение лиц, тот же Покладок, который неприязненно относился к Зорге (возможно, из чувства зависти: сам он два года находился в Японии в командировке, агентурной работой не занимался, существенных успехов не добился), дал письменную оценку работы резидента в Токио за 1935–1936 годы, которая содержала только критику и противоречила тем оценкам, которые давал Зорге начальник управления Урицкий. В этом документе делался следующий вывод: «Несомненно, ряд сведений от Рамзая носит дезинформационный характер, требует критического отношения к себе и самой тщательной проверки».

В условиях кадровой чехарды, выявления и арестов «врагов народа» новые сотрудники восточного отдела Разведывательного управления не стали разбираться в сути этих бездоказательных обвинений. Во второй половине 1937 года на имя Гендина был подготовлен доклад с предложением отозвать Рамзая из командировки и ликвидировать всю его резидентуру как не вызывающую политического доверия. Старший майор госбезопасности Гендин, направленный в военную разведку, чтобы очистить ее от «шпионов, предателей и враждебно настроенных к советской власти лиц», сначала согласился с этим предложением. Однако через некоторое время отменил свое решение. На профессионального контрразведчика произвели большое впечатление уникальные результаты работы нелегальной группы в Токио, руководимой Зорге. Регулярно ему на стол ложились телеграммы, подписанные Рамзаем, а также секретные документы, добытые резидентурой. В них содержалась настолько важная информация, что прекращать результативную работу резидентуры Гендин пока посчитал нецелесообразным.

Изменившаяся расстановка сил в мире осложнила стратегическое положение СССР как на западе, так и на востоке. Антикоминтерновский пакт способствовал активизации агрессивных устремлений Германии и Японии. Гитлер стал готовить воссоединение с германским рейхом Австрии, аннексию Судетской области, в последующем и всей Чехословакии. Ускоренными темпами развивались вооруженные силы Третьего рейха. Разведывательное управление в своих докладах военно-политическому руководству страны отмечало, что ведущую роль в

антисоветском фронте на Западе к началу 1937 года стала занимать Германия, которая становилась серьезной силой, «неудержимо растущей под фашистскими, антисоветскими лозунгами». Однако напасть на СССР она пока не в состоянии, ей необходимо объединить свои силы с Польшей и Финляндией. Для этого требовалось создание нового антисоветского военного союза, который пока еще не был сформирован.

Реальную военную угрозу Советскому Союзу в тот период представляла Япония. Сближение с Германией позволило Токио начать в более широких, чем прежде, масштабах экономическую, военную, дипломатическую и идеологическую подготовку страны к войне. Начался быстрый рост военного производства, вооружение и военная техника самых современных видов производились для сухопутных войск, ВВС и военно-морского флота. Ускоренная милитаризация экономики сопровождалась увеличением численности вооруженных сил, одновременно возрастали ассигнования на армию и флот. Япония становилась грозным военным противником, способным к масштабным наступательным военным действиям.

В Токио большое внимание уделялось дипломатической подготовке войны, чтобы никто не препятствовал реализации агрессивных планов в Восточной и Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке в целом. Японские правящие круги лавировали между Англией, США и Германией, стремясь убедить их в своих намерениях напасть на СССР. Это позволяло сохранить крупные поставки сырья и материалов, необходимые для военной промышленности. Япония не соглашалась подписать с СССР пакт о ненападении, но вела переговоры о налаживании торговых отношений, подписании соглашения о рыбной ловле, что создавало атмосферу неопределенности в отношении дальнейших действий Токио.

В Японии практически открыто велась идеологическая подготовка к будущей войне. В стране был создан мощный пропагандистский аппарат, который занимался подготовкой населения и личного состава вооруженных сил к выполнению «священного долга». Большое внимание уделялось внушению японскому народу и военным служащим ненависти к Советскому Союзу, который путем «мировой революции пытался подчинить себе все народы мира». В то же время население убеждалось в том, что именно Япония призвана господствовать над другими народами и странами.

Особую обеспокоенность Наркомата обороны и военного командования Красной армии вызывали военные приготовления Японии в Маньчжурии, граничащей с Советским Союзом. В качестве плацдармов для нападения на Советский Дальний Восток готовились также Хоккайдо,

Курильские острова и Южный Сахалин. Ухудшение обстановки на восточной границе СССР требовало укрепления обороны союзной Монголии, советские войска должны были прикрывать отдельные участки монгольской границы. Японцы продолжали провоцировать пограничные инциденты, явно стараясь найти слабые места советской стороны.

Всё это требовало усиления восточной группировки Красной армии, чтобы она была способна не только отразить нападение японцев, но и нанести ответный удар. На Дальнем Востоке формировались дополнительные дивизии и бригады, создавались склады вооружения и боеприпасов, необходимые для мобилизационного развертывания новых соединений. Эти мероприятия требовали привлечения дополнительных ресурсов Советского государства, которых в то время явно не хватало. В этих условиях Наркомат обороны нуждался в достоверной информации о намерениях японцев в отношении СССР, составе и боевом потенциале японской армии, планах ее действий в случае нападения на Советский Союз. Нелегальная резидентура в Токио давала ответы на многие из этих вопросов, ее сведения отличались высокой достоверностью и оперативностью, что не могли не видеть в Разведывательном управлении. Так, несмотря на все сложности периода чисток и разоблачения «врагов народа», группа Зорге была сохранена, а количество срочных разведывательных заданий Центра, направлявшихся резиденту, было по указанию Гендина значительно увеличено.

Рихард, конечно, не знал, что происходило в Разведупре, где решалась его судьба. До середины 1937 года переписка с Центром носила обычный характер. Однако позже по форме и содержанию поступавших ему указаний Рамзай понял, что в центральном органе военной разведки что-то произошло. Однако думать о том, чем это вызвано, времени не было — обстановка требовала основные силы направлять на ведение разведывательной работы.

Руководство Японии практически открыто говорило о подготовке к войне. В качестве главных противников назывались СССР и США, но первому направлению уделялось наибольшее внимание. В Токио считали, что после нападения Японии на Советский Союз Германия предпримет соответствующие шаги на его западных границах, что еще больше ослабит Советское государство. Правительство Японии, Тайный совет, командование армии и военно-морского флота вели между собой оживленную переписку по этим вопросам, готовили различные планы и меморандумы. Часть этих документов попадала в германское посольство.

Резидентура Рамзая работала с повышенной активностью. Зорге по-

прежнему удавалось фотографировать большое количество закрытых материалов, которые он получал от посла Дирксена и военного атташе Отта. Нередко с очередной почтой Рамзай направлял в Центр по несколько сотен кадров отснятых им документов. Это были политические и экономические обзоры, доклады посла и военного атташе о политической обстановке в Японии, а также приходившие из Берлина запросы по различным направлениям японо-германского сотрудничества.

Стабильным оставалось положение Зорге в германском посольстве и немецкой колонии в Токио. Его назначили заместителем руководителя германского информационного бюро в Японии. Теперь известный немецкий журналист непосредственно контактировал по служебным вопросам не только с послом и военным атташе, но и другими ответственными сотрудниками диппредставительства. Это давало дополнительные возможности получать необходимую информацию. В Москву уходили новые важные донесения.

Центр получил от Рамзая донесение о содержании политического годового отчета посла Дирксена, в котором тот делал вывод, что Япония будет готова к войне только через несколько лет, и предостерегал Берлин от переоценки реальной военной мощи японской армии. В других донесениях сообщалось о плане развития японской авиационной промышленности при помощи Германии, раскрывались другие важные вопросы. В Москве из телеграммы Рамзая узнали о встрече Гитлера со всеми военными атташе Германии, специально прибывшими из-за рубежа, на которой лидер Третьего рейха сделал ряд важных заявлений. Он, в частности, объявил, что сроком готовности германской армии к крупномасштабной войне в Европе определен 1940 год.

Не менее важные данные добывал Одзаки, контролировавший политическую жизнь Японии. На основании его информации Рамзай подготовил сообщения о политической программе кабинета министров Хероты, предусматривавшей отказ от мирного разрешения конфликтов, в которые была вовлечена Япония; о начавшейся подготовке к выступлению против Китая; о продолжающемся перевооружении японской армии. Когда правительство Хероты сменил новый кабинет, возглавлявшийся генералом Хаяси, Одзаки узнал, что тот намерен усилить борьбу с коммунистами в соответствии с Антикоминтерновским пактом. Это могло означать подготовку к войне против СССР.

Авторитет Одзаки в резидентуре значительно возрос, когда через четыре месяца правительство Хаяси сменил новый кабинет. Его возглавил принц Коноэ. Рихард встретился со своим соратником, и они детально

обсудили, какие в связи с этим появились новые возможности. Зорге попросил Одзаки максимально сблизиться с окружением нового премьера и постараться попасть в число его советников. Положение, авторитет и связи Одзаки вполне позволяли это сделать. Он поддерживал отношения со своими знакомыми, работавшими вместе с принцем, а через некоторое время начал сотрудничать с исследовательским обществом «Сёва», которое действовало в Токийском императорском университете. Оно было создано при активном участии Коноэ как дискуссионный клуб по вопросам внешней политики, а затем превратилось в солидную организацию, в нее входили самые известные в Японии специалисты и ученые. Общество занималось философским и идеологическим обоснованием создания в Азии «нового порядка», включения Китая и его ресурсов в «сферу контроля» Японской империи, других предпринимаемых Токио политических шагов в регионе.

Коноэ, заняв пост премьер-министра, приблизил к себе многих членов общества «Сёва», в их число попал и Одзаки — как один из лучших специалистов по Китаю. Сначала он был консультантом, а затем принц официально назначил его советником кабинета министров по китайским проблемам. Начальником секретариата премьера стал Кадзами, хороший знакомый Одзаки, в результате чего он получил доступ ко многим документам, находившимся в делопроизводстве главы правительства. Под предлогом углубленной работы с ними он добился разрешения выносить некоторые из них из офиса, что давало возможность их фотографировать.

Усиба и Киси, личные секретари и однокашники Коноэ по колледжу, включили Одзаки в так называемый мозговой трест премьер-министра, получивший название «Общество завтраков», так как его члены дважды в месяц встречались в утреннее время. В его состав входили влиятельные в Японии лица, в том числе знакомый Одзаки принц Сайондзи, являвшийся консультантом МИДа Японии. Впоследствии он стал внешнеполитическим советником министра иностранных дел Японии. Другим членом «Общества завтраков» являлся Инукаи — депутат японского парламента, экономический советник марионеточного китайского правительства в Нанкине. Одзаки поддерживал тесные отношения и с Сайондзи, и с Инукай, которые стали особо ценными источниками секретной информации для резидентуры Рамзая.

На встречах этого неформального объединения при принце Коноэ обсуждались самые важные внутривластные и международные проблемы, готовились рекомендации, которые, как правило, реализовывались правительством Японии. Так нелегальная группа

советской военной разведки, возглавляемая Рихардом Зорге, получила доступ к структурам и лицам, определявшим политику страны. С этого времени информация, направлявшаяся в Центр, стала носить не только стратегический, но и упреждающий характер: все, что замышлялось в Токио, становилось известно Москве.

При помощи Одзаки удалось определить реальное политическое лицо нового главы кабинета министров, который отличался от других представителей японской политической элиты своей незаурядностью, противоречивостью и непоследовательностью. Он мог разрабатывать грандиозные политические планы, но не был способен до конца реализовывать задуманное. Коноэ стремился сделать Японию сильной державой мирового уровня и был сторонником усиленной милитаризации страны и расширения сфер ее влияния в регионе. При этом он считал, что военный союз с Германией может привести к войне на три фронта — с Китаем, СССР и США, что Японии было не по силам. Коноэ относился к ярким антикоммунистам, но придерживался осторожной позиции в отношении войны против СССР, на чем настаивали представители армии. Внутри страны он призывал к самороспуску всех политических партий, ликвидации профсоюзов, предлагая создать вместо них комитеты управления, куда вошли бы представители промышленных кругов и рабочих.

Рамзай следующим образом информировал Центр о произошедших в Японии событиях: «Создание кабинета министров Коноэ было последним козырем высших кругов Японии. Создание кабинета было поддержано финансовыми и политическими кругами. Кроме того, свою поддержку кабинета высказала и армия. Гражданские власти надеются, что Коноэ сможет подчинить армию и создать военно-гражданскую власть. Армия же стремилась использовать хорошую репутацию и реформистские взгляды Коноэ для достижения своих целей».

Одзаки удалось подтвердить свою прежнюю информацию о подготовке Японии к агрессии в Китае. По полученным им данным, японский генеральный штаб разработал план «молниеносной войны» на континенте, планируя вести ее малыми силами, не ожидая серьезного сопротивления со стороны китайских войск. Началась переброска японских частей и соединений на материк, которая осуществлялась максимально скрытно. Однако Мияги через свои военные источники смог узнать о них и информировал Зорге. Резидент стал собирать аналогичные сведения по всем своим каналам, стремясь точно установить сроки и масштабы японского нападения на Китай.

В то же время оставалась сложной обстановка на восточных границах СССР, где японцы продолжали военные провокации. В ходе одной из них в июне 1937 года на реке Амур произошло столкновение, был потоплен советский пограничный бронекатер, обстрелу подверглись два других военных корабля, пограничники понесли потери. В этот район было переброшено подкрепление из состава ОКДВА, однако дальнейшего развития инцидент не получил. Зорге следующим образом характеризовал произошедшее в своей телеграмме: «Провокация на Амуре была проведена японцами, чтобы выяснить, в какой степени Красная армия сохранила способность к действиям, а также для того, чтобы дать выход агрессивным устремлениям молодых офицеров на фронте. Такого рода эксперименты японцы будут делать и в дальнейшем».

К началу июля Япония завершила развертывание своей группировки в Китае в составе двенадцати пехотных дивизий, усиленных танками, артиллерией и авиацией. К этому времени создалась благоприятная, как считали в Токио, международная обстановка для начала агрессии: Франция и Англия не пожелали препятствовать итало-германской интервенции в Испании, Соединенные Штаты не проявляли желания начинать войну с Японией из-за Китая. Японское руководство считало, что быстрая победа над слабой китайской армией вынудит нанкинское правительство капитулировать, а ведущие страны мира не успеют вмешаться в конфликт и признают безоговорочную победу Японии.

Неподалеку от Пекина 7 июля на мосту Лу-гоу произошло столкновение между японскими и китайскими войсками. Поводом послужил пропавший во время ночного учения японский солдат. В Токио назвали произошедшее «китайским инцидентом», и он стал предлогом для начала масштабных боевых действий. Японцы быстро захватили Пекин и стали продвигаться вглубь Китая в южном и западном направлениях. Масштабы боев расширялись, в сражение вступали новые японские части и соединения. В Токио по-прежнему говорили лишь об «инциденте» и стремились сохранить в неведении международное сообщество в отношении того, что в действительности происходило на китайской территории. В этих условиях Москве было необходимо знать реальную военную обстановку в Китае, особенности японской военной операции, характер оборонительных действий армии Чан Кайши и формирований китайских коммунистов.

Рихард Зорге и его соратники вновь оказались на высоте. Японский генеральный штаб регулярно направлял военному атташе союзной ему Германии подробные сводки боевых действий, с которыми знакомился

Рамзай. Посол Дирксен встречался с высокопоставленными политиками и руководством МИДа Японии и получал от них сведения о событиях в Китае. Одзаки узнавал о дискуссиях в правительстве и принимавшихся там решениях. Мияги добывал сведения о мобилизационных мероприятиях и перебросках дополнительных контингентов войск на континент. Вукелич и Штейн работали среди журналистов и сотрудников информационных агентств, встречались с иностранными дипломатами, выясняя международную реакцию на действия Японии в Китае. Все полученные сведения Рамзай тщательно анализировал и готовил информационные донесения в Центр.

В Москву им были направлены телеграммы, в которых сообщалось, что в ходе мобилизационных мероприятий были развернуты и доведены до штатов военного времени 5, 6, 10, 11, 12, 14 и 15-я пехотные дивизии, которые срочно перебрасывались в Китай. Зорге информировал о точном количестве тяжелой артиллерии и танков, участвовавших в боевых действиях. Через курьера направил фотографии всех видов японской боевой техники, участвующей в боях, подробные характеристики всего японского вооружения. Был также сфотографирован доклад Отта в Берлин, в котором анализировались опыт войны Японии в Китае, особенности боевого применения и тактики действий сухопутных войск, ВВС и военно-морского флота. Центр был информирован о всех высадках крупных японских десантов на китайском побережье, массированном применении авиации, в том числе стратегических бомбардировщиков.

В других донесениях сообщалось, что китайцы намерены сражаться до конца, такие настроения разделяла большая часть населения страны. Китайская армия отступала, но и агрессор нес большие потери. Основные политические силы Китая объединились, им удалось создать единый национальный антияпонский фронт с участием Гоминьдана и коммунистической партии. После этого сопротивление японским оккупантам еще более усилилось. Рамзай информировал, что военное командование Японии задействовало значительную часть своих резервов, но завершить войну в Китае в течение двух месяцев, как рассчитывали в Токио, ей не удастся. Боевые действия принимали затяжной характер.

Китай занимал важное место в советской дальневосточной политике. Москва стремилась не допустить военного поражения Чан Кайши и тем более уничтожения вооруженных формирований компартии. Поэтому информация о реальной обстановке в зоне военного конфликта была чрезвычайно важной. Доклады Разведывательного управления, значительная часть которых была подготовлена на основе донесений

Рамзая, позволяли советскому руководству принимать соответствующие решения, чтобы повлиять на складывающуюся в регионе обстановку.

Узнав, что Япония не в состоянии в короткие сроки захватить весь Китай и что война становится затяжной, Сталин решил оказать нанкинскому правительству военную помощь. Для политической поддержки Нанкина в конце августа 1937 года был заключен советско-китайский договор о ненападении, который нанес серьезный политический ущерб агрессивной политике Японии. Вскоре после этого Рамзай направил в Москву донесение, что, по оценкам японского правительства, Китай в состоянии вести длительную войну и не собирается капитулировать.

Крайне важной была информация о кризисе в германо-японских отношениях, возникшем в результате войны в Китае. Неспособность японской армии сломить сопротивление более слабого противника показала Берлину ненадежность Японии как военного союзника. Токио, в свою очередь, обвинял Германию в оказании военной помощи китайским войскам. Активная деятельность в Китае германских военных советников, помогавших в организации боевых действий против японцев, а также продолжавшиеся поставки военных материалов и боевой техники из Германии вызвали крайне негативную реакцию Токио, где даже было принято решение прекратить военно-техническое сотрудничество с Третьим рейхом и начать переговоры с Италией о поставках оттуда некоторых видов вооружения.

После японских демаршей Гитлер все же решил сделать основную ставку на Японию и приказал отозвать большую часть немецких инструкторов и советников из нанкинской армии, а оставшимся — воздерживаться от активного участия в боях против японской армии. Берлин, как докладывал в Москву Зорге, стремился как можно скорее завершить совершенно не нужную ему японо-китайскую войну. Гитлер предложил Токио свое посредничество и помощь в заключении мирного договора с Китаем — при условии, что японская армия после этого будет повернута на север для развязывания войны против СССР.

Японцы в ответ выдвинули свои условия: Китай объявляет о присоединении к Антикоминтерновскому пакту, а также существенно снижает пошлины на все японские товары. Значительно укрепивший при помощи СССР свои позиции Чан Кайши отверг эти предложения, потребовал вывода японских войск и восстановления статус-кво до начала конфликта.

Важной для Москвы была информация Рамзая об обстановке в регионе и возможных действиях Японии и на других направлениях. Он

сообщил, что командование военно-морского флота, несмотря на задействование значительной части ресурсов страны в Китае, планировало свои операции на южном направлении, намереваясь захватить британский Гонконг и Голландскую Ост-Индию (так в то время называлась Индонезия). Англичане, как стало известно источникам резидентуры, опасались реализации этих планов, так как считали, что не смогут удержать Гонконг в случае японского нападения. Дислоцировавшиеся там несколько пехотных батальонов английской армии не были готовы к войне и даже не создавали оборонительных позиций на подступах к городу.

Ценную информацию удалось добыть Одзаки. По его данным, в правительстве Японии произошло обсуждение планов дальнейших действий Токио. Рассматривались следующие варианты: заключение мирного договора с Китаем; война против СССР; война против Англии. Какого-либо определенного решения принято не было. Зорге направил об этом телеграмму в Москву. Кроме того, проанализировав ситуацию, он пришел к выводу, что Япония, втянувшись в военный конфликт с Китаем, не в состоянии начать новую войну против СССР в 1937-м и начале 1938 года. Вместе с тем, считал он, Квантунская армия продолжает готовиться к агрессии, а японский генштаб корректировал оперативные планы действий на северном направлении.

Зорге, основываясь на полученной информации, в своем донесении отмечал: «Если до сих пор предусматривались преимущественно наступательные методы борьбы с Красной армией, то теперь предполагается на всех фронтах, кроме участка около Владивостока (где будет осуществлен наступательный удар), действовать по принципу “сдерживающего боя”. Существует убеждение, что Красная армия ответит на японскую провокацию наступательными действиями со стороны Читы и Благовещенска. В этом случае ей дадут возможность постепенно проникнуть вглубь Маньчжурии, чтобы, когда она достаточно утомится и будет удалена от полосы собственных укреплений, решительно по ней ударить».

Рамзай также сообщил в Центр, что генштаб Японии склоняется к тому, чтобы ограничить масштабы войны с СССР районом Владивостока, территорией Приморья и Сахалином, где легче будет добиться успеха. Разведывательное управление направляло эти донесения в Генеральный штаб РККА, где они получили высокую оценку и использовались при планировании ответных действий в случае японской агрессии. Получение подобной, как правило, очень закрытой, информации было одной из основных задач военной разведки.

Зорге в очередной раз запросил Центр о сроках своего возвращения. Напряженная работа сказывалась на его состоянии: он находился в Японии уже более четырех лет и чувствовал большую усталость. В конце 1937 года он в ответ получил указание готовиться к возвращению в Москву, которое воспринял как плановое завершение своей специальной командировки. Через некоторое время Центр потребовал отправить в СССР Куусинен и Штейна, а также информировал Рамзая о сокращении финансирования его резидентуры.

В это время в Москве начальник Разведывательного управления решал судьбу Зорге. Гендин еще раз ознакомился с донесениями Рамзая, после чего окончательно решил сохранить нелегальную резидентуру в Токио и не отзывать Рихарда Зорге из командировки. Он, правда, не согласился с проектом телеграммы, подготовленной начальником агентурного отдела, которая была написана в «теплых тонах» и имела целью дать почувствовать резиденту, что отношение к нему со стороны Центра не изменилось и все его запросы будут удовлетворены. В конце декабря Рамзаю была направлена более «жесткая» телеграмма:

«Качество вашей информации стало выше, но запросам старшего Хозяина еще не удовлетворяет. Надо вскрывать все, свидетельствующее о подготовке войны против СССР... Деньги вам будут высланы».

Это означало, что Рихард не только остается в Японии, но и должен улучшить свою работу. С очередной почтой пришли необходимые для оперативной работы денежные средства, а в служебном письме повторялось требование о возвращении в Москву Куусинен и Штейна. Зорге понял, что может надеяться только на себя и своих ближайших помощников. Он встретился с Одзаки и Мияги, попросил их активизировать сбор актуальной разведывательной информации, сам стал действовать более решительно, иногда даже пренебрегая правилами безопасности.

Уже в январе 1938 года Рамзай передал курьеру Центра 38 пленок, содержащих 1212 фотокопий документов посла и военного атташе, сделанных им в германском посольстве. Времени на эту операцию у Рихарда было очень мало, он сильно рисковал, работая в короткие промежутки времени, когда оставался один в кабинете военного атташе. Но риск оправдал себя, и через некоторое время Зорге получил из Москвы следующую оценку: «Присланные документы представляют большую ценность, в особенности материалы военного атташе Отта. Благодарность за работу».

В Москву с начала 1938 года было направлено еще больше телеграмм,

содержавших важную информацию. Только 1 января Центр получил два донесения за подписью Рамзая. В первом из них сообщалось, что японцы создали в Харбине бактериологическую лабораторию, в которой около двухсот научных сотрудников работают с бактериями чумы, тифа и холеры, создавая биологическое оружие для использования в ходе военных действий. Наибольших результатов удалось добиться с возбудителями холеры. Другая телеграмма содержала информацию о подготовке Японией нападения на Внешнюю Монголию, которое могло произойти в скором времени. Затем в Центр поступило еще несколько донесений: о сложной для японцев ситуации на китайском фронте и активизации их попыток добиться от Чан Кайши подписания мирного договора на выгодных для Токио условиях.

В первой половине 1938 года произошли изменения в германском посольстве в Токио, которые помогли Рихарду еще более укрепить там свои позиции. Посол Дирксен покинул Японию, получив новое назначение на пост главы диппредставительства в Великобритании. Он тепло попрощался с Зорге, поблагодарил за помощь. Зорге не менее тепло проводил Дирксена, благодаря которому ему удалось так много сделать для выполнения поставленных Центром задач... Неожиданно для дипломатического состава послом был назначен военный атташе Ойген Отт, получивший незадолго до этого чин генерал-майора.

Новый глава диппредставительства еще больше приблизил к себе своего друга-журналиста. Рихард фактически стал его главным советником, хотя не входил в штат посольства. Ему выделили отдельный кабинет, где он мог работать с секретными документами. Отт знакомил его практически со всей своей перепиской, с результатами встреч с представителями японского руководства, раскрывал все аспекты двустороннего сотрудничества. Каждое утро Зорге, ознакомившись с материалами международных и японских информационных агентств, приезжал в резиденцию посла. За завтраком он рассказывал Отту обо всем важном, что произошло в Японии и мире за прошедшие сутки. Эту информацию Рихард сопровождал безупречным анализом основных фактов и предложениями о подготовке докладов в МИД Германии. Генерал был в восторге от работы талантливого журналиста, искренне помогавшего родине...

Не менее успешно укреплял свое положение Одзаки, который как один из лучших в стране экспертов оказался очень востребованным. Во время дискуссий в «Обществе завтраков» он неоднократно предупреждал местных политиков, что Японии не следует ввязываться в военный конфликт в Китае, так как она будет не в состоянии завоевать эту огромную

страну и увязнет в боях, несмотря на свое военное преимущество. Эти прогнозы полностью подтвердились, что еще больше повысило авторитет советника кабинета министров. Теперь Коноэ нужно было искать выход из создавшегося положения, он нуждался в рекомендациях опытного специалиста по Китаю. По его указанию Одзаки отвели отдельный кабинет в резиденции премьер-министра, он мог в любое время заходить в его секретариат и работать с документами, касающимися обстановки на японо-китайском фронте. Периодически он встречался с принцем, и они обсуждали последние события вокруг Китая. Одновременно соратник Зорге узнавал о ближайших планах и намерениях правительства.

Продолжалась работа по привлечению новых источников информации. Одзаки узнал, что генеральный штаб обратился к главе кабинета министров с просьбой создать в Пекине специальный комитет по изучению военных, политических, экономических и социальных проблем в оккупированном Северном Китае, и добился согласия Коноэ, чтобы все документы этого нового органа направлялись ему. Одзаки также смог устроить надежного агента резидентуры — журналиста Фунакоси, который находился у него на связи, на должность пресс-атташе при штабе командования японских войск в Китае. Для этого ему пришлось проделать большую работу. Сначала он обосновал необходимость пропагандистского обеспечения действий императорской армии и более позитивного представления японской общественности военной обстановки в Китае. Командование с этим согласилось. Затем Одзаки подобрал несколько кандидатур на этот пост, и военные, конечно, по его рекомендации, выбрали нужного ему человека. Фунакоси полностью оправдал доверие и сообщал исчерпывающую информацию о японских войсках в Китае и Маньчжурии.

Этот журналист также поддерживал тесные связи со многими офицерами и японскими чиновниками в Китае. Один из них работал в управлении Южно-Маньчжурской железной дороги, где контролировались все поставки для Квантунской армии. Подробные отчеты с указанием каждого военного эшелона, характера перевозимого груза и пункта назначения регулярно попадали в руки Зорге, что позволяло делать выводы о состоянии военной группировки японских войск в приграничных с СССР районах.

В результате деятельности группы Рамзая в Центр регулярно направлялась детальная информация обо всем, что происходило на японо-китайском фронте. В начале 1938 года Рамзай сообщил о японском наступлении на севере, которое завершилось захватом Шаньдуна. Весной японцы начали сражение за Тайэрчжуан, о котором Зорге также подробно

информировал Центр. Оно завершилось неудачей для японской армии, которая понесла большие потери. В донесениях Рамзай подробно анализировал ход боевых действий, соотношение сил, особенности применения различных видов вооружения.

В одной из телеграмм он делал важный вывод, что продолжающаяся война в Китае уже сильно ослабила Японию и она не сможет осуществить нападение на СССР до завершения этих военных действий. В другом донесении сообщалось, что в Японии возник острый внутривластный кризис. Премьер-министр Коноэ выступил против военно-центристской группировки, обвинив военных в инертности и нежелании вести активные боевые действия. Премьер и его сторонники в правительстве считали, что войну в Китае необходимо закончить как можно скорее. В итоге было решено усилить армию за счет дополнительной мобилизации и переброски подкреплений на континент.

В Москве информация Рамзая по-прежнему получала самую высокую оценку, резидентура находилась на хорошем счету. В мае 1938 года Центр сообщил, что он остается работать в Японии, замена ему пока не планируется. Такое решение было принято руководством Разведывательного управления. Рихард воспринял его со смешанными чувствами: оперативная работа по-прежнему увлекала его, он понимал всю ее важность, но накопившаяся усталость сказывалась на самочувствии и настроении, дома его ждали любимая жена, научная работа, которой он намеревался заняться после завершения командировки. От усталости и напряжения Зорге иногда терял концентрацию внимания, что однажды привело к тяжелым последствиям.

В один из майских вечеров Рихард встретился с Одзаки и получил от него важную информацию, написанную на нескольких листках бумаги. Необходимо было срочно подготовить донесение и отправить его в Москву. У Зорге был мотоцикл, на котором он мог быстро добраться до дома Макса Клаузена, где находился радиопередатчик. Двигаясь по темным узким улицам Токио с большой скоростью, Рихард в какой-то момент не справился с управлением и врезался в стену. Он получил тяжелые травмы: сотрясение мозга, трещина в челюсти, выбитые передние зубы и сильный вывих плеча.

Зорге доставили в ближайшую больницу для иностранцев и оказали первую медицинскую помощь. Он знал, что скоро прибудет полиция для расследования дорожного происшествия. При этом составляется протокол, проверяются и переписываются личные вещи, в том числе содержимое карманов. Допустить этого было нельзя. Собрав все силы, Рихард попросил

доктора, оказавшегося немцем, передать его другу Клаузену, чтобы он срочно приехал в больницу. Дождавшись Макса, Рамзай успел передать ему все компрометирующие материалы и только после этого потерял сознание. Радист забрал документы и уехал еще до прибытия полиции. В соответствии с инструкцией он информировал Центр о происшествии, а после встречи с врачом сообщил, что угрозы для жизни резидента нет, а курс лечения займет около двадцати дней.

Через три недели с серьезными шрамами на лице Рихард выписался из больницы. Ему требовалось дополнительное лечение, и он запросил Центр о трехнедельном отпуске, но ответа не получил. Но, даже проходя курс восстановления и находясь на постельном режиме в своем доме, Зорге не прекращал разведывательную деятельность. Его посещали посол Германии генерал-майор Отт, военный атташе майор Шолль, другие высокопоставленные дипломаты, которые делились с ним информацией по важным вопросам. Посол сообщил о своей готовящейся поездке в Берлин и программе встреч с руководством Третьего рейха, а также подготовленных к этому визиту предложениях по развитию японо-германских отношений. Майор Шолль рассказывал о положении на японо-китайском фронте, дислокации японских войск в Китае, подготовке японской армии к наступательным операциям в центральной части страны. Когда приходил Макс, Зорге диктовал ему тексты донесений, которые готовил на основе информации, полученной от немецких дипломатов.

Навещала Рихарда и давняя знакомая — японка Ханакко Исии. Они встретились в 1935 году, когда Рихард отмечал свое сорокалетие в одном из токийских ресторанов. Его обслуживала миловидная молодая японка, служившая не только официанткой, но и девушкой для развлечения гостей. Как это было принято в Японии в то время, такие женщины по просьбе хозяина заведения вели с гостем милые беседы, шутили, делали всё, чтобы он и далее посещал именно этот ресторан. Особое отношение было к иностранцам, которые делали самые крупные заказы. Нередки были случаи, когда мужчина, живший в Токио один, устанавливал с такой женщиной более близкие отношения: она становилась его «временной женой». В Японии подобные связи не осуждались, многие иностранцы их практически не скрывали.

Вскоре после знакомства Зорге почувствовал, что Ханакко хотела бы видеться с ним не только в ресторане... Поначалу их встречи были редки, но, когда он выписался из госпиталя, его знакомая стала частой гостьей в его доме: приносила лекарства, делала перевязки, готовила блюда национальной японской кухни.

В 1938 году в Японии оказались несколько перебежчиков из Советского Союза, чьи показания нанесли существенный ущерб военной безопасности СССР. В конце мая монголо-маньчжурскую границу пересек на автомобиле начальник артиллерии одной из стрелковых дивизий майор Г. Фронт, который дал подробные показания сотрудникам японской военной разведки. В июне перешел государственную границу и добровольно сдался японским властям начальник УНКВД Дальневосточного края комиссар госбезопасности третьего ранга Г. Люшков. Разведывательное управление потребовало от Рамзая узнать, какие сведения они выдали японцам.

Зорге успешно справился с этим заданием. Ему удалось получить материалы показаний майора Г. Фронта, рассказавшего сотрудникам японской военной разведки о численности и дислокации войск Забайкальского военного округа, а также сфотографировать большую часть текста допроса Г. Люшкова. Майор Шолль присутствовал на допросе и рассказал о многих деталях показаний высокопоставленного перебежчика. Кроме того, в Токио прибыл из Берлина полковник Грейлинг — представитель управления военной разведки и контрразведки ВС Германии, которого направил в Японию адмирал Канарис. Сотрудник абвера лично допрашивал комиссара госбезопасности — чекисты такого высокого ранга еще не попадали к ним в руки. Рамзаю удалось сфотографировать и значительную часть отчета Грейлинга — более ста кадров — и срочно передать в Центр.

Кроме того, в Москву было направлено телеграфное донесение, в котором сообщалось, что Люшков подробно рассказал о дислокации соединений Красной армии на Дальнем Востоке, назвал имена работников внешней разведки ГПУ во Франции, Швейцарии и Германии, раскрыл их прикрытие — советские торговые представительства. В его показаниях содержались сведения о предприятиях военной промышленности на Дальнем Востоке, в том числе о новых заводах, построенных около Хабаровска. Люшков на допросах особо подчеркивал, что военные возможности СССР в Дальневосточном регионе недостаточны и войну против Советского Союза Япония должна начать как можно быстрее. Перебежчик показал, что советская группировка, несмотря на значительную численность, в действительности слабо подготовлена к боевым действиям. По его данным, в ней не хватало опытных командиров, а среди имевшихся было большое количество антисоветски настроенных лиц; плохо работали штабы, большой процент боевой техники выходил из

строю из-за слабой подготовки личного состава. Люшков сообщил также, что почерпнул эти сведения из поступавших ему чекистских донесений.

Не менее важными были сведения, направленные Зорге в Москву во время военной провокации Японии в районе озера Хасан на стыке границ Кореи, Маньчжурии и СССР. Она произошла в июле — августе 1938 года и имела своей целью проверить информацию о состоянии и реальных боевых возможностях войск Красной армии в Приморье, полученную от Г. Люшкова. В японском генеральном штабе решили узнать действительную силу северного соседа и выяснить, намерена ли Красная армия наносить удар в тыл императорским войскам, занятым войной в Китае. Поэтому, когда 6 июня на высоте Заозерная в районе озера Хасан появились советские пограничники и стали укреплять границу, которая в этом месте не была демаркирована, японцы бросили на них пехотный полк. В начавшихся боевых действиях японская группировка была усилена дивизией из состава Корейской армии ВС Японии. Она перешла границу и заняла участок на территории СССР.

Для Москвы действия японских войск были достаточно неожиданными. Советское политическое руководство и военное командование нуждались в достоверной информации о целях и масштабах японской военной акции, дальнейших планах Токио.

В очередной раз донесения нелегальной резидентуры Зорге помогли Генеральному штабу РККА разобраться в складывающейся на дальневосточной границе СССР обстановке. Первоначально Рамзай сообщил, что японские военные ожидают, что Красная армия оставит высоту Заозерная, но все же направляют в этот район свои резервы, в том числе отобранную 19-ю дивизию. В последующих телеграммах говорилось, что японское военное командование не намерено создавать из этого инцидента большую проблему и не хочет его дальнейшего разрастания. Активные действия в этом районе были предприняты японцами, чтобы показать Советскому Союзу свою мощь. Крайне важными были добытые резидентурой данные о том, что японский генштаб в настоящее время, когда главные силы армии брошены в Китай, не заинтересован в войне против СССР.

Командующий Дальневосточным фронтом получил приказ из Москвы в кратчайший срок выбить японцев с советской территории и восстановить положение на границе. В район инцидента был направлен стрелковый корпус, усиленный боевой авиацией. При планировании операции учитывалась информация Зорге, что японцы спокойно воспримут действия советских самолетов в приграничном районе, но если будут подвергнуты

бомбардировкам глубинные районы Кореи или Маньчжурии, то конфликт примет более серьезный характер. Наступательные действия советских войск продолжались четверо суток и завершились разгромом противника, который понес большие потери и отошел на свою территорию. Все ранее утраченные позиции были восстановлены и переданы пограничникам.

Рамзай продолжал информировать Центр об изменении позиции японцев после решительных действий советских войск, их намерении разрешить конфликт в районе озера Хасан дипломатическими средствами. Одзаки получил важные сведения об обсуждении «Номонганского инцидента», как он назывался в Токио, в японском правительстве. Там было принято решение рассматривать ответ народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова на обращение японского посла в Москве как основу для дальнейших переговоров, что позволит урегулировать двусторонние отношения. Зорге также сообщил о недовольстве немцев очередным поражением японских войск, что было расценено в Берлине как их неготовность воевать с сильным противником. По просьбе военного атташе Германии японский генштаб подготовил оценку боевых действий частей Красной армии во время инцидента, которая, естественно, носила негативный характер, хотя проигравшая сторона должна была учесть преимущества победившей.

Рихард имел возможность ознакомиться с этим документом и изложил его содержание в очередном донесении в Центр, отметив, в частности, что японцы назвали следующие недостатки:

- «1. У Красной армии не хватает смелости для рукопашных атак.
2. Ночные атаки подготавливались настолько неумело, что японцы всегда заранее знали, когда начнется атака.
3. Применение танков не произвело впечатления на японцев».

В телеграмме также отмечалось, что подразделения красноармейцев, действовавшие до 9 августа, были обучены очень плохо, но позднее прибыл намного лучше подготовленный контингент. Это была важная информация для командования Красной армии, необходимая для внесения необходимых изменений в планы боевой подготовки войск не только на Дальнем Востоке, но и в западных военных округах.

Продолжал Рихард Зорге и свою журналистскую деятельность. В 1938 году он написал и опубликовал 32 статьи, которые привлекли внимание не только представителей японских правящих кругов, но и высокопоставленных чиновников в Германии. Немецкий журнал «Цайтшрифт фюр геополитик» в одном из своих номеров опубликовал статью Зорге «Гонконг и Юго-Западный Китай в японо-китайском

конфликте», в которой он делал вывод о том, что Япония с большой вероятностью постарается оккупировать важнейшие области Южного Китая, а также захватить Гонконг, находящийся под контролем Англии; на юге первоочередной целью станут Кантон и провинция Гуандун, куда могут быть высажены японские десанты. Ссылаясь на свои источники информации, Зорге отмечал, что Япония пыталась достичь своих целей на юге Китая путем подкупа местных чиновников и организации «внутреннего государственного переворота», однако успеха не добились, так как в Токио не учли, что традиционные сепаратистские настроения на юге сошли на нет и все местные политики поддерживают Чан Кайши в его борьбе с японской агрессией. Поэтому попытка переворота провалилась, его участники были арестованы, а японская авиация, которая должна была нанести удар с воздуха по правительственным гарнизонам, так и не получила сигнала от заговорщиков.

В связи с этим, отмечал автор, Японии остается только использовать военную силу для реализации своих планов. Захват Южного Китая позволит начать оттуда военные операции против Центрального и Северного Китая, что ускорит завершение войны, которая приняла затяжной характер. Ситуация с Гонконгом носит более сложный характер. С военной точки зрения это будет не очень сложно для японской армии, так как в городе находится небольшой английский гарнизон, морские акватории блокируются сильным японским флотом, который не допустит переброски англичанами дополнительных подкреплений. Однако захват Гонконга будет означать войну с Англией, а японское руководство считает, что не может позволить себе враждебных отношений с Советским Союзом и Англией одновременно с ведением боевых действий в Северном и Центральном Китае.

Эта статья вызвала большой интерес в генеральных штабах и у военных аналитиков многих зарубежных стран глубиной анализа и конкретными прогнозами возможных действий Японии. Авторитет автора еще более возрос, когда они вскоре полностью подтвердились. В октябре 1938 года японцы начали масштабные наступательные действия в Китае на южном направлении. После захвата Ханькоу следующей целью наступления стал Кантон. Резидентура Зорге контролировала развитие событий на южном участке японо-китайского фронта, и Рамзай регулярно направлял в Центр телеграммы о развитии военной обстановки в этом районе.

В одном из донесений он сообщил, что японцы провели масштабную десантную операцию в Южном Китае. На ста десантных и транспортных

судах в районе Кантона высадились 18, 101 и 111-я дивизии с полным снаряжением. После захвата этого города японские войска двинутся на Гуанси. В Японии ожидается большая дополнительная мобилизация, так как войск для фронта уже не хватает. Такое развитие событий вызвало негативную реакцию немецкого посольства. В Берлин был направлен доклад — он также стал известен Рамзаю, — в котором говорилось, что японцы становятся бесполезными для Германии в качестве союзника из-за бесконечного затягивания войны в Китае.

Разведывательная работа не прекращалась ни на один день. Зорге отдавал всего себя добыванию информации и руководству своими помощниками и информаторами, но все больше уставал. Сказывались и последствия тяжелой аварии. Рихард дважды обращался в Москву с просьбой вернуть его домой, но Центр ответил, что «обстановка в Европе и на Дальнем Востоке не позволяет удовлетворить просьбу Рамзая». Он также вновь просил руководство Разведывательного управления предоставить ему трехнедельный отпуск, но снова не получил ответа.

Свои чувства и настроение Рихард выразил в письме супруге, которое отправил с очередной почтой:

«Дорогая Катя!

Когда я писал тебе последнее письмо в начале этого года, то я был настолько уверен, что мы вместе летом проведем отпуск, что даже начал строить планы, где нам лучше провести его.

Однако я до сих пор здесь. Я так часто подводил тебя моими сроками, что не удивлюсь, если ты отказалась от вечного ожидания и сделала отсюда соответствующие выводы. Мне не остается ничего более, как только молча надеяться, что ты меня еще не совсем забыла и все-таки есть перспектива осуществить нашу пятилетней давности мечту: наконец получить возможность вместе жить дома. Эту надежду я еще не теряю. Ее неосуществимость является полностью моей виной, или, вернее, виной обстоятельств, среди которых мы живем и которые ставят перед нами определенные задачи.

Между тем миновали короткая весна и жаркое, изнуряющее лето, которые очень тяжело переносятся, особенно при постоянно напряженной работе. И совершенно очевидно при такой неудаче, которая у меня была.

Со мной произошел несчастный случай, несколько месяцев после которого я лежал в больнице. Однако теперь уже все в порядке, и я снова работаю по-прежнему.

Правда, красивее я не стал. Прибавилось несколько шрамов, и значительно уменьшилось количество зубов. На смену придут вставные.

Все это результат падения с мотоцикла. Так что когда я вернусь домой, то большой красоты ты не увидишь. Я сейчас скорее похожу на ободранного рыцаря-разбойника. Кроме пяти ран от времен войны я имею кучу поломанных костей и шрамов.

Бедная Катя, подумай обо всем этом получше. Хорошо, что я вновь могу над этим шутить, несколько месяцев тому назад я не мог и этого.

Ты ни разу не писала, получила ли мои подарки. Вообще уже скоро год, как я от тебя ничего не слыхал.

Что ты делаешь? Где теперь работаешь?

Возможно, ты теперь уже крупный директор, который наймет меня к себе на фабрику, в крайнем случае мальчиком-рассыльным? Ну ладно уж, там посмотрим.

Будь здорова, дорогая Катя, самые наилучшие сердечные пожелания».

На настроение Зорге влияли также поступавшие к нему многочисленные указания Центра. В них ставились конкретные задачи, указывалось на необходимость повысить эффективность работы, давались оценки полученных из Токио материалов, высказывались критические замечания по поводу неактуальности некоторых документов и устаревших сведений. Это было обычной практикой, когда Центр, также непрерывно получавший запросы и указания от высшего военного-политического руководства страны, «подталкивал» руководителей резидентур за рубежом, требовал от них срочного добывания той или иной информации. Но Рихард как опытный журналист и аналитик понимал, что люди, которые давали все эти указания, поменялись в Разведуправлении уже не раз.

Новые сотрудники явно отличались незнанием не только реальной обстановки, складывающейся в Японии и вокруг нее, но даже некоторых вопросов оперативной деятельности. Рамзай догадывался, что в Разведывательном управлении происходят масштабные кадровые изменения, но не сомневался, что новые люди, так же как он сам, настроены на безусловное выполнение поставленных перед военной разведкой задач.

Несмотря на усталость и плохое самочувствие он продолжал активную разведывательную работу. В конце ноября в Центр ушла телеграмма о планах генштаба Японии по ведению войны с Советским Союзом, приводилось несколько вариантов, подготовленных штабистами. Японцы не исключали, что СССР первым осуществит нападение. В этом случае советские войска будут наступать из районов Владивостока и Читы через Внешнюю Монголию в направлении Хайлар-Цицикарской железной дороги. Наступательных действий на Мукден через Монголию японские

генштабисты не ожидали.

Японское командование подготовило три стратегических плана ведения наступательных военных действий против СССР. Выбор конкретного варианта предполагалось сделать накануне нападения. Первый план предусматривал наступление на Владивосток с одновременным ударом по сибирской железной дороге в секторе Сахален — Суньхэ. Второй план заключался в мощном наступлении на железную дорогу Чита — Иркутск с одновременной атакой в секторе Сахален — Суньхэ. Третий план предполагал уничтожение Тихоокеанского флота, всех морских и воздушных баз, а затем высадку крупных десантов в Приморье.

Информация Рамзая носила чрезвычайно важный характер и была немедленно направлена в высшие военные инстанции. Через несколько дней в Москве получили новую телеграмму из токийской нелегальной резидентуры, в которой содержались подробные данные о количестве и тактико-технических характеристиках всех типов танков в японской армии. Конкретные военные сведения дополнялись политической информацией, добывавшейся Одзаки в правительственных кругах Японии.

После встречи с сыном премьер-министра Одзаки сообщил Зорге, что в стране назревает политический кризис. Принц Коноэ признавался своему окружению, что не знает, что делать дальше. Усилились разногласия между командованием армии, капиталистическими кругами и Тайным советом по поводу дальнейших действий в Китае, где никак не удавалось добиться победы, несмотря на задействование почти всех ресурсов японского государства. Эти сведения Рамзай немедленно направил в Центр.

Политический кризис действительно произошел и завершился 3 января 1939 года отставкой Коноэ и его кабинета. К власти пришло новое правительство, которое возглавил барон Хиранума — ставленник могущественной военной группировки и монополистического капитала. Уже через две недели Одзаки собрал сведения о внешнеполитическом курсе нового кабинета министров и передал их Зорге. Вскоре о них знали в Москве. Хиранума был намерен изменить стратегию действий и пойти на замораживание наступательных операций в Китае, ограничившись удержанием уже захваченных территорий и борьбой с партизанами в тылу своих войск. Однако военное командование имело свои взгляды на последующие действия, о чем Рамзай также информировал Москву. В военном командовании сформировались три группы, каждая из которых предлагала свой вариант: первая настаивала на продолжении войны с Китаем до полной победы; вторая была за достижение мирного соглашения с Китаем и подготовку к войне против СССР, а третья поддерживала

прекращение операции в Центральном и Южном Китае и перенос военной активности в Северный Китай и Монголию для последующих действий против СССР.

С конца 1938 года все донесения из-за рубежа, в том числе и резидентуры Зорге, докладывались новому руководителю Разведывательного управления — комдиву А. Орлову, который сменил репрессированного С. Гендина. Он сразу обратил внимание на содержательные телеграммы за подписью Рамзая. Они подробно раскрывали политические, военные и другие вопросы, касающиеся обстановки в Японии и связанные с военной безопасностью СССР. Так, 5 января из Токио пришла телеграмма, в которой сообщалось о шпионской работе Квантунской армии против Советского государства. Рамзай сообщал, что японцы получают большое количество информации путем организации наблюдения с линии границы, а также использования белогвардейцев, находящихся в Маньчжурии, которых засылали на советскую территорию. Кроме того, велась работа с еврейским населением, имеющим родственников в Советском Союзе или Америке. В то сложное время такие донесения имели чрезвычайно важное значение и немедленно направлялись в НКВД.

Вскоре Орлову пришлось решать судьбу Рихарда Зорге. В конце января 1939 года на его имя пришла телеграмма, в которой Рамзай писал: «Если события не получают угрожающего развития, то прошу вашего разрешения на возвращение домой не позднее мая... Я нахожусь в Японии около 6 лет, а это очень много...» Исполняющий обязанности начальника Разведывательного управления затребовал все материалы на резидента и прочитал справку, в которой говорилось о сомнении в политической надежности Рамзая. При этом приводились следующие аргументы: «1. Он раскрыт как резидент военной разведки после провала в Шанхае. 2. Он, возможно, двойник и работает на Германию. 3. На разведывательную работу в Японии направлен врагами народа — Берзиным и другими, сознавшимися в сотрудничестве с иностранными разведками и лицами». Одновременно отмечалось, что информация от резидентуры, как правило, документальная, телеграммы носят достоверный характер и получают высокую оценку. Каких-либо доказательств, подтверждающих обвинения в адрес Зорге, кроме показаний арестованных сотрудников Разведупра, в досье не имелось. К числу других претензий к Рамзаю относились его чрезмерное самолюбие и «большое самомнение». Комдив А. Орлов, имевший опыт зарубежной работы, в том числе в фашистской Германии, принял решение: Зорге продолжает работу в Японии, но все донесения,

поступающие от него, в том числе фотокопии документов, переданные через курьеров, необходимо докладывать ему лично. Он хотел убедиться, что нелегальный резидент в Токио действительно добывает важную информацию.

Рихард вновь получил из Москвы указание оставаться в Японии. В нем также говорилось, что о замене будет сообщено дополнительно. Он воспринял это с большим сожалением, но приказ есть приказ, и деятельность резидентуры в прежнем составе не прекращалась.

Несмотря на уход Коноэ с поста премьера, Одзаки сохранил свои информационные возможности. Принц надеялся вернуться в правительство, а пока его вновь назначили на не менее важный пост главы Тайного совета Японии. Поэтому «Общество завтраков» продолжало свои встречи в доме секретаря министерства иностранных дел, где обсуждались все важные внутривластные события. Все друзья Одзаки по-прежнему пользовались большим влиянием в правительственных кругах. При их содействии соратник Зорге был назначен советником в токийский отдел Южно-Маньчжурской железнодорожной компании, где имелась информация о всех передислокациях японских войск в Северо-Восточном Китае и наращивании потенциала предприятий военной промышленности, находившихся в этом районе. Расширил число своих источников и Мияги, добывавший важную военную информацию.

В то же время у самого Зорге впервые стали возникать трудности в его разведывательной работе в германском посольстве. Из Третьего рейха в дипломатическое представительство было направлено много новых сотрудников, которые заняли все свободные помещения, усилились внутренний контроль и режим безопасности. В этих условиях разведчик уже не мог свободно фотографировать секретные документы в посольстве, а выносить их из здания теперь было категорически запрещено. Сменились люди, которые хорошо знали и полностью доверяли Зорге. У посла Отта не было времени для продолжительных встреч со своим другом, он только изредка давал ему читать в своем кабинете посольские документы, но уже не разрешал брать их домой. Военный атташе майор Шолль делился только устной информацией и очень редко передавал Зорге свои служебные материалы. Другие сотрудники аппарата военного, военно-морского и военно-воздушного атташе относились к корреспонденту настороженно и действовали на основе строгих инструкций, запрещавших допускать посторонних к секретной информации.

Зорге очень переживал, но ничего не мог сделать, чтобы как-то исправить ситуацию. У него даже ухудшилось состояние здоровья, и в

июне он был вынужден на несколько недель лечь в госпиталь для дополнительного курса лечения. Перед этим он направил с курьером письмо в Центр, в котором, в частности, отмечал:

«Дорогой директор!

К сожалению, в связи с моей болезнью последние дни я лично смогу вам доложить очень немного и кратко... Необходимо вам сообщить о растущих трудностях продолжения работы для меня...

У меня такое впечатление, что лучший период моей работы здесь на месте уже прошел совсем или, по крайней мере, на долгое время...

Мы же постепенно становимся использованными, ненужными в отношении наблюдаемых учреждений и важных лиц.

Фрицу в его работе пока везет. Связь и его легализация очень хорошие. Однако и здесь я могу повторить мою старую просьбу еще раз: посылайте новых людей, по меньшей мере в качестве помощников, которые после смогут служить заменой. Это же не дело, что практически всю работу ведем я и Фриц. Мы должны были много лет тому назад получить помощь, которая бы потом развилась в смену и привлекла бы новых помощников. Не забывайте, что я уже 6 лет здесь живу и девять лет на Дальнем Востоке, с очень непродолжительным пребыванием дома. Тяжелый несчастный случай год назад я преодолел, тем не менее девять лет вне дома дают себя чувствовать все больше и больше.

Пожалуйста, передайте Кате привет от меня. Я очень сожалею, что так долго обнадеживаю ее своим приездом. Однако ответственность за это, дорогой директор, несете вы сами.

Мы есть и остаемся ваши старые, верные и послушные сотрудники... Рамзай».

Это письмо читал уже новый руководитель военной разведки — генерал-майор И. Проскуров, назначенный на должность начальника пятого управления РККА (так стало называться Разведуправление) после отстранения от работы А. Орлова. Новый начальник внимательно ознакомился со всеми материалами на Зорге, просмотрел некоторые документы, поступившие из нелегальной резидентуры, поинтересовался причинами его длительного пребывания за рубежом без замены и приказал направить резиденту телеграмму следующего содержания:

«...Все материалы, получаемые от вас, представляют для нас ценность. Качество ваших материалов показывает, что ваше пребывание там оправдывается полностью. Ваша работа для нашей Родины имеет большое значение. Членам резидентуры выделяется денежное

вознаграждение: Рамзай — 1000 ам. долларов, радисту — 500, Одзаки и Мияги — по 200. Планируем вашу замену в конце 1940 года... В оперативной работе делать ставку на японцев.

Директор».

Генерал-майор Проскуров не имел опыта разведывательной работы, но быстро вошел в курс дел возглавляемого им управления. Особое внимание он уделял зарубежным разведывательным структурам, откуда поступала важная информация. Поэтому он недолго думал, прежде чем принял такое решение в отношении токийской нелегальной резидентуры, чьи материалы сразу произвели на него впечатление.

Получив сообщение Центра, Рихард почувствовал большое моральное удовлетворение. Результаты его деятельности по-прежнему важны, и он со своими сотрудниками, несмотря на все трудности, будет делать всё, чтобы помогать Родине в это сложное время. В ответном письме Зорге писал:

«...Как бы сильно мы ни стремились отсюда домой, мы, конечно, выполним ваши указания и будем продолжать здесь работу. С благодарностью принимаем выданную вами сумму для отдыха и отпусков. Единственная трудность состоит в том, что нелегко будет получить отпуск. Если мы пойдем в отпуск, то это сейчас же понизит нашу информацию».

Обстановка же требовала непрерывной работы. Японское руководство после успешных действий в Европе Германии, добившейся расчленения, а затем захвата Чехословакии в результате Мюнхенского соглашения, надеялось, что западные страны пойдут на уступки и на Дальнем Востоке. Токио начал проводить агрессивный внешнеполитический курс в отношении Англии и Америки, открыто заявляя о своих планах завоевания господства в Азии и на Тихом океане. Одновременно велись переговоры с Германией и Италией о заключении военного союза. После поражения японской армии на Хасане императорский генеральный штаб продолжал планировать военные операции против СССР, чтобы поднять патриотические настроения в армии и народе, а также нанести такой ущерб Советскому Союзу, чтобы он прекратил оказывать Китаю военную и другие виды помощи. Информация по всем этим вопросам циркулировала в правительственных кругах, среди военных, журналистов и иностранных дипломатов. Рихард Зорге, как и ранее, тщательно анализировал все попадавшие к нему сведения и наиболее важные из них направлял в Центр.

Рамзай информировал Москву о ходе японо-английских переговоров, целью которых было заставить Лондон отказаться от помощи Китаю и признать исключительные права Японии на эту страну. В конечном итоге

английское руководство пошло на признание японских захватов в Китае, заключив с Токио так называемое соглашение Ариты — Крейги (Роберт Лесли Крейги — британский посол, Хатио Арита — министр иностранных дел Японии), которое стали считать дальневосточным вариантом Мюнхенского сговора. Резидентура Зорге также докладывала о развитии японо-американских отношений, в том числе о том, что уступки Вашингтона только увеличивали агрессивность японских правящих кругов, которые ускоренными темпами создавали мощный флот, явно готовясь к силовым действиям в Тихоокеанской зоне.

Создание японо-германо-итальянского военного союза сопровождалось трудностями и противоречиями. В Токио вначале согласились на его подписание, считая, что пакт направлен против СССР. Однако оказалось, что Берлин и Рим настаивали на его направленности против Англии. Японцы же не хотели осложнения отношений с Англией и Америкой. Этой позиции придерживались премьер-министр и военно-морские круги. Зорге неоднократно докладывал в Москву о том, что предлагала Япония своим европейским партнерам. Последнее из них содержало следующие позиции: «1. В случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР. 2. В случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Япония также автоматически присоединяется к Германии и Италии. 3. В том случае, если Германия и Италия начнут войну против Англии и Франции (Советский Союз не будет втянут в войну), то Япония по-прежнему будет считать себя союзником Германии и Италии, но военные действия начнет против Англии и Франции только в зависимости от общей обстановки». В итоге Гитлер и Муссолини отклонили японские предложения и подписали двусторонний германо-итальянский договор о военном союзе.

Зорге, несмотря на почти полное прекращение доступа к закрытым документам посольства, получал больше сведений о том, что происходило в Германии. Токио посещало много различных визитеров из Третьего рейха, и Рихарду не составляло большого труда разговорить их, создав соответствующие условия в местном баре или другом увеселительном заведении. Известный в Германии журналист не вызывал настороженности у гостей из Берлина. Ему также очень помогало письмо, которое он получил из Берлина по случаю своего 43-летия:

«Дорогой партайгеноссе доктор Зорге! По поручению господина рейхсминистра фон Риббентропа посылаю вам в качестве особого признания фотографию господина рейхсминистра с его собственноручной подписью. Господин рейхсминистр благодарит вас за выдающуюся работу

в германском посольстве в Токио и передает также сердечные поздравления по случаю вашего дня рождения. Хайль Гитлер».

Как бы невзначай показанная фотография одного из приближенных к фюреру лиц с его личным автографом оказывала магическое воздействие на собеседников, которые рассказывали о многом. В телеграмме, направленной в Москву в мае 1939 года, Рамзай информировал, ссылаясь на данные, полученные от лиц из ближайшего окружения Геринга, что в сентябре 1939 года Германия захватит Данциг и отберет у Польши старую немецкую территорию, отбросив ее на юго-восток Европы. Другой визитер, военный атташе Германии в Москве генерал-майор Кёстринг, рассказал послу Отту, что первым противником Германии в настоящее время является Польша. Эти сведения дополняли данные, получаемые из европейских разведывательных аппаратов, и положительно оценивались Центром.

Все же главное внимание в своих информационных донесениях Рихард Зорге уделял, как это требовало от него Разведывательное управление, событиям в самой Японии и состоянию ее вооруженных сил. Еще в начале 1939 года Рамзай отмечал, что, по его оценкам, японцы весной пойдут на военные провокации против СССР, которые приведут к отдельным инцидентам. Поэтому резидентура, используя возможности Мияги и его источников, старалась контролировать местоположение всех дивизий японской армии, их боевой состав и оснащенность боевой техникой. Кроме того, в Центр регулярно направлялись сведения о японской военной промышленности, ее основных предприятиях и выпускаемой ими продукции.

Характер получаемых запросов подсказывал Зорге, что Москва расценивает обстановку в мире как крайне опасную и готовится к возможному началу большой войны. В связи с этим к военной разведке предъявлялись повышенные требования. В июне 1939 года Рамзай проанализировал ситуацию и направил в Центр донесение, в котором, в частности, говорилось:

«1. Военное выступление Германии и Японии против СССР в ближайшее время маловероятно.

2. В течение ближайших месяцев решится судьба Польши.

3. Затянувшаяся война в Китае вызывает напряжение всех сил Японии. Империя должна реорганизовать и перевооружить свои вооруженные силы. На это уйдет 1,5–2 года. Япония будет готова к большой войне не ранее 1941 года.

4. Несмотря на союзнические отношения с Германией и Италией Япония будет вести себя осторожно. Если они развернут войну в Европе, то

японцы предпримут враждебные действия на Дальнем Востоке против Англии и Франции, обратят особое внимание на Сингапур».

К донесению прилагались отчет о состоянии экономики Японии, данные о ресурсах и возможностях ее промышленности обеспечивать армию всем необходимым для ведения длительной войны.

Последующее развитие событий показало, что прогноз, подготовленный выдающимся советским военным разведчиком, полностью подтвердился.

РЕШАЮЩИЕ ИСПЫТАНИЯ РЕЗИДЕНТУРЫ «РАМЗАЙ»

В весенне-летний период 1939 года обстановка на дальневосточных границах СССР вновь обострилась. Политическое руководство Японии и армейское командование, не добившись серьезных успехов в войне с Китаем, пошли на организацию военной провокации в приграничном районе МНР. В Токио надеялись добиться быстрого военного успеха и доказать союзникам и потенциальным противникам, что японская армия обладает высоким боевым потенциалом.

Местом провокации был выбран безлюдный район в районе реки Халхин-Гол у восточного выступа границы МНР, который был удален от районов дислокации и баз снабжения монгольских войск и поддерживавшего их отдельного корпуса РККА. Это ограничивало, как считало японское военное командование, возможность ответных действий со стороны Советского Союза и Монголии. В этот район скрытно перебрасывались части и соединения японской армии, усиленная группировка боевой авиации. Одновременно велась активная пропагандистская кампания с целью убедить японскую и международную общественность, что СССР использует МНР в качестве плацдарма для расширения своего влияния и «большевизации» Внутренней Монголии, Маньчжурии, Маньчжоу-го и Китая.

Нелегальная резидентура Зорге использовала все возможности, чтобы добывать и докладывать в Центр информацию о планах и реальных действиях японцев в районе Халхин-Гола. Одзаки, имевший прямой доступ к документам Южно-Маньчжурской железной дороги, еще в начале 1939 года обратил внимание Рихарда на срочно прокладываемые железнодорожные ветки в направлении границы Монгольской Народной Республики. Он собрал списки воинских эшелонов, перебрасываемых по ним, состав передислоцируемых частей и пункты разгрузки. Мияги удалось добыть подробные данные о японских войсках в восточной части монгольской границы, их боевом составе и вооружении.

После первых вооруженных столкновений между японскими и монголо-советскими войсками Центр стал требовать от резидентуры дополнительных сведений о планах японцев: намерены они только создать плацдарм на территории МНР или после первых успехов развернуть

полномасштабные военные действия против Советского Союза. Анализируя собранную информацию о развернутой в районе конфликта крупной группировке японских войск, в составе которой была новая 6-я армия, Зорге сначала пришел к выводу, что японцы намерены через Монголию вторгнуться в советское Забайкалье.

Однако вскоре у него появились другие сведения. Бранко Вукелич в качестве корреспондента французского агентства новостей в составе группы иностранных журналистов и военных дипломатов был приглашен японским военным командованием в район боевых действий. Он вернулся из этой поездки с данными о дислокации японских войск, в том числе авиации на полевых аэродромах, а также о японской артиллерии и бронетанковой технике, развернутых в районах боев. Самым же важным результатом поездки стали сведения, полученные им от сотрудника информационного отдела Квантунской армии: «Нет никаких оснований для того, чтобы этот инцидент привел к широкомасштабной войне с Советским Союзом. Японское правительство отдало приказ войскам, запрещающий переход границы».

Самому Зорге аналогичную информацию сообщил новый германский военный атташе в Токио полковник Матцки. По его сведениям, японскому генштабу было запрещено использовать сражение на Халхин-Голе для расширения агрессии против Советского Союза. Все эти данные незамедлительно направлялись в Москву. По указанию Сталина была проведена ответная военная операция с целью нанести японской армии ощутимое поражение и «отбить у нее охоту к подобным инцидентам». Данные военной разведки, в том числе от резидентуры «Рамзай», помогли лидеру Советского государства быть в курсе всех происходящих в районе японской провокации событий и принимать обоснованные решения.

В конце августа 1939 года советские войска нанесли ряд ударов по 6-й армии, которые привели к ее окружению и последующему разгрому. Большая часть японской группировки была уничтожена, и вся территория МНР очищена от противника. В телеграммах Рамзая говорилось о шоке, который испытали политическое руководство и военное командование Японии от этого поражения. Первоначально генштабом были отданы распоряжения о переброске всех резервов в район проигранного сражения, но в середине сентября Зорге сообщил в Центр, что японское командование настроено на прекращение боевых действий на монгольской границе и уже начат отвод всех участвовавших в боях войск.

Не меньший шок в Токио вызвала информация о заключении в Москве советско-германского договора о ненападении, о котором Берлин не

посчитал необходимым заблаговременно информировать своего восточного союзника. Одзаки рассказал Зорге, что происходило в это время в «верхах». Рамзай сообщил в Москву, что заключение «пакта Молотова — Риббентропа» вызвало в Токио «огромную сенсацию» и рост антигерманских настроений. В связи с этим возможны отставка правительства и расторжение антикоминтерновского пакта с Германией. Отмечалось нарастание внутривосточного кризиса. Ряд политических группировок требовали заключить договор о ненападении с СССР и изгнать Англию из Китая.

Реальное развитие событий полностью подтвердило информацию токийской резидентуры. Кабинет Хиранумы ушел в отставку, так как «возникла необходимость в отказе от прежнего политического курса и выработки новой политики из-за создавшейся сложной и запутанной обстановки». Новое правительство возглавил отставной адмирал Абэ. Доверительные связи Зорге в германском посольстве и источники Одзаки позволили быстро установить основные политические и военные приоритеты нового кабинета министров. Для Рамзая наибольший интерес представляла информация о его планах относительно развития отношений с СССР. Получив нужные сведения, он сообщил в Москву, что перемирие на границе МНР фактически означает отход японской политики от авантюризма в отношении Советского государства. Все политические фракции согласны с прекращением военных авантур против севера. Даже наиболее радикальные группы призывали к заключению договора о ненападении с СССР. Кроме того, вооружение японской армии уступало, как показали события на Халхин-Голе, советским образцам и потребуются несколько лет, чтобы довести его до необходимого уровня.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война, резко изменившая международную и военно-стратегическую обстановку. Однако в Токио этого особенно не отмечалось. После «предательства» Берлина Япония воздержалась от выражения поддержки Германии. Учитывались также традиционно дружественные отношения Токио с Польшей, которая рассматривалась как союзник в случае возможного конфликта с Советским Союзом. Правительство Абэ ограничилось заявлением о «неучастии в европейской войне». Наибольшее внимание в Токио вызвало вступление в военные действия Англии, которая противостояла Японии в Азии. Командование вооруженных сил надеялось узнать о действительных боевых возможностях англичан.

Рихард понимал, что Вторая мировая война повлияет на судьбы многих стран и народов. Он хорошо помнил, что происходило в Европе в

1914–1918 годах: первоначальный всеобщий националистический подъем, последующие кровопролитные сражения, ухудшение условий жизни населения, политические потрясения и кризисы. Последствия новой войны будут более страшными и масштабными. Зорге еще в 1928 году в своей работе «Новый германский империализм» предупреждал об этом, предсказав также роль немецкого фашизма в создании военной угрозы в Европе и во всем мире.

Япония формально не вступила в мировую войну, хотя в действительности уже продолжительное время вела масштабные военные действия в Азии. Уже в 1935 году японская империя осуществила захват Северо-Восточного Китая, а в 1937 году напала на Центральный Китай. Война против соседней огромной азиатской страны потребовала привлечения практически всех экономических и военных ресурсов Японии. В Стране восходящего солнца официально не был введен режим военного положения, хотя фактически он действовал в течение нескольких последних лет. Повседневная жизнь для большинства населения стала сложной, отмечалась нехватка многих необходимых вещей и продуктов питания. Ситуация в Японии, как видел Рихард, была даже хуже, чем в Германии в 1918 году. Невозможно было купить многие бытовые изделия, вместо натуральной кожи, например, обрабатывались и продавались крысиные шкурки.

Однако это не влияло на агрессивные намерения японского правительства и военного ведомства. В Токио выжидали, как будут развиваться дальнейшие события в Европе, корректируя свои планы действий на севере и на юге и не отказываясь от собственных претензий на мировое господство. После проведения дополнительной мобилизации вооруженные силы Японии достигли 1,2 миллиона человек. В стране продолжали культивироваться воинственный дух, идеалы самурайской доблести. Военные учебники, как рассказывал Рихарду Мияги, прививали солдатам и офицерам «непоколебимую уверенность в победе», главным средством достижения победы в сражении считались штыковые атаки, сопровождавшиеся криками «Банзай!» (сокращенное от «Десять тысяч лет императору!»). Правда, это не очень помогало в Китае, где японская армия вела затяжные бои против более слабого противника.

Японские военные «отличились» там с другой стороны, продемонстрировав невиданные цивилизованному миру зверства. Это проявилось во время массового убийства мирных жителей в хорошо известном Рихарду Нанкине, где в основном с применением холодного оружия и заостренных бамбуковых палок японскими солдатами было

уничтожено около трехсот тысяч китайцев. Ему рассказал об этом знакомый немецкий предприниматель, видевший это своими глазами. Он был настолько поражен жестокостью японцев, что сравнил их со зверствами орд Чингисхана. От рядовых не отставали офицеры. Два из них поспорили, кто быстрее зарубит своим мечом сотню китайцев. Победил потомственный самурай, убивший 106 человек, его соперник — 105. Поразительным для Зорге было то, что подобные случаи не скрывались, а описывались в газетах как примеры «настоящего самурайского духа».

В складывавшихся условиях важно было узнать, в какой последовательности и по каким направлениям будут реализовываться захватнические намерения Японии. Рамзай получил задание Центра выяснить планы Токио после начала Второй мировой войны, уделив особое внимание возможной агрессии против СССР. Опираясь на сведения, добытые его незаменимыми помощниками Одзаки и Мияги, данные из германского посольства, Зорге проанализировал ситуацию и подготовил донесение в Москву. В нем он отметил, что несколько частей японской армии переброшены с Японских островов в Квантунскую армию. Однако Япония в текущем году и до весны 1940 года гарантированно не планирует нападение на СССР. Это донесение вместе с другими сфотографированными секретными документами (всего 23 пленки) в декабре было передано курьеру Центра и вскоре доставлено в Разведывательное управление.

После начала Второй мировой войны Центр ужесточил, как сразу почувствовал Рихард, требования к работе токийской резидентуры. Особое внимание следовало уделять документальным данным о японской армии, включая дислокацию и вооружение всех японских дивизий, подробные сведения о командном составе вплоть до командиров полков. В категоричной форме была поставлена задача в кратчайшие сроки привлечь к сотрудничеству нескольких действующих японских офицеров.

За годы работы в Японии Зорге создал коллектив единомышленников, объединенных общей целью. Костяк нелегальной резидентуры составляли Вукелич, Клаузен, Одзаки и Мияги. Анна Клаузен выполняла обязанности связника, совершая поездки в Китай для встречи с курьерами Центра и передачи им секретной почты. Она неоднократно попадала в сложные ситуации, но умелыми и хладнокровными действиями не давала повода полицейским задержать ее и перехватить секретные документы.

На связи у Одзаки и Мияги находилось до двадцати источников-информаторов. Некоторые из них были их личными знакомыми и разделяли их политические взгляды, другие, особенно информаторы Одзаки,

использовались втемную. Многие источники Мияги работали на материальной основе, совершая поездки в Маньчжурию, Китай, определенные районы Японии, где собирали различные данные о японской армии. Наиболее ценным источником Мияги являлся отставной унтер-офицер, сохранивший связи со многими сослуживцами. В целях безопасности Рихард не встречался с этими информаторами, полностью доверяя Одзаки и Мияги.

С началом войны положение самого Зорге в германском посольстве еще более укрепилось. Посол Отт поручил ему выполнять обязанности пресс-атташе диппредставительства и обеспечивать выпуск бюллетеня посольства «Дейгер дипст». Рихард по-прежнему официально не входил в штат посольства, но фактически стал «фюрером» германской прессы в Японии и руководил работой всех немецких корреспондентов в стране. Он же отвечал за взаимодействия с японским телеграфным агентством «Домей Цусим».

Каждое утро Зорге приезжал в это агентство, знакомился с сообщениями о ходе войны в Европе, обстановке в мире, азиатском регионе и в самой Японии. Затем направлялся в посольство, где его ждал глава диппредставительства. Генерал-майор Отт полностью доверял своему другу, который был самым осведомленным человеком во всей немецкой колонии. За завтраком Рихард рассказывал послу последние новости, а тот показывал документы, поступившие из Берлина, советовался, как лучше на них ответить. Позже к ним присоединялись военный, военно-морской и военно-воздушный атташе, а также недавно прибывший в страну сотрудник гестапо Мейзингер. Для них Зорге делал небольшой обзор событий в мире и Японии, а затем, как правило, происходил обмен мнениями. При этом немецкие дипломаты нередко рассказывали о содержании важных секретных документов.

Внимание Рихарда привлек Йозеф Мейзингер, назначенный атташе по вопросам полицейского сотрудничества с японскими правоохрнительными органами. Одновременно он отвечал за внутреннюю безопасность в германском посольстве. Зорге без труда сблизился с ним. Двухметровый гестаповец не отказывался от угощения, и они много времени проводили в барах и пивных. Оказалось, что новый сотрудник был весьма далек от внешнеполитических вопросов и особенностей работы спецслужб за рубежом. До прибытия в Токио он руководил отделом в центральном аппарате гестапо, отвечавшем за борьбу с гомосексуализмом и абортами, а затем возглавлял 4-ю айнзатцгруппу в Польше, занимавшуюся очисткой освобожденных территорий от противников Третьего рейха, что

означало массовые аресты и казни. В лице Зорге он нашел человека, способного оказать ему помощь практически по всем вопросам его деятельности в Токио. По отношению к другим сотрудникам посольства Мейзингер держался высокомерно, делая исключение лишь для посла Отта и Рихарда.

Таким образом, в диппредставительстве создалась «руководящая тройка», в которую входили Отт, Мейзингер и «фюрер» прессы Зорге. Он мог получать многие документы в посольстве и работать с ними в своем кабинете, получив таким образом возможность фотографировать закрытые посольские материалы. Уже в январе 1940 года в Центр были направлены 23 пленки с отснятыми документами германского диппредставительства. Теперь съемки приходилось делать урывками, потому что в комнату Зорге практически постоянно стучали визитеры. К известному журналисту и доверенному лицу посла за консультациями приходили сотрудники посольства, прибывающие из Берлина члены различных делегаций и даже чиновники МИДа. Рихард рисковал, быстро пряча фотоаппарат, когда неожиданно открывалась дверь, но продолжал делать свою работу. К его сожалению, из-за этого ухудшилось качество фотоматериалов, на что Центр несколько раз указывал ему.

В связи с вступлением Германии в войну Зорге стал уделять больше внимания военному потенциалу Третьего рейха. Ему удалось переснять ориентировку генерального штаба германским дипломатическим представительствам. В этом секретном докладе отмечалось, что к середине 1939 года численность армии достигала 2,5 миллиона человек. Сухопутные войска включали 51 дивизию, в том числе пять танковых и четыре моторизованные. Вдоль границы с Голландией, Бельгией и Францией немцы построили укрепленную линию Зигфрида, состоящую из семнадцати тысяч подземных железобетонных сооружений, в которых могло быть размещено до пятисот тысяч солдат. После беседы с военными визитерами из Берлина Рихард подготовил телеграмму об опыте ведения Германией войны в Польше. В ней он отметил, что вместо использования тяжелой артиллерии, как это имело место во время сражений Первой мировой, немецкие генералы задействовали на основных направлениях танковые дивизии при поддержке бомбардировочной авиации.

Несмотря на удаленность от Европы резидентура Рамзая добывала и направляла в Центр информацию о складывающейся там ситуации, намерениях руководства Германии по дальнейшему ведению военных действий. Рихард понимал, что это для Москвы очень важно знать: на запад или на восток направит свои армии Гитлер и возможно ли создание

антисоветского германо-английского фронта. Для получения ответа на эти вопросы Зорге беседовал со всеми прибывающими из Берлина лицами, начиная от помощника Риббентропа Штамера до всех германских военных, попадавших в Токио для решения различных служебных задач. Искусство «выуживать» нужные сведения всегда было сильной стороной советского разведчика, и он делал это с присущим ему мастерством. Кроме того, посол Отт и военный атташе регулярно знакомили Рихарда с официальными японскими оценками событий на Западе.

Зорге довел до Разведывательного управления прогнозы генштаба Японии о перспективах и направленности военных действий в Европе. Японские генералы считали, что Германия или потерпит поражение, или заключит соглашение с Англией против СССР. Не исключалось также, что Германия нападет на СССР. Сведения от немецких источников были более конкретными. Рамзай направил в Центр несколько телеграмм о подготовке Берлина к войне на западе. По полученным им данным, Гитлер, Риббентроп, Гиммлер, Геббельс и Редер выступали за наступление на западном фронте. Оно должно было начаться в первые месяцы 1940 года и вестись через Бельгию или около бельгийской границы в направлении французского, бельгийского и голландского побережья. Захват побережья необходим для победы над Англией. Война с Англией должна начаться нанесением ударов по гаваням, другим военным объектам на берегу, чтобы нарушить британское снабжение морем.

Все же главное внимание резидентура продолжала уделять событиям в Восточной Азии. Источникам Рамзая удалось собрать много важной информации о действиях Японии на китайском фронте. В Центр направлялись телеграммы о подготовке японской армии к активизации действий против Чунсина, захвату провинции Фуцзянь. Заблаговременно поступила информация о подготовке наступления против провинции Юньнань и бомбардировок границ Бирмы с целью прекращения западных военных поставок в Китай. Большинство этих телеграмм направлялось Разведывательным управлением в высшие военные инстанции в форме «важного сообщения», что являлось высокой оценкой и свидетельствовало о высокой достоверности этих сведений. В ответ на запросы Центра собирались данные о дислокации японских дивизий, этапах проводившейся мобилизации, деятельности военной промышленности и выпускаемых ею вооружении и боевой техники. Мияги от одного из своих информаторов получил подробные сведения об организации и вооружении ВВС Японии.

На основе анализа всех имеющихся данных Рихард подготовил обобщенный документ по японской авиационной промышленности, в

котором перечислил все профильные заводы с указанием количества выпускаемой ими военной продукции. Крайне важными для Москвы были сведения о том, что японцы на ряде участков границы с СССР возводят туннели, предназначенные для скрытной переброски войск на советскую территорию. Добываемой Рамзаем, его соратниками и помощниками информации было настолько много, что уже в мае 1940 года с очередной почтой в Центр была передана 31 фотопленка. Это были аналитические справки, а также отснятые материалы германского посольства и добытые Одзаки документы из правительственных кругов Японии.

В поле зрения разведывательной группы Зорге продолжала оставаться внутриполитическая обстановка в Японии. Доклады германского посла Отта в Берлин, с которыми знакомился Зорге, и данные Одзаки, часто получаемые практически из «первых рук», позволяли детально информировать Москву о том, что происходило в руководстве Японии. Зорге своевременно сообщил в Центр, что кабинет Абэ крайне слабый и его отставка неизбежна, а также отметил, что кто бы ни был назначен новым главой правительства, серьезных перемен во внешней и внутренней политике страны не произойдет, главным в его деятельности станет решение проблемы войны с Китаем, которая обязательно должна быть прекращена. При этом он назвал все рассматривавшиеся Тайным советом кандидатуры.

Как и предсказывал Зорге, вскоре Абэ ушел в отставку, новый кабинет возглавил адмирал Мицумаса. Одзаки быстро выяснил внешнеполитическую программу нового главы правительства: стремление к политическому сближению с Америкой и Англией. Однако этот курс не поддерживала армия, руководство которой было дружественно настроено к Германии и намеревалось в ближайшее время начать нормализацию отношений с СССР. Одзаки также отметил слабость нового правительства, так как оно было создано теми, кто поддерживал прежний курс, и теми, кто выступал за реформы.

В донесениях резидентуры были подробно описаны действия японского руководства по решению китайской проблемы. В оккупированном Нанкине Токио создал марионеточное правительство, во главе которого поставил переметнувшегося от Чан Кайши прояпонского политика Ван Цзинвэя. Именно с ним были начаты «мирные» переговоры. Японцы декларативно обещали ему вывести войска из Китая через два года. Рамзай информировал Москву обо всех важных событиях, связанных с созданием марионеточного правительства. Он получил от посла Отта и сфотографировал документ, содержащий основные задачи, которые японцы

ставили перед Ван Цзинвэем. Он должен образовать три особые зоны в Китае: особую антикоммунистическую во Внутренней Монголии, особую антикоммунистическую в Северном Китае и особую зону на побережье Южного Китая и острове Хайнань.

Резидентура Рамзая также собирала информацию о возможных действиях Японии на южном направлении. В Токио после успехов Германии на западном фронте пересматривались планы движения на юг в надежде достичь военных успехов, как германская армия. Зорге информировал Москву о подготовке японских войск, дислоцированных на острове Хайнань, к операции против Голландской Индии. В целях подготовки к активным действиям против Гонконга, находившегося под контролем Англии, и французского Индокитая, информировал Центр Рамзай, в Японии началась новая мобилизация, в ходе которой в армию и флот призывались резервисты в возрасте от 26 до 37 лет.

Крайне важным было сообщение Зорге о начавшемся обсуждении раздела зон интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе между Германией и Японией. В нем говорилось, что представитель Риббентропа прибыл в Токио с особо секретным заданием — Германия заинтересована в налаживании тесного сотрудничества со своим восточным союзником на следующих принципах: Голландская Индия, Сингапур и южно-морские острова остаются под японским влиянием; одновременно Япония должна уступить Германии южную часть Тихого океана; Германия требует проведения антибританских акций в регионе, а также поддержки действий Германии против Америки в Тихом океане, если она начнет войну против Третьего рейха. Токио отверг эти принципы, но стал еще более активно готовиться к экспансии на юг, чтобы успеть закрепить там свои позиции на фоне поражения западных союзников в Европе.

Продолжающаяся Вторая мировая война сказалась не только на информационной, но и на оперативной работе резидентуры. В условиях военного времени курьерам Центра стало невозможно прибывать не только в Японию, но и в Китай, где ранее в Шанхае происходило большинство конспиративных встреч. Китай жил в условиях военного времени, все иностранцы там находились под усиленным контролем. Кроме того, морское пассажирское сообщение было существенно ограничено, попасть в Японию и Китай из-за рубежа становилось проблематичным, а все немногочисленные иностранцы попадали под плотное наблюдение полиции и военной жандармерии. В связи с этим в Разведывательном управлении было принято решение организовывать встречи в Токио одного из членов группы Рамзая с представителем советского посольства в

японской столице. Несмотря на крайнюю опасность этого шага, других способов оперативно получать крайне важные для Москвы материалы от нелегальной разведгруппы Зорге практически не было.

Перед этим по указанию начальника Разведупра генерала И. Проскурова было проведено совещание, на котором обсуждались работа резидентуры и возможность замены Рамзая в 1940 году, как это планировалось ранее. Участники обсудили все возможные варианты, в том числе направление в Японию другого нелегального разведчика, работавшего в Китае, но пришли к выводу, что в создавшихся условиях сделать это невозможно, учитывая положение Зорге в германском посольстве и его тесные связи с ближайшими помощниками. Заменить его, не снижая результативность разведывательной работы, никто не сможет. Проскуров согласился с этим.

Рихарда изменение условий связи с Центром встревожило. Он хорошо понимал, насколько опасными будут такие встречи в Токио, где дипломаты враждебных Японии государств, тем более советские, после начала Второй мировой войны стали контролироваться полицией еще более тщательно. Поэтому риск значительно возрастал. Первоначально Зорге предложил проводить такие встречи один раз в два месяца, но Центр настоял на ежемесячных встречах, так как нуждался в оперативном получении секретных материалов и документов. С мая 1940 года новая система связи начала действовать, с представителем советского посольства конспиративно встречался Клаузен, периодически его заменял сам Зорге.

Другой проблемой, которая все больше сказывалась на работе резидентуры, стала большая усталость практически всех членов разведывательной группы, которая приводила не только к нервным срывам, но и физическому истощению. Это в полной мере относилось и к самому Зорге, но наибольшие опасения у него вызывал радист Клаузен, который по состоянию здоровья не всегда мог работать на радиостанции. В связи с этим Рихард написал специальное письмо в Центр, изложив все проблемы в работе резидентуры, в том числе касавшиеся получения документальных материалов по японской армии, а также вновь поднял вопрос о необходимости замены ключевых сотрудников его группы:

«Мы хотим указать новую трудность при добывании интересующих нас сведений.

Во-первых, военный атташе долгое время отсутствовал и, кроме того, по возвращении организовал свое производство для наших целей, еще менее интересное, чем прежде. Атташе сейчас занят главным образом пропагандой германских достижений в среде высокопоставленных

японцев. После его возвращения активный интерес к сбору материалов о японцах упал до нуля. Он не пишет также более известных вам докладов, а посылает только личные письма одному из доверенных людей в министерстве.

Перехожу к организационным вопросам.

1. Болезнь Фрица.

К сожалению, мы все должны признать тот факт, что Фриц страдает столь серьезной сердечной болезнью, что не приходится более рассчитывать на его выздоровление и, тем более, возвращение им былой работоспособности. Лечащий врач заявил мне, что даже при полном изменении его образа жизни и работы он сомневается, чтобы Фриц прожил более двух лет... Необходимо, чтобы Фриц самое позднее в начале будущего года после передачи (сменщику) своего легального дела и воздушной работы мог бы поехать домой для серьезного лечения и отдыха... В болезни Фрица, естественно, совершенно исключительную роль играет тот факт, что он работает здесь уже целых пять лет...

2. Вопрос о Жиголо.

Жиголо находится здесь восемь лет без перерыва. Это является здесь в смысле времени для иностранца максимумом. Для того чтобы не возбудить подозрения, он должен в крайнем случае съездить на родину в “отпуск”. Так что мы предлагаем разрешить Жиголо поездку в Европу.

Однако в любом случае мы за то, чтобы он непременно возвратился назад для создания здесь крепкой кристаллизационной точки для всех будущих работ. Жиголо настолько хорошо здесь вжился, что просто было бы жаль его отсюда пересаживать...

3. Вопрос обо мне.

Я уже сообщал вам, что до тех пор, пока продолжается европейская война, я, само собой разумеется, останусь на своем посту, конечно, если это вам желательно. Но так как, по мнению местных немцев, война скоро кончится... я считаю весьма целесообразным, чтобы вы мне сообщили, чего вы ожидаете от меня по окончании войны... могу ли я рассчитывать сразу же по окончании войны вернуться в Центр, где бы я мог, наконец, остаться и закончить раз и навсегда свое цыганское существование. Не забывайте, пожалуйста, что мне уже между делом стукнуло 45 лет, что из них на службе у вашей фирмы я провел свыше 11 лет за границей, перед тем на службе у другой фирмы я провел еще пять лет в путешествиях. Наступает уже время дать мне с моим опытом осесть на какой-нибудь работе в Центре.

На всякий случай прошу вас указать мне твердый срок времени моего

пребывания здесь, а именно: смогу ли я уехать сразу же, как кончится война, или я должен рассчитывать еще на несколько месяцев...

Заключительные замечания.

Все эти организационные вопросы должны были когда-нибудь быть поставлены. В связи с болезнью Фрица вопрос обновления здешнего персонала стал необычайно актуальным, не менее важное практическое значение принимает быстрый ответ на все вопросы, касающиеся Жиголо и меня. Мы здесь можем гордиться, что сравнительно немного надоедали вам с организационными вопросами, а посему надеемся на быстрый ответ.

Остаемся, правда, несколько ослабленные здоровьем, тем не менее ваши верные сотрудники.

Рамзай».

Это необычное по содержанию письмо было доложено уже новому начальнику Разведывательного управления. Генерал-лейтенант И. Проскуров был выведен в распоряжение наркома обороны, а на его должность назначен генерал Ф. И. Голиков. Филипп Иванович не имел разведывательного опыта, в разведку пришел с командной должности. Он знал, что четыре его предшественника были репрессированы (И. Проскурова арестовали позже — летом 1941 года), и поэтому на посту руководителя военной разведки Красной армии старался действовать очень осторожно и осмотрительно. Ознакомившись с оперативным письмом нелегального резидента в Японии, он приказал представить ему подробную справку на него.

В представленном Ф. Голикову документе отмечалось, что Зорге Ика Рихардович политического доверия не внушает. В течение продолжительного времени работал под руководством работников Разведупра, оказавшихся врагами народа. Так, бывший начальник восточного отдела являлся немецким шпионом, а начальники японского отделения Покладок и Сироткин признали на следствии, что были японскими шпионами и выдали спецслужбам Японии Зорге со всеми его источниками. С этого времени Зорге начинает работать плохо, усиленно просит отозвать его домой. Из этого, как говорилось в документе, следует, что японцы и немцы не арестовывают Зорге, чтобы отправить его в СССР для разведывательной работы на себя. В конце документа говорилось, что информацию Рамзая необходимо всегда сопоставлять с данными других источников, а также тщательно анализировать и критически к ней относиться.

Среди всех действующих резидентов нелегальной сети военной

разведки Красной армии только один Рихард Зорге имел такую крайне негативную характеристику. Вместе с тем ряд сотрудников Разведывательного управления, в том числе заместитель Ф. Голикова генерал-майор А. Панфилов, не были согласны с ней и верили, что Рамзай являлся ценным работником и ему можно доверять. В конечном итоге Ф. Голиков приказал взять на особый учет все донесения, приходящие из нелегальной резидентуры в Токио, а ее руководителю сообщить, что его замена в создавшихся условиях пока невозможна.

Зорге, конечно, не знал о том, что произошло в Центре. Однако обратил внимание на еще более жесткий тон получаемых из Москвы указаний. Думать о том, чем это вызвано, у него не было времени — происходящие в Японии события требовали практически круглосуточной работы всей его разведывательной группы. Он только вновь написал телеграмму с просьбой направить помощника радисту Клаузену, а также других новых сотрудников, чтобы усилить резидентуру в этот сложный период.

Летом 1940 года в Японии произошла очередная смена кабинета министров и к власти вернулся принц Коноэ. Для Зорге важным было то, что Одзакі вновь получил возможность прямого доступа к правительственным кругам. Хорошо относившийся к нему премьер назначил его неофициальным советником правительства. Активизировало свою деятельность «Общество завтраков», регулярно собиравшееся непосредственно в резиденции Коноэ. Одзакі получал для ознакомления и оценки закрытые правительственные документы, он также имел возможность лично встречаться с принцем и обсуждать с ним проблемы внешнеполитической деятельности руководства Японии. Кроме того, он сохранил свои позиции в правлении ЮМЖД, где имелась информация о деятельности японских войск в Маньчжурии и Северном Китае.

Рамзай проанализировал все собранные сведения и подготовил несколько телеграмм о внешнеполитических приоритетах кабинета Коноэ. Новый премьер намеревался расширить сферу влияния Японии в Восточной Азии, включая районы в южной части Тихого океана, усилить антибританскую политику, а также принять все возможные меры по уничтожению режима Чан Кайши и достижению победы на китайском фронте. Одновременно предусматривалось улучшение отношений с СССР и заключение при некоторых условиях пакта о ненападении с Москвой.

Несколько позже эти условия были раскрыты Рамзаем: прекратить в Китае коммунистическую пропаганду и борьбу с японцами и марионеточным правительством Ван Цзинвэя. Зорге рекомендовал Москве

игнорировать эти требования, так как они не соответствовали крайне сложному положению японцев в Китае, в связи с чем все попытки Японии оказать давление на СССР являются блефом. В действительности же японцы стремятся к заключению соглашения с Советским Союзом, одновременно готовясь к активным действиям на южном направлении. Министр иностранных дел Мацуока, узнавший о планировавшейся поездке В. Молотова в Берлин, попросил германского посла Отта информировать Риббентропа, что Япония просит помочь ей заключить пакт о ненападении с Советским государством. Телеграмму об этом Рамзай незамедлительно направил в Центр.

Нелегальной токийской резидентуре удалось узнать о подготовке к подписанию пакта тремя державами — Германией, Японией и Италией — о политическом и военно-экономическом союзе. Стороны обязались сотрудничать в целях установления «нового порядка» в Европе и Восточной Азии. Японо-германские переговоры велись правительством Коноэ с участием немецкого посла Отта, поэтому Одзаки и сам Зорге знали практически все об этом важном документе. В направленной в Москву телеграмме Рамзай информировал, что узкое заседание правительства под председательством императора полностью одобрило текст соглашения. Японцы готовы подписать его в кратчайшие сроки. Риббентроп отправился в Италию, чтобы получить согласие Муссолини поставить свою подпись под этим документом. После процедуры подписания, сообщил Рамзай, пакт будет опубликован, но в него включены несколько закрытых секретных пунктов, касающихся вопросов военного сотрудничества между тремя странами.

Несколько позже Зорге на основании изучения закрытых немецких документов более детально характеризовал подписанный тремя агрессивными государствами документ. По оценкам немцев, трехсторонний пакт направлен исключительно против Америки. Он также может быть нацелен на СССР, если Советское государство будет проводить политику, «нежелательную с точки зрения Германии». Японцы же настроены превратить пакт трех держав в агрессивный наступательный военный союз, направленный против Англии и США. В Разведывательном управлении учитывали все донесения Рамзая, которые дополняли сведения, поступавшие из других источников военной разведки, и использовали их при подготовке спецсообщений для высшего военно-политического руководства СССР.

Помимо телеграмм Рамзай продолжал направлять в Центр почтовую информацию. В октябре и декабре 1940 года представителю советского

посольства в Токио было передано несколько десятков пленок с отснятыми документами и материалами из правительственных кругов Японии и германского посольства. Фотолаборатория Вукелича постоянно находилась в работе, готовя копии документов и специальные контейнеры для их передачи.

Зорге чувствовал себя уверенно, у него вновь все получалось в оперативной и информационной работе. Хотя Центр иногда высказывал претензии к отдельным разведдонесениям из-за содержащихся в них неточностей, в Москву в основном направлялись уникальные сведения, добывавшиеся из закрытых источников. Сам Рихард пользовался непререкаемым авторитетом в германском посольстве, у него было много знакомых в журналистском корпусе и среди местных чиновников. Где бы он ни появлялся, его приветствовали, договаривались о встречах, приглашали на различные мероприятия. Он по-прежнему играл роль высокопарного нациста со всеми особенностями поведения представителя «высшей расы», что закрепляло его легенду и являлось хорошим прикрытием.

Роль нацистского корреспондента, к сожалению, негативно сказывалась на здоровье Зорге, который и так чувствовал себя неважно после аварии. Регулярные встречи с визитерами из Берлина, которых нужно было обязательно приглашать в увеселительные заведения, частые попойки в германской колонии с тостами за фюрера наряду с постоянными перегрузками и стрессами не могли пройти незамеченными — у советского разведчика начались проблемы с сердцем. В связи с этим Рихард иногда был вынужден переходить на постельный режим. В этих случаях к нему домой приезжали посол Отт и представитель гестапо Мейзингер, которые уже не могли обходиться без его помощи. Дома Зорге принимал и Клаузена, которому диктовал тексты телеграмм. С помощью лекарств Рихард возвращался к обычной деятельности, но его работоспособность заметно снизилась.

В феврале 1941 года Рамзай получил из Центра письмо, которое на этот раз воспринял с недоумением и горечью. В письме давалась негативная оценка работы его резидентуры. Начальник Разведывательного управления, подписавший письмо, отмечал, что лично к Зорге претензий нет, но его помощники работают недостаточно активно. В связи с этим расходы на оперативную деятельность резидентуры снижались, было рекомендовано платить источникам только за ценные документальные материалы на сдельной основе. Правда, в конце была приписка, что это решение временное и вызвано затруднениями с валютой, но после

улучшения ситуации вопрос о финансировании резидентуры будет пересмотрен.

Письмо было подготовлено по прямому указанию генерала Ф. Голикова, который по-прежнему с определенным недоверием относился к нелегальному резиденту в Японии и поэтому периодически негативно оценивал его деятельность, например: «Я не хочу, чтобы вы пичкали нас давно всем известными сведениями...» Правда, чаще в Токио направлялись позитивные отзывы, такие как: «Ваши последние тлг имеют большое значение» и т. п. Филипп Иванович не всегда вникал в особенности работы зарубежных резидентур, условия и способы получения ими той или иной информации, которые в разных странах и регионах значительно отличались. Складывавшаяся вокруг СССР тревожная обстановка, непрерывные указания руководства страны требовали от него принятия необходимых мер по повышению эффективности и результативности всех подчиненных ему разведывательных структур, что он и делал, исходя, правда, из собственного понимания порученной ему работы.

Рихард же посчитал претензии Центра несправедливыми и практически сразу написал ответ, подробно обосновав расходы на разведывательную деятельность, а также сделал следующую приписку: «Если вы настаиваете на сокращении нашего бюджета, то вы должны приказать мне уволить Одзаки и Вукелича, а также оставить меня и Клаузена жить на минимальном жалованье... Если вы не сочтете возможным согласиться ни с одним из этих предложений, то я вынужден просить вас отозвать меня домой... Пробыв здесь 7 лет и став физически слабым, я считаю это единственным выходом из сложившихся трудностей... Вы можете быть уверены, что я буду с гордостью осознавать, что я первый в этой трудной стране человек, который сумел за 7 лет создать резидентуру, правда, не выполнившую полностью всех ваших приказаний, однако сделавшую много для нашей организации и для пролетарского отечества».

Генерал Ф. Голиков, прочитав письмо резидента, не побоявшегося оспаривать указания Центра и, видимо, имевшего для этого основания, приказал ответить: «...Сейчас думать об отправке из страны не приходится. В такой обстановке хотя бы сколько-нибудь уважающий себя член партии и разведчик не может ставить так вопрос. Расходы нужно сократить, но надбавку мы сделаем». Вскоре это действительно произошло, и дальнейшая переписка между Центром и нелегальной резидентурой в Токио по этим вопросам была прекращена. Обстановка настоятельно требовала сосредоточиться на более важных вопросах разведывательной

деятельности.

Положение и возможности Одзаки позволяли Зорге быть в курсе практически всех планов и намерений японского правительства. Ему стало известно, что Япония готова предпринять реальные шаги по сближению с СССР. С согласия премьера Коноэ заниматься этим должен был министр иностранных дел Мацуока. Рамзай заблаговременно информировал Москву, что в марте министр совершит поездку в Европу, в ходе которой посетит Германию, Италию, Виши, а также дважды будет в Москве. Он имеет полномочия правительства на заключение с Советским Союзом пакта о ненападении, хотя Коноэ не верит, что ему удастся это сделать. Информация была направлена Сталину и Молотову и использована для подготовки встречи с японским министром и создания условий для подписания нужного СССР важного документа, который делал более безопасной обстановку на восточной границе страны.

Мацуока дважды встречался со Сталиным и Молотовым в Москве, и в результате был подписан пакт о нейтралитете — в Кремле решили, что такое наименование документа больше устраивает советскую сторону. Японский министр был поражен готовностью партнеров по переговорам оперативно решать все необходимые вопросы и даже не догадывался, что они были заранее предупреждены о его визите.

Зорге удалось сразу же узнать реакцию японского руководства на подписанный в Москве пакт. Одзаки был у премьера Коноэ, когда тот получил телеграмму от Мацуоки. Принц и его окружение были чрезвычайно рады подписанию этого документа, а военный министр принял эту информацию к сведению. Телеграммы Рамзая по этим вопросам были высоко оценены в Разведывательном управлении.

Высокое положение Зорге в германском посольстве, его личные связи с главой диппредставительства Оттом давали возможность оказывать на него определенное влияние. Одзаки, со своей стороны, мог воздействовать на главу кабинета министров Коноэ. Рихард посчитал, что такой вид работы может представлять интерес для Центра, и в одной из телеграмм запросил разрешение подталкивать или сдерживать германского посла Отта, если он будет оказывать давление на Японию, чтобы она осуществила нападение на Сингапур, как того добивался Берлин. Разведывательное управление с предложениями резидента не согласилось и приказало ему решать основную задачу: «Своевременно и достоверно сообщать о всех конкретных мероприятиях японского правительства и командования в связи с заключением пакта с СССР, что конкретно ими делается по передислокации войск, откуда, куда и какие части переводятся

и куда сосредоточиваются».

Рихард видел, что в первые месяцы 1941 года обстановка обострилась, в мире явно нарастала военная напряженность. Продолжалась подготовка Японии к широкомасштабным военным действиям. После дополнительных призывов резервистов численность японской армии была доведена до 3–3,5 миллиона человек. Страна была практически готова к большой войне, правительство и военное командование были способны бросить крупные силы как на южное, так и на северное направление, выжидая дальнейшего развития обстановки в Европе и мире в целом. Война могла быть начата как против Англии и США, так и против СССР. Германия начала боевые действия на Балканах, одновременно угрожая вторжением на Британские острова. Началась переброска войск вермахта к границам Советского Союза. Сохранялась неопределенность в отношении действительных планов милитаристской Японии, фашистской Германии и их союзников. Военная разведка Красной армии должна была точно установить, откуда и в какие сроки может начаться агрессия против Советского государства.

Из Центра поступили указания, в которых уточнялись задачи нелегальной резидентуры. Москве необходимы сведения о позиции руководства Японии в отношении дальнейших действий, в том числе против СССР, направленности возможной японской агрессии, борьбе различных группировок в правительстве и военных кругах, вероятности японо-американского столкновения, конкретных военно-подготовительных мероприятиях японской армии. Зорге и его соратники подробно обсудили, что нужно сделать для получения требуемых сведений. Первым отличился Одзаки. Он сумел получить копию секретного документа правления Южно-Маньчжурской железной дороги, который содержал полный перечень и дислокацию японских пехотных дивизий в Маньчжурии, Центральном, Северном, Южном Китае, Корее и в самой Японии; сведения о формировании армейских корпусов в Маньчжурии и Китае; подробные именные списки командиров дивизий и корпусов. В ответ на запрос из Разведывательного управления Рамзай направил донесение, в котором раскрывались районы формирования шести новых дивизий, приводились сведения о перемещении руководящего состава и планах назначения высших должностных лиц японского военного командования. Указанные материалы были признаны Центром «весьма ценными» и использовались «для информирования высшего военного руководства РККА».

В феврале — мае 1941 года Зорге удалось сфотографировать доклады германского военно-воздушного атташе, подготовленные им после посещения японских самолетостроительных заводов фирмы «Мицубиси»,

самолето-и моторостроительного завода Накадзима. Германский дипломат также подготовил детальную справку о японской алюминиевой промышленности, обеспечивающей производство боевой авиации. Рихард сделал и ее фотокопию. Документы получили высокую оценку, хотя один из них вызвал вопросы из-за того, что раньше в Центр не поступали столь детальные сведения по японской военной промышленности.

Источники резидентуры Рамзая не отмечали какой-либо подготовки японцев к нападению на СССР. Одзаки из правительственных кругов узнал, что даже в случае нападения Германии на Советский Союз Япония в течение первых недель будет соблюдать нейтралитет. Зорге ознакомился с докладом германского посла Отта в Берлин, в котором тот писал, что в случае возникновения германо-советской войны Японии потребуется около шести недель или даже больше, чтобы начать наступление на советский Дальний Восток. Японское руководство явно выжидало и не намеревалось первым развязывать военные действия на северном направлении. В тревожные предвоенные месяцы эта информация Рамзая имела большое значение для Москвы.

Центр не ставил нелегальной резидентуре в Токио конкретных задач по вскрытию планов и намерений фашистской Германии в отношении СССР, понимая, что у Рамзая и его группы нет реальных возможностей добывать достоверную и документальную информацию по этим вопросам. Однако Рихард по своей инициативе собирал любые доходившие до него сведения о складывавшейся на западных границах Советского Союза ситуации. Хорошо знавший германские военные порядки, он ясно осознавал, что его знакомые из посольства и даже различные визитеры из Берлина не могли быть посвящены в государственные секреты, касавшиеся планов нападения на Советский Союз и деталей стратегического планирования этой кампании. Но, как считал Зорге, любые, даже отрывочные данные могут помочь специалистам Разведывательного управления. Поэтому с начала марта до 20 июня он отправил в центр семь телеграмм о подготовке Германии к нападению на СССР, в которых обязательно указывал источники информации. В его донесениях, в частности, сообщалось:

«...Новый германский ВАТ (военный атташе. — В. К.) получил от прежнего атташе письмо, где отмечались резко антисоветские тенденции среди высшего немецкого офицерства и ближайшего окружения Гиммлера. Новый германский военный атташе считает, что после окончания войны с Англией Германия начнет военные действия против Советского Союза»;

«...Германский посол Отт заявил, что Гитлер исполнен решимости

разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в качестве зерновой и сырьевой базы, что обеспечит контроль Германии над всей Европой. Война может начаться в любой момент, так как Гитлер и военное командование считают, что война с СССР нисколько не помешает войне против Англии...» (Телеграмма была расписана высшему военно-политическому руководству страны, за исключением абзаца, вычеркнутого Ф. Голиковым, где приводилась негативная оценка немецкими генералами боеспособности Красной армии и их убежденность в достижении быстрой победы над ней в течение нескольких недель. — В. К.);

«...По сведениям новых германских представителей в Токио, недавно прибывших из Берлина, война между Германией и СССР может начаться в конце мая. Схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши. По их данным, Германия к середине мая имеет против СССР группировку, насчитывающую 150 дивизий, сведенных в девять армейских корпусов...» (Телеграмма вызвала интерес Центра, однако Рамзая попросили уточнить: речь идет о корпусах или армиях? В резидентуру был срочно направлен соответствующий запрос);

«...Посол Отт сообщил, что Берлин проинформировал его, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. В связи с этим Отт потребовал от военного атташе, чтобы он не посылал никаких важных сообщений через СССР. Транспорт каучука через территорию СССР сокращен до минимума...»;

«Подполковник Шолль, прибывший из Берлина, сообщил, что война может начаться 15 июня. По его мнению, советское командование сделало большую тактическую ошибку, расположив оборонительную линию против германской армии в основном линейно. Это поможет немцам разбить Красную армию в первом большом сражении, при этом наиболее сильный удар будет нанесен на левом фланге...»;

«Прибывший из Берлина германский курьер сообщил, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня...»;

«Германский посол Отт заявил 20 июня, что война между Германией и СССР неизбежна, все ожидают наступления германской армии».

С начала мая и до 22 июня телеграммы Рамзая вызывали меньший интерес в Центре, куда поступали более конкретные и детальные сообщения из Берлина и других европейских резидентур военной разведки. Кроме того, в ряде донесений Рамзая содержались ошибки и неточности из-за того, что он не в полной мере владел обстановкой на западном направлении. Отрицательную реакцию начальника Разведуправления Ф. Голикова вызвали также приводившиеся в телеграммах Рамзая негативные

оценки состояния боеспособности Красной армии, которые высказывали немецкие генералы. Несмотря на это непосредственно перед началом войны Центр объявил благодарность Рихарду Зорге за его работу.

Нападение фашистской Германии на СССР кардинальным образом изменило обстановку не только в Европе, но и во всем мире. Очень многое зависело от того, как будет действовать Япония, что требовало от нелегальной резидентуры в Токио сосредоточить усилия на работе по этому направлению. Уже 23 июня пришло распоряжение Центра добыть достоверную информацию о позиции японского правительства в отношении войны Германии против Советского Союза. Особое внимание обращалось на информацию о перебросках японских войск к советским границам.

Рихард незамедлительно ответил, что «весь его коллектив будет упорно выполнять всю необходимую работу». Сам он был очень расстроен, хорошо зная по своему прежнему военному опыту, какие ожесточенные сражения разворачиваются на советско-германском фронте и насколько тяжелой и длительной будет советско-германская война. Это означало также, что вопрос с его заменой теперь решится не скоро... Требовалось настроиться на активную разведывательную деятельность, но этому все больше мешали проблемы со здоровьем. Неменьшие трудности испытывал и Клаузен: из-за болезни сердца он стал реже выходить в эфир, так как не всегда мог встать с постели...

Беспокойство Зорге вызывали также вопросы безопасности сотрудников его резидентуры и всей группы в целом. Военная напряженность, явная подготовка Японии к боевым действиям повлияли на обстановку в Токио. В столице сократилось количество увеселительных заведений, закрылись многие бары и рестораны, усилился контроль за иностранцами. Рамзаю стало труднее планировать свои агентурные встречи, его соратникам — получать сведения от источников-информаторов, а также организовывать передачу почты для Москвы. После долгих раздумий Рихард решил большинство встреч проводить на квартирах у сотрудников резидентуры, что в тех условиях было более безопасно, чем в публичных местах. Даже представитель советского посольства стал приходить домой к Клаузену. Несмотря на все принимаемые меры предосторожности, такая практика могла привести к раскрытию нелегальной разведывательной организации, но обстановка требовала продолжения работы.

Одзаки, Мияги, их информаторы, сам Зорге смогли получить крайне важную в то время информацию, раскрывавшую намерения Токио в

отношении Советского Союза. В направленных в Центр телеграммах приводились следующие сведения:

«Япония не будет сразу вступать в войну против СССР, а станет выжидать развития событий на советско-германском фронте; окончательного решения о том, куда будут наступать японская армия и флот, еще не принято»;

«Японское правительство решило остаться верным пакту с Германией и Италией, но одновременно придерживаться пакта о нейтралитете с СССР»;

«Отмечаются переброски японских войск в южном направлении для последующих действий в Индокитае»;

«На совещании у императора в начале июля решено не менять планы действий в Индокитае, но одновременно готовиться к действиям против СССР на случай поражения Красной армии; японцы могут вступить в войну на севере не раньше конца июля или начала августа, если немецкая армия достигнет Свердловска»;

«В августе в Японии будет проведена новая мобилизация, в ходе которой призовут более чем 200 тысяч человек, но война против СССР может быть начата только в том случае, если фактически Красная армия потерпит поражение от немцев и ее оборонительные возможности на Дальнем Востоке будут ослаблены, — такова позиция правительства Коноэ»;

«По данным Одзаки, если Красная армия остановит немцев под Москвой, то японская армия не выступит против СССР»;

«Немцы ежедневно оказывают давление на Японию, чтобы та начала войну против СССР, однако правительство и генштаб видят, что наступление германской армии задерживается и значительная часть войск вермахта уничтожена Красной армией»;

«По данным Одзаки, японское правительство в сентябре приняло решение не выступать против СССР в текущем году, но вооруженные силы будут оставаться в Маньчжурии на случай возможного выступления будущей весной, если к тому времени СССР потерпит поражение»;

«После 15 сентября Советский Союз может абсолютно не опасаться наступления Японии на Дальнем Востоке».

Для уточнения этих важных сведений Зорге во второй половине сентября направил Одзаки в Маньчжурию. Добытые им там данные полностью подтвердили полученную информацию. Переброшенные ранее в этот район подкрепления стали возвращаться на Японские острова, отправили назад также около тысячи грузовиков, был отменен приказ о

призыве на военную службу трех тысяч железнодорожников для обслуживания военных сообщений на сибирских магистралях. Один из надежных источников Одзак сообщил, что боевые действия против СССР могут начаться не ранее марта 1942 года и только в случае, если развитие военных действий между Советским Союзом и Германией создаст такую возможность.

Резидентура Зорге также информировала Москву о начавшейся в Японии подготовке к агрессивным действиям на юге, направленным против Великобритании и США. Эти важные сведения содержались в документах германского посольства, а также основывались на данных, добытых Одзак в высших правительственных кругах. В донесениях Рамзая в Центр отмечалось:

«Активизация японской политики на южном направлении, стремление укрепить свои позиции в Индокитае, получить морские и авиационные базы в районе Сайгона»;

«Выжидательная позиция Японии по Сингапуру, несмотря на давление Берлина; ожидание наиболее благоприятного момента для действий наверняка; опасения в связи с возможным достижением германо-английского компромисса; отсрочка наступления на Сингапур из-за начавшихся японо-американских переговоров».

В начале июля Рамзай направил в Центр достоверные сведения о намерении японцев захватить Сайгон в период между 17 и 24 июля, что полностью подтвердилось. В сентябре в Москву была отправлена телеграмма, содержащая информацию о беседе Отта с представителем японского МИДа, в ходе которой до немецкого посла было доведено, что Япония начнет войну на юге, чтобы получить сырье — нефть и металлы. Военно-морские силы уже приступили к подготовке операции в южных морях, которая может начаться очень скоро.

В сентябре Одзак удалось добыть стратегически важную информацию о запасах нефти в Японии по состоянию на сентябрь 1941 года: для нужд населения, включая гражданский флот, — 2 миллиона тонн, для сухопутных войск — 2 миллиона тонн, для военно-морского флота — свыше 8 миллионов тонн. Нефть являлась самым слабым местом государственной и военной мощи японской империи. Если ее поставки из-за рубежа прекратятся, то единственным выходом для Японии явится война.

В начале октября Одзак узнал из окружения премьера Коноэ, что японо-американские переговоры вступили в решающую фазу. В случае если Америка не согласится на предлагаемый японской стороной

компромисс до середины октября, то Япония выступит на юге. После получения этой информации Центр объявил Рамзаю вторую в 1941 году благодарность за результативную работу.

На продолжавшихся встречах с представителем советского посольства в Токио Клаузен передавал ему фотопленки с отснятыми документами и аналитическими докладами Зорге. В сентябрьской почте Зорге подготовил прогноз, что Япония должна провести крупные операции на юге в течение трех месяцев. Это стало неизбежным, писал он, после того, как Англия и США ввели запрет на ввоз в Японию нефтепродуктов и военных материалов. В отношении действий на севере правительство склонялось к тому, что войну против СССР начинать не следует. Это может произойти, если Советский Союз потерпит поражение в войне с Германией и Красная армия будет деморализована. Решение по этому вопросу было принято на последнем заседании главной ставки вооруженных сил Японии.

После начала Великой Отечественной войны большая часть донесений из нелегальной резидентуры в Токио направлялась членам Государственного Комитета Обороны и использовалась при подготовке спецсообщений для командования Красной армии. Отношение к Рихарду Зорге в Центре также изменилось. На одной из его телеграмм исполнявший обязанности начальника Разведывательного управления генерал-майор А. Панфилов написал: «Учитывая большие возможности источника и достоверность значительной части его предыдущих сообщений, данные сведения заслуживают доверия». Центр рассматривал планы усиления резидентуры Рамзая как ключевого разведывательного органа в регионе.

Однако эти планы реализовать не удалось. Ранним утром 18 октября Рихарда разбудил громкий стук в дверь. Он еще не успел встать с постели, как в дом ворвалась большая группа вооруженных полицейских. Возглавлявший их начальник отдела главного полицейского управления Токио объявил Зорге о его аресте по обвинению в шпионаже. После этого в течение нескольких часов в его доме проводился обыск — полицейские искали доказательства, которые могли бы уличить задержанного в незаконной деятельности. Наибольшее внимание полиции привлекли рабочие записи немецкого журналиста, различные наброски, черновики, а также объемистая рукопись, лежавшая на его рабочем столе. Полиция конфисковала личные вещи Зорге: записные книжки, пишущую машинку, два фотоаппарата, радиоприемник, а также рукопись и всю его тысячетомную библиотеку. На Зорге надели наручники, в закрытой машине привезли в тюрьму Сугамо и поместили в одиночную камеру на втором этаже. Так начался новый, самый трудный этап в жизни разведчика, но он

сдаваться не собирался.

БОРОТЬСЯ ДО КОНЦА

Когда вышли тюремные надзиратели, Рихард внимательно осмотрел помещение, в котором оказался. Его камера была очень маленькой — примерно два на три метра. Унитаз и умывальник были закрыты крышками и впоследствии стали служить Зорге стулом и столом. На невысоких нарах — тонкий матрас и легкое одеяло, под потолком — небольшое оконце с затемненным стеклом, забранное частой стальной решеткой, но была и крохотная форточка без решетки. Разведчик не мог даже предположить, что проведет здесь более трех лет...

Первые дни заключения тянулись долго и утомительно. Постепенно он привыкал к тяжелому тюремному быту. В шесть утра объявлялся подъем, через час проходила проверка заключенных. Затем приносили завтрак — небольшую порцию риса или ячменя и чашку традиционного жидкого супа. На обед и ужин, как правило, давали отварные овощи, часто очень плохого качества. Камера проветривалась плохо. Зорге особенно угнетали ее крохотные размеры, не позволявшие сделать даже нескольких шагов. Это было особенно трудным в первое время после ареста для его активной и деятельной натуры. На прогулки его пока не выводили.

Зорге нужно было время, чтобы обдумать свое положение и выработать линию поведения на предстоящих допросах. Поэтому он сообщил надзирателям, что очень плохо себя чувствует, что у него болит сердце и он должен лежать. Врача ему не предоставили, вместо этого его посетил представитель прокуратуры, чтобы удостовериться, что заключенный действительно не может покидать камеру по состоянию здоровья. На неделю Рихарда оставили в покое, это устраивало и органы следствия, которые надеялись получить показания у задержанных японцев и иностранцев, чтобы предъявить их главному фигуранту и заставить признаться в незаконной деятельности в Японии. Зорге не знал, что за несколько дней до его ареста были задержаны Одзаки и Мияги, а одновременно с ним — Вукелич и Клаузен.

Рамзай не мог понять, в чем была причина провала. Он всегда своевременно реагировал на возникающую опасность, чтобы не допустить раскрытия своей группы. Несколько лет назад посол Отт рассказал ему, что японская полиция пришла к выводу, что в окрестностях Токио работает какая-то шпионская радиостанция, передающая закодированные сообщения. Расшифровать их и запеленговать передатчик местным

специалистам не удастся, поэтому они обратились за помощью к немцам, просят поставить соответствующие технические средства. Посол посмеялся над «глупыми японцами», которые, видимо, слушали обычных радиолюбителей, так как представить, что в Японии действует какая-то шпионская сеть, просто невозможно. Просьбу местной полиции он все же переслал в Берлин, и оттуда через некоторое время поступили пеленгаторные машины, о чем сразу узнал Зорге. Они переговорили с Клаузенем, и тот стал чаще менять место выхода в эфир, в том числе используя взятую напрокат рыбацью лодку. На ней радист выходил в море и оттуда посылал радиogramмы во Владивосток.

Весной и летом 1941 года его соратники стали замечать около своих домов подозрительных людей, которые явно вели за ними наблюдение. Однако не было уверенности, что полицейские шпики что-то узнали о деятельности разведывательной группы. Близкая знакомая Рихарда Исии Ханакэ рассказала ему, что ее вызывали в полицию, где принуждали следить за ним и сообщать о всех его поездках и встречах. В последнее время полицейские приходили к ней все чаще, интересуясь всем, чем занимается днями и вечерами ее знакомый. Рамзай посчитал, что все это связано с усилением внутреннего режима из-за обострения военной напряженности в мире, но все-таки предупредил своих людей, чтобы они были предельно осторожны при оперативных контактах.

Даже находясь в тюрьме, Рихард Зорге продолжал считать себя руководителем, отвечающим за судьбу своих помощников и членов нелегальной группы. Ему необходимо было выбрать такую линию защиты, чтобы по возможности спасти их жизни или снизить сроки заключения, если дело дойдет до суда. Очень многое зависело от того, что известно спецслужбам о их работе на разведку и кто будет ввести следствие. Поиском лиц, подозреваемых в «антигосударственной деятельности», как хорошо знал Рихард, в Японии занимались два основных органа: токко — специальный отдел при департаменте полиции министерства внутренних дел и кэмпэтай — военная жандармерия, находившаяся в подчинении военного министерства.

У кэмпэтай была зловещая репутация. В середине 1940 года в Токио исчез известный английский журналист Дж. Кокс, представлявший агентство Рейтер. Никто не знал о его судьбе, пока в июле в японских газетах не появилось сообщение, что англичанин, арестованный по подозрению в шпионаже агентами кэмпэтай, во время допроса выбросился из окна военной жандармерии и погиб. Журналистский корпус в Японии был уверен, что таким образом японцы пытались скрыть совершенное

жандармами убийство иностранного корреспондента. Поэтому необходимо было попытаться сделать все возможное, чтобы его, Зорге, дело и дела других задержанных вели органы гражданской полиции.

Агенты токко контролировали левые политические движения Японии, занимались общественной безопасностью, осуществляли надзор за иностранцами. Как правило, материалы расследования, которые вела полиция токко, передавались в суд, где японские чиновники старались придерживаться общепринятых правовых норм. Это давало шанс побороться с органами следствия, организовать свою защиту, попытаться добиться гласности рассматриваемого дела. Пробыв длительное время в Японии, Зорге хорошо изучил местное законодательство. В стране действовал закон «О поддержании общественного порядка», направленный против коммунистического рабочего движения. Он предусматривал суровые наказания для тех, кто стремился изменить государственный строй, — вплоть до смертной казни. Рихард также знал о действующих законах «Об обеспечении государственной обороны» и «О сохранении военных секретов». Именно в их нарушении могли обвинить «иностраных шпионов», задержанных на территории Японии. Среди мер наказания для таких лиц также предусматривалась смертная казнь.

Ожидая начала допросов, Зорге заранее подготовил аргументы для своей защиты. Он решил максимально брать всю вину на себя, чтобы облегчить участь своих соратников и помощников по разведывательной работе. Вскоре разведчика вызвали на первый вопрос, который проходил в здании тюрьмы в достаточно просторной, по сравнению с его камерой, комнате священника. Допрос начался в 9 утра и продолжался до позднего вечера. Арестованного допрашивали инспектор токко Охаси и несколько его помощников. Их вопросы переводил специально приглашенный переводчик Икома — преподаватель Токийского института иностранных языков, владевший немецким языком. Зорге предъявили улики — радиопередатчик, захваченный полицией на квартире у Клаузена, и, как оказалось, не уничтоженные радиogramмы, хранившиеся у радиста его нелегальной резидентуры, — и потребовали дать объяснения.

Из вопросов следователя Зорге стало ясно, что его помощник арестован и дал подробные показания, которые в значительной степени раскрыли деятельность возглавляемой им нелегальной резидентуры. Признательные показания были также получены от Мияги. Зорге не знал, что его соратник не выдержал допросов «с пристрастием» и попытался покончить жизнь самоубийством, выбросившись в окно во время допроса. Однако он остался жив и после непродолжительного лечения опять попал в

руки безжалостных следователей. Одзаки также не стал скрывать, что добывал информацию по заданию Зорге и передавал ему в ходе последующих встреч. Наиболее упорно держался Вукелич, который не признавался в нарушении законов японского государства.

Зорге решительно отверг все предъявленные ему обвинения, настаивая, что он немецкий корреспондент, приближенный к послу и другим высокопоставленным сотрудникам германского дипломатического представительства. Этой линии он придерживался в течение нескольких дней, анализируя складывающуюся ситуацию. Он обратил внимание, что следствие не считает главной «шпионскую» составляющую его дела, а придает особое значение «заговору» против государственного строя страны, который замыслился «группой Коминтерна», специально посланной для этого в Японию. Это давало шанс избежать передачи его дела военной жандармерии.

Не питая особых иллюзий в отношении конечного результата расследования, Рихард попытался использовать версию следствия, чтобы увести его в сторону от реальной деятельности его людей. Он начал давать показания о своем «коммунистическом прошлом», а также неких «московских инстанциях», которым он направлял всю получаемую информацию. В качестве основного источника разведывательных сведений Зорге указал германское посольство. Именно там он лично получал необходимые ему данные, которые на сугубо добровольной основе передавали ему высшие должностные лица диппредставительства.

Получив такие показания, японцы пошли на организацию встречи задержанного немецкого журналиста с руководством германского посольства в Токио. Посол Отт и представитель гестапо Мейзингер с недоумением восприняли известие об аресте Зорге. Им и в страшном сне не могло присниться, что их друг, убежденный нацист, работавший в Японии в интересах Третьего рейха, может оказаться советским разведчиком. Арест известного во всей Германии корреспондента был расценен ими как излишняя ретивость полицейских органов Японии, искавших шпионов там, где их в принципе быть не могло. В посольстве считали, что задержание Зорге явилось политической интригой, вызванной, скорее всего, его публикациями о недавних японо-американских переговорах, что в Токио рассматривалось как государственная тайна. Посол Отт также опасался, что события вокруг Зорге могут отрицательно повлиять на японо-германские отношения и его дальнейшую карьеру.

Через неделю после ареста Зорге посол в сопровождении двух старших дипломатов прибыл в тюрьму Сугамо. Их встреча с арестованным

журналистом по требованию японцев продолжалась всего пять минут. Рихард вошел в специально выделенное помещение с высоко поднятой головой, как человек, полностью уверенный в своей правоте. На вопросы Отта ответил, что ему запретили давать какие-либо разъяснения по предъявленным ему обвинениям. Он также отказался от предложенной ему защиты со стороны германского посольства. В заключение он откровенно сказал послу, что «видимо, это наша последняя встреча». Потрясенный Отт покинул тюрьму, так и не поняв, что произошло с его близким другом.

Рихард вскоре забыл об этом эпизоде, сосредоточившись на противодействии следователям в ходе практически ежедневных допросов. Сначала их проводили инспекторы токко, а затем к ним подключились представители прокуратуры, которые продолжали вести основную линию следствия, обвиняя Рихарда Зорге и его соратников в подрыве государственного строя Японии в интересах «международной коммунистической революции». От Зорге добивались признательных показаний в первую очередь по этим явно надуманным обвинениям. Но Рихард понимал, что эта линия следствия окончательно уводила его от опасного расследования дела о «военном шпионаже» военной жандармерией. Теперь ему предстояло выбрать такую тактику защиты, которая могла бы свести на нет все предъявленные ему и членам его группы обвинения.

Получение информации в интересах Москвы после запротоколированных показаний членов его группы отрицать было невозможно, поэтому Рихард стал обращать внимание следователей полиции и представителей прокуратуры на характер этой информации. Он постоянно подчеркивал, что наиболее важные сведения он получал лично в германском посольстве, не нарушая при этом никаких японских законов. При этом Зорге подробно рассказывал о структуре диппредставительства Германии в Японии, о после Отте, других старших дипломатах, работавших там, своих тесных взаимоотношениях с ними. Японцы, как понял Рихард, с удовлетворением воспринимали эту часть его показаний, видимо, намереваясь использовать их в «подковерной» борьбе с Берлином, которому они явно до конца не доверяли.

Вукелич же, по показаниям Зорге, общался с коллегами-журналистами только в корреспондентском корпусе и собирал информацию «общеизвестного характера» из открытых источников, которая не являлась ни государственной, ни военной тайной. Его встречи с иностранными дипломатами, проводившиеся абсолютно легально, никак не могли быть квалифицированы как «сбор шпионской информации». Зорге на допросах

утверждал, что получаемые им от Вукелича сведения давали лишь общие представления о политической атмосфере в Японии и совсем не являлись «достоверными» и «существенными». Они лишь в определенной степени дополняли ту информацию, что он получал в германском дипломатическом представительстве.

Труднее было делать то же самое в отношении Одзаки и Мияги, но Зорге продолжал придерживаться своей линии. Одзаки, по его словам, большую часть собиравшейся им политической информации получал в ходе общения со своими высокопоставленными знакомыми из околуправительственных кругов. Это была обычная практика для известных японских журналистов. Даже встречи в формате «Общества завтраков» являлись просто обменом мнениями его участников и по существу не были секретными с юридической точки зрения. Мияги же действительно передавал Зорге информацию военного характера, как он сам признался следователям в ходе допросов под воздействием применявшихся к нему специальных методов. Однако по существу он собирал только различные слухи и вел личное наблюдение. У него не было, давал показания Рихард, действительно секретных источников информации, так как по своему социальному положению он просто не имел возможностей для этого. Аналогичные показания Зорге давал в отношении арестованных японцев, о которых рассказал следователям Мияги. По предъявлявшимся ему показаниям он видел, что полиция арестовывает все новых и новых людей, но категорически отрицал, что они имели связь с его разведывательной организацией.

Особенностью проводившегося токко и прокуратурой следствия было отсутствие встреч и очных ставок с другими обвиняемыми. Следователи явно опасались, что резидент, являвшийся сильной личностью, может повлиять на арестованных и они прекратят давать признательные показания. Поэтому об аресте Анны Клаузен Зорге узнал из протокола ее допроса. Хотя она, к сожалению, очень много рассказала о деятельности нелегальной организации, Рихард продолжал утверждать, что она не привлекалась им к секретной работе. Ее поездки в Шанхай в качестве курьера он охарактеризовал как действия, «не нарушавшие японских законов».

Вообще, кроме того, что было указано в протоколах допросов его соратников и помощников, Рихард не давал никаких других показаний. Так, следователи не узнали о некоторых иностранцах и японцах, работавших на Зорге в Китае и Японии.

Он также отрицал какие-либо связи с советским посольством в Токио,

хотя ему показывали фотографии лиц, с которыми он встречался по условиям явки. Он заявлял на допросах, что не знает или не помнит этих людей, и начинал пространно рассказывать о своем коммунистическом прошлом и работе в интересах Советского Союза, чтобы предотвратить войну СССР с Японией.

Из вопросов следователей Зорге понял, что следствие не намерено обвинять его в «военном шпионаже», а рассматривает в качестве главной версии обвинение в «подрыве государственного строя в интересах международной коммунистической революции». Его группа представлялась как «орган Коминтерна», засланный в Японию для организации «заговора против государства». Такое обвинение окончательно лишало кэмпэтай какой-либо роли в расследовании, но в то же время требовало от Рихарда ответных мер, чтобы судебное разбирательство не превратилось в пропагандистское антикоммунистическое дело об «экспорте революции».

Такого Рихард допустить не мог. Он стремился не нанести ущерба Коммунистической партии Советского Союза, международному рабочему движению и Коммунистическому интернационалу, противостоящим империалистической реакции и силам фашизма. Он даже ввел в практику допросов письменно отвечать на вопросы. Следствие предоставило ему пишущую машинку и, выслушав вопрос следователя, Рихард сразу же печатал ответ на немецком языке. В собиравшихся таким образом печатных листах была изложена его политическая позиция, разоблачавшая клеветнические домыслы японцев. Он отметил выдающуюся роль ВКП(б), в которую сознательно вступил в Советском Союзе, ее роль и авторитет в международном рабочем движении. Обвинения в агрессивном характере «мирового коммунизма» и «зловещей роли Коминтерна», писал Зорге, не имеют никаких оснований, а пролетарские революции совершаются рабочим классом тех стран, где для этого созрели соответствующие условия.

В своих показаниях Рихард отмечал, что поддержка Советского Союза очень важна для мирового коммунистического движения и тех, кто стремился предотвратить уничтожение первого в мире социалистического государства. Именно из этого следовали основные задачи возглавлявшейся Зорге разведывательной организации: следить за внешнеполитическим курсом японского руководства и раскрывать вопросы, связанные с планами возможного нападения Японии на СССР. Этой линии советский разведчик придерживался до самого конца следствия.

Все это время в Центр поступала противоречивая информация о

судьбе Зорге и его резидентуры. Известный немецкий журналист и его югославский коллега с середины октября перестали появляться на всех мероприятиях, проводившихся с участием иностранных корреспондентов. В начале ноября советскому посольству в Токио стало известно, что Зорге, Вукелич и еще два немца якобы арестованы японской полицией. Несколько позже поступили достоверные сведения, что Рамзай застрелился в тюрьме или его застрелила полиция, остальных его соратников усиленно допрашивают. У Клаузена обнаружены радиостанция и крупная сумма денег. Перепроверить все эти сведения у посольства возможностей не было, так как следствие относилось к категории «совершенно секретно» и японцы скрывали любую информацию о нем, не допуская никаких утечек. В декабре в Москву поступила последняя почта нелегальной резидентуры Рамзая, переданная связнику из посольства в начале октября 1941 года. Она содержала несколько фотокопий германских и японских документов. После изучения и обработки их подшили в соответствующие дела, и вся дальнейшая переписка с группой Зорге была прекращена...

Допросы Рихарда продолжались до конца марта 1942 года. Следователей полиции только сменил высокопоставленный представитель прокуратуры Ёкисава. Он стал более напористо проводить прежнюю линию обвинения, чтобы инкриминировать задержанному иностранцу нарушение законов «Об обеспечении государственной обороны» и «О поддержании общественного порядка». Рихард убеждал прокурора, что факт получения им информации в германском посольстве нельзя считать подлежащим юрисдикции японских законов. Вукелич же общался только с иностранными корреспондентами, и даже Одзак почти всю информацию получал во время общения со своими высокопоставленными друзьями, что не являлось нарушением каких-либо законов Японии. Так Рихард вел борьбу за жизнь своих соратников, за смягчение им возможного наказания.

При этом по-прежнему с ними не было проведено ни одной очной ставки, ни какого-либо совместного допроса. Рихард понимал, что это психологический прием следствия, направленный как против него, так и против членов его резидентуры. Представители специальной полиции и прокуратуры понимали, что любая встреча с руководителем разведывательной группы придаст новые силы не только ему, но и его друзьям и соратникам и повысит их стойкость во время допросов. Сам Зорге держался уверенно, демонстрировал убежденность в правоте своего дела, категорически отвергал все несправедливые, как он считал, нападки на его организацию. В ходе более жестких допросов Ёкисавы он отказался печатать свои показания на пишущей машинке. Теперь вопросы прокурора

переводил переводчик, и он же записывал ответы обвиняемого. Записи, сделанные на японском языке, переводились на немецкий и давались для просмотра Зорге. Если он был согласен с текстом, то ставил свою подпись, если нет — отказывался подписывать. Это удлиняло сроки расследования, но Рихард продолжал придерживаться своей принципиальной позиции.

В ходе следствия, проводившегося в один из наиболее сложных периодов Великой Отечественной войны, Зорге всячески пытался получать информацию о ситуации на советско-германском фронте. Он слушал радио в тюрьме, понимая сводки новостей на японском языке, спрашивал об этом переводчика и даже следователей, проводивших допросы. Неудачи германской армии под Москвой, срыв планов «молниеносной войны» приводили его в хорошее настроение. Он даже иногда вступал в дискуссию с прокурором Ёкисавой, давая подробный военно-стратегический анализ противостояния фашистской Германии и Советского Союза, доказывая неминуемое поражение агрессора.

Тем временем следствие по делу Зорге и других арестованных к концу апреля было закончено, и прокуратура приняла решение передать все материалы в Токийский окружной уголовный суд. Министерство юстиции Японии после долгих обсуждений приняло решение опубликовать официальное сообщение о «деле Зорге» в японских газетах. Его текст был согласован с министерством иностранных дел, верховным судом и другими правительственными органами. Все крупные японские газеты 17 мая 1942 года опубликовали статью под заголовком «Кольцо международного шпионажа разорвано. Арестовано пять вожаков». Она начиналась следующим абзацем:

«В прокуратуре Токийского окружного уголовного суда закончилось энергично проводившееся с октября прошлого года расследование дела о раскрытой полицией международной шпионской организации под руководством Рихарда Зорге. Ее главными участниками являются: специальный корреспондент газеты “Франкфуртер цайтунг” в Японии Рихард Зорге, 47 лет; помощник заведующего Токийским отделением французского агентства новостей Гавас Бранко Вукелич, 38 лет; художник Ётоку Мияги, 40 лет; неофициальный советник токийского отделения правления Мантэцу (Южно-Маньчжурская железная дорога. — В. К.) Хоцуми Одзаки, 42 года; владелец светокопировальной мастерской в Токио — Макс Клаузен, 44 года».

Далее в статье говорилось, что эти лица обвиняются в принадлежности к «красной шпионской организации», получившей задание от центрального штаба Коминтерна. Они собирали секретную

информацию и передавали ее за рубеж. Поэтому указанные лица обвиняются в нарушении японских законов «О поддержании общественного порядка», «Об обеспечении государственной обороны», «О сохранении военной тайны». Дело арестованной группы будет рассматриваться в Токийском окружном уголовном суде. В статье ни разу не был упомянут Советский Союз и ничего не сообщалось о работе арестованных на военную разведку Красной армии.

В комментариях министерств юстиции и внутренних дел, которые также были опубликованы в японских газетах, отмечалось, что несмотря на «большой успех борьбы с лживой идеологией» и на то, что в результате «подъема духа Японии» в последнее время и неоднократных арестов «коммунистическое движение почти замерло», все же «левые элементы по-прежнему не оставляют своих убеждений».

Находившегося в тюрьме Рихарда Зорге не ознакомили с содержанием статьи и комментариев к ней, но он хорошо знал, что японские следственные органы не располагали доказательствами, подтверждающими версию о том, что его группа работала по заданию Коминтерна. Сам он на допросах категорически отвергал какое-либо взаимодействие с органами Коммунистического интернационала в Москве и подчеркивал, что его соратники вообще ничего не знали об этом. Также не было доказано явно абсурдное предположение, что целью деятельности нелегальной организации Зорге являлось свержение существующего в Японии государственного строя. Данные им показания о том, что он и его люди работали, чтобы вскрыть и предотвратить агрессию японской военщины против Советского Союза и сохранить мир между Японией и СССР, не принимались следствием во внимание.

Статьи и комментарии привлекли большое внимание в стране и за рубежом. Внимательно их прочитали и в Москве, но эти материалы не прояснили судьбу Рихарда Зорге. Центр по-прежнему не знал, что с ним, жив ли он. В начале 1942 года в советское посольство в Токио поступила информация, что Рихард Зорге уже приговорен к смерти и приговор, видимо, приведен в исполнение. В апреле появились сведения, что Зорге и Клаузен осуждены на пожизненную каторгу, но и они не получили подтверждения. В Москве помнили также о судьбе английского журналиста Дж. Кокса, так и не вышедшего из застенков кэмпэтай.

Профессия разведчика всегда связана с риском, от провалов никто не гарантирован, особенно в военное время, когда усиливаются меры по борьбе с иностранным шпионажем. Провалы всегда сопровождаются негативными дипломатическими и политическими последствиями, но в

случае с арестом Зорге этого не произошло. Дело арестованных, как следовало из опубликованной в Японии статьи, никак не было связано с Советским Союзом, поэтому не могло повлиять на двусторонние японо-советские отношения. Коминтерн после начала Великой Отечественной войны практически потерял свое значение как центр мирового коммунистического движения, и о нем практически нигде не упоминалось. В СССР в условиях войны никто не говорил и о призывах к социалистической революции в других странах. Генсек Коминтерна Г. Димитров перестал публиковаться в советской печати. В этой связи японские обвинения не вызвали какой-либо особой реакции в советских партийных и государственных инстанциях, занятых организацией отпора фашистской агрессии.

Тем временем в Токийском окружном уголовном суде, куда были переданы материалы «дела Зорге», приняли решение проводить судебное разбирательство на основе процедуры ёсин. Особенности этой процедуры являлись исключение суда присяжных и запрет на услуги адвоката. Однако после процедуры ёсин в соответствии с местной юридической практикой начиналось судебное разбирательство кохан, при котором допускалось участие адвокатов. Зорге неплохо знал особенности судебной системы Японии и сдаваться не собирался, намереваясь продолжить свою линию защиты, используя все местные процессуальные особенности.

Судебное разбирательство ёсин дела Зорге и его соратников началось в июне 1942 года и закончилось только в декабре. Как и ранее, всех обвиняемых заслушивали поодиночке, совместные допросы были запрещены. Рихарда привозили в здание Токийского суда в тюремном автомобиле с усиленными мерами предосторожности: руки были скованы наручниками, на голову надевали специальную плотную соломенную шляпу с густой сеткой, закрывавшей лицо. Зорге просил снять наручники и крайне неудобный головной убор, но его просьбы неизменно отклонялись.

Судьи вели допросы в еще более жесткой форме, чем это делалось на предварительном этапе расследования. Зорге был выделен прежний переводчик Икома, но они не могли даже обменяться парой слов, не относящихся к проходящей процедуре. Даже что-либо сказанное шепотом немедленно вызывало запрещающую реплику. Судья лично вел протокол допроса, который сразу же переводился на немецкий и давался обвиняемому для ознакомления. В ходе допроса проверялись данные следствия, для чего обвиняемым в основном задавались прежние вопросы. Велся также опрос свидетелей, однако эта важная часть процедуры

проходила без присутствия обвиняемого, что позволяло судье интерпретировать их показания так, как он считал нужным.

Допросы начинались с раннего утра и заканчивались поздно вечером. Рихард плохо себя чувствовал, мучился от жары и духоты в небольшой комнате, где находились судья, переводчик и охрана, но по-прежнему держался уверенно, решительно отстаивал свою линию защиты, протестуя против не устраивавших его пунктов обвинительного заключения.

На первом заседании, которое вел судья Накамура, было зачитано обвинительное заключение, подготовленное прокуратурой на первом этапе расследования. Рихард узнал, что его обвиняют в нарушении уже четырех японских законов: «О поддержании общественного порядка», «Об обеспечении государственной обороны», «О сохранении военной тайны» и «О сохранении тайны в отношении военных ресурсов», ряд статей которых в качестве наказания предусматривал смертную казнь. Однако он не потерял самообладания и спокойно отвергал ложные или несправедливые, на его взгляд, обвинения.

Так, Зорге заявил судье, что в зачитанном ему обвинении имеются неточности, касающиеся даты окончания им школы и его родственных связей. Главным же, с чем он абсолютно не согласен, является утверждение, что деятельность возглавляемой им группы направлялась Коммунистическим интернационалом, хотя они не имели никаких связей с этой организацией. К другому неправильному суждению он отнес пункт обвинения, в котором указывалось, что всю передаваемую в Москву информацию он получал из секретных японских источников.

Все последующие допросы проходили в схожей манере. Судья Накамура часто интерпретировал ответы Зорге таким образом, чтобы они соответствовали основной линии обвинения. Рихард внимательно читал переведенный на немецкий язык протокол и методично отвергал все неточности, требуя внести исправления. Если судья не соглашался и продолжал настаивать на своем, вступал с ним в спор, даже стучал по столу кулаком и отказывался отвечать на вопросы. Абсурдность многих обвинений, явная ангажированность обвинения вызывали у Рихарда все большее раздражение.

Зорге так и не удалось убедить Накамуру, что его идейные убеждения и членство в Коммунистической партии Советского Союза не являются основанием для обвинения в том, что группа находилась в подчинении «штаба Коминтерна» и действовала по его заданиям. Рихард вновь повторял, что он руководил разведывательной группой, подчиненной органам военной разведки Красной армии. Несмотря на это, ему постоянно

приходилось отвечать на вопросы о связях с Коминтерном Клаузена, Вукелича, Одзаки и Мияги, которые не имели никакого отношения к этой организации. Одновременно резидент всячески защищал своих соратников, подчеркивая, что они не являлись «агентами Коминтерна» и не собирались «подорвать национальный образ правления» в Японии.

Особое внимание Рихард по-прежнему уделял защите своих соратников, которые, как он постоянно говорил судье, не нарушали никаких японских законов. Журналист Вукелич не имел доступа к секретным источникам, общался только с коллегами по корреспондентскому корпусу либо официально получал сведения в японском агентстве новостей Домей Цусим. Мияги вообще не мог получать какие-либо секретные данные, а рассказывал то, что видел своими глазами, или высказывал мнение о событиях, которые уже всем были известны. Достаточно важную политическую информацию получал Одзаки, но узнавал о ней из личных бесед с высокопоставленными знакомыми, поэтому с юридической точки зрения она уже не являлась секретной, так как практически не соответствовала своему закрытому первоисточнику. Кроме того, Одзаки высказывал личное мнение о ситуации в Японии, которое также не подпадает под требования закона «О сохранении военной тайны». Судья Накамура с большим раздражением воспринимал аргументы Зорге, часто грубо прерывал его, требуя полностью сознаться в преступлениях против Великой японской империи.

Из вопросов судьи Зорге понял, что полиция арестовала многих информаторов Мияги и Одзаки (всего было задержано 35 человек, обвинения в причастности к «делу Зорге» были предъявлены 17 японцам). Рихард требовал от Накамуры, чтобы в протоколы допросов были внесены его показания, что арестованные не входили в его разведывательную организацию, а являлись просто знакомыми его соратников. Правда, добиться этого было достаточно трудно из-за того, что под воздействием «особых методов следствия» практически все эти люди дали полиции подробные признательные показания. Однако на каждом допросе Зорге продолжал борьбу с судьей Накамура, который из-за этого все чаще выходил из себя и даже срывался на крик.

Свою личную защиту Рихард строил на прежних показаниях: всю информацию он получал от высших должностных лиц германского посольства в Токио, которые делали это на добровольной основе. Нарушением каких-либо японских законов это не является. Чтобы обнаружить дополнительные «улики» против Зорге, судья потребовал дословного перевода всех его статей, опубликованных в газете

«Франкфуртер цайтунг» и других немецких изданиях. В них следствие надеялось найти факты, позволяющие обвинить его в раскрытии военных тайн Японии. Несмотря на всю абсурдность такой работы, она действительно была проведена, и следствием ее стали новые обвинения против арестованного разведчика. Зорге ставили в вину, что в его статьях были вскрыты особенности военно-фашистского путча в Токио в 1936 году, нашли отражение причины японо-китайской войны, а также ряда важных событий внутренней и внешней политики Японии. Анализ всех этих событий высококлассным аналитиком Рихардом Зорге был расценен как нарушение закона «О сохранении военной тайны».

Зорге своими показаниями пытался убедить следствие, что его группа действительно занималась разведывательной деятельностью, но интересовали ее в основном вопросы международной политики, ситуация на Дальнем Востоке, основные направления деятельности Японии в отношении СССР, что он и его помощники стремились предотвратить войну между японским государством и Советским Союзом, которая могла принести неисчислимые бедствия и потери всем странам региона. Рихард не мог отрицать, что получал конкретную военную информацию, — это японцам стало известно из показаний Мияги и его источников и подтверждено захваченными у Клаузена текстами радиogramм. Зорге признал, что такой факт действительно имел место, но ни в коем случае не был связан с получением сведений из секретных японских источников. Сложно было защищать Анну Клаузен, подробно рассказавшую следствию о своей работе в резидентуре в качестве курьера, но и здесь Рихард боролся за свою сотрудницу, отказываясь подтверждать эти сведения. Он говорил судье, что не помнит многих эпизодов, о которых рассказывала следователям Анна. И по-прежнему отрицал встречи с представителями советского посольства в Токио, хотя ему вновь были предъявлены фотографии сотрудников, с которыми у него действительно происходили оперативные контакты.

Несмотря на то что следствие располагало фактами деятельности Зорге и его соратников в качестве военных разведчиков Красной армии, подтвержденными судебным расследованием, судья Накамура в своем заключительном решении инкриминировал Зорге и другим обвиняемым деятельность в интересах осуществления «целей Коминтерна». Это позволяло подвести всех арестованных под действие закона «О поддержании общественного порядка».

Этим решением 15 декабря 1942 года завершилось предварительное судебное расследование ёсин, и судья Накамура направил «дело Зорге» на

вторую стадию судебного разбирательства — процедуру кохан. В этом случае проводилось как бы открытое слушание дела с участием адвокатов и формально обеспечивалось равенство обвинения и защиты. Судебная система Японии действовала неторопливо, к весне 1943 года процедура выбора судей и адвокатов для этого необычного процесса еще не завершилась, их состав менялся несколько раз. Только в конце мая председателем коллегии суда был назначен судья Такада, которому поручили проведение всей процедуры кохан. Защитником Зорге стал адвокат Асанума, но его функции в этом «шпионском деле» были ограничены.

Зорге вызвали на заседание суда кохан 31 мая 1943 года. В большом зале Токийского окружного уголовного суда, куда его вновь с соблюдением усиленных мер безопасности привезли на тюремной автомашине, Рихард увидел за столом председателя и двух членов суда, а также двух представителей прокуратуры в черных мантиях, отороченных пурпурной каймой. В зале также присутствовали около десяти приглашенных на слушание дела, видимо, как решил разведчик, из особо доверенных лиц полиции. Перевод осуществлял все тот же Икома, с которым Рихард даже подружился за полтора года следствия.

Процедура кохан проходила в еще более тяжелой обстановке, чем предыдущие этапы расследования. Вопросы председательствующего, произносимые быстрой судебной скороговоркой, едва поспевавший за ним переводчик, из-за чего Рихард не всегда понимал, о чем говорил судья, — все это должно было сломить сопротивление Зорге и принудить его к признанию в «преступлениях перед Японией». Однако Рихард продолжал бороться.

Он защищал свои коммунистические убеждения, отрицал роль Коминтерна в разведывательной деятельности группы, стремлении изменить государственный строй Японии. В присутствии адвоката ему пришлось вновь решительно заявить судье, что именно он несет всю тяжесть ответственности, а не обвиняемые японцы. Это произошло после того, как Асанума решил помочь Зорге, заявив, что он как иностранец не мог понимать незаконность своих действий. Услышав перевод выступления адвоката, Рихард немедленно попросил слово и жестко опроверг своего защитника: «То, что только что сказал мой адвокат, ошибочно. Ответственным за создание этой организации и за ее деятельность являюсь только я один. Другие участники были лишь моими помощниками...»

В конце сентября 1943 года процедура кохан подошла к этапу прений сторон, который носил формальный характер, и вынесению приговоров

обвиняемым. Активность Зорге по оспариванию наиболее одиозных пунктов обвинения не прошла бесследно. Поэтому Токийский окружной уголовный суд не стал повторять первоначальные домыслы прокуратуры. Хотя Рихард и услышал в мотивирующей части своего приговора, что он «являлся внуком Адольфа Зорге — секретаря I Интернационала, созданного Карлом Марксом», далее в нем не упоминались ни «агенты Коминтерна», ни поставленные ему «штабом Коминтерна» задачи. Вместо этого в приговоре говорилось, что Рихард Зорге был направлен в Японию в качестве советского военного разведчика. Такое раскрытие нелегала, как хорошо знал Рамзай, Центром считалось недопустимым, но в данных условиях он считал это своей победой. Политического приговора над Коминтерном, как с самого начала добивалось следствие, не состоялось.

В том же зале суда 29 сентября 1943 года судьей Такада Зорге был объявлен обвинительный приговор: «Хикокунин о сикэй ни сёсу». Рихард, немного знавший японский язык, без переводчика понял, что это означало «Обвиняемый приговаривается к смерти». В этот момент вместе с ним перед судом стоял Одзаки, которого Рихард увидел впервые с октября 1941 года. Его соратник похудел, плохо выглядел, но выслушал приговор спокойно. Охрана не дала им попрощаться, и Рамзай больше никогда не видел своего соратника, с которым начал работать еще в Китае и с которым добился выдающихся успехов в Японии.

Зорге хорошо знал японские законы, поэтому решил обжаловать в верховном суде Японии приговор Токийского окружного суда. Он не питал никаких иллюзий, но все же решил не прекращать борьбу. Он продиктовал текст своему адвокату, и тот стал оформлять кассационную жалобу в верховный суд. В тексте апелляции Рихард отрицал, что, собирая в германском посольстве информацию, нарушал японские законы, и утверждал, что его соратники и помощники выполняли лишь вспомогательные функции.

Кассационная жалоба Зорге была отклонена верховным судом Японии 20 января 1944 года. Это решение было принято пятью судьями во главе с председательствующим Миясиро. Официальной причиной, как довели до сведения Зорге, явилось то, что его апелляция была доставлена в верховный суд с опозданием на один день. Рихард не стал разговаривать со своим адвокатом, по вине которого это якобы произошло, но был крайне возмущен, понимая, что такое решение было принято на самом «верху». Он прокомментировал это событие следующими словами: «Это не суд! Это жалкая пародия!»

Начался следующий этап тюремного заключения Зорге. В тюрьме

Сугамо не было камер смертников, поэтому Рихард по-прежнему находился в своей камере. Режим его содержания не изменился, но у него появилось больше свободного времени, потому что допросы прекратились и его никуда с утра не увозили. Дни заключенных не отличались разнообразием: ранний подъем, проверка, скудный завтрак, днем короткая прогулка, обед, после которого время тянулось особенно медленно в небольшой камере, где трудно было сделать даже несколько шагов, затем ужин и отбой, но свет в камере не выключался. Приговоренные к смертной казни каждый день ожидали приведения ее в исполнение, что оказывало воздействие на психику.

Зорге в этих условиях держался абсолютно спокойно. Еще на предварительных этапах следствия ему удалось добиться, чтобы часть его личных средств, арестованных полицией, расходовалась на покупку для него дополнительного питания. Не забывал он и о ежедневной зарядке, занимаясь ею не только в камере, но и во время прогулок в тюремном дворе. Больше всего ему нравилось прыгать через веревочный шнур, который ему на время давали надзиратели. Тюремный персонал с уважением относился к иностранцу-смертнику, который часто разговаривал с ними на японском языке, шутил и хорошо знал жизнь простых людей Японии.

Главным увлечением Рихарда всегда было чтение. В тюрьме Сугамо имелась библиотека, однако большую ее часть составляли популярные сочинения местных авторов и брошюры воспитательного характера, специально предназначенные для заключенных. Зорге пришлось довольствоваться этим, он брал по несколько книг из тележки надзирателя, посещавшего по воскресеньям каждую тюремную камеру. Но даже это дешевое чтиво позволяло ему отвлекаться от тяжелых мыслей и совершенствовать японский язык, к чему он всегда стремился и на что у него раньше не хватало времени.

Затем через адвоката Асануму, которому было разрешено посещать его, Рихард стал покупать интересные его книги, на что почти полностью потратил оставленные ему полицией личные средства. Зорге интересовали издания по истории, которые Асанума искал в Токио и других городах, выполняя заказ своего подзащитного. В общей сложности он купил более сотни томов: книги по истории Японии на английском языке, редкое британское издание «Истории мировой культуры», «Всемирную историю» на немецком языке, ряд других известных изданий. Рихард благодарил адвоката за каждую книгу, и за чтением время в камере текло быстрее.

При каждой встрече с Асанумой Зорге пытался узнать что-нибудь о своих соратниках и их судьбе. Адвокат не мог сообщить ему, что Мияги скончался в заключении, Клаузен и Вукелич приговорены к пожизненному заключению, Анна Клаузен получила семь лет тюрьмы, и отделивался общими фразами, что он не в курсе дела... От него Рихард также старался получать информацию о событиях на советско-германском фронте. В первые годы заключения он мог слушать радио в камере, однако прокуратура постановила лишить его этой возможности, и радио в камере отключили. Асанума опасался говорить много, но от него Зорге узнал о коренном переломе на фронте, где фашистская Германия все чаще терпела поражения. Это поднимало настроение, приговоренный к смертной казни Зорге даже насвистывал какие-то известные только ему мелодии...

Рихард много думал о любимой жене Кате, вспоминал счастливые дни, когда они были вместе. Переживал за нее, беспокоился, как она живет одна в Москве в условиях войны.

Зорге не знал, что к этому времени ее уже не было в живых... Екатерина Максимова была арестована органами НКВД в сентябре 1942 года по подозрению в шпионаже. Поводом для ареста послужил донос ее дальней родственницы Е. Гаупт, жившей в Свердловске: ее задержали как советскую немку в превентивных целях и стали усиленно допрашивать. Она сообщила следователю, что видела, как Максимова встречалась с иностранцами — немцами и что дома у нее было много заграничных нарядов.

Екатерину этапировали в Свердловск, где началось следствие, а затем привезли в Москву и около девяти месяцев держали на Лубянке. Обвинение в шпионаже не подтвердилось, ее приговорили к пяти годам ссылки как имевшую подозрительные связи. В мае 1943 года она приехала в Красноярский край, в село Большая Мурта. В ссылке Катя жила очень тяжело, голодала. Летом этого же года она скончалась в результате тяжелой болезни. Родственники узнали об этом спустя некоторое время из полученного из Большой Мурты письма...

В камере Рихард Зорге начал писать тюремные записки. Суд разрешил приговоренному к смерти писать все, что он считает нужным. Ему передали пишущую машинку и требуемое количество бумаги. Рихард знал, что его ждет, и писал последнюю работу своей жизни вместо задуманных ранее книг о Китае и Японии.

Его увлекла эта работа, он вновь почувствовал себя журналистом, которому было что рассказать... Рихард писал о детстве и юношеских

годах в Германии, участии в Первой мировой войне, учебе. О том, как присоединился к левому движению, стал убежденным коммунистом и вступил в германскую Компартию, участвовал в революционных событиях в Германии. Достаточно подробно описал работу в Исполкоме Коминтерна, свое отношение к центру международного коммунистического движения. Переход в военную разведку Красной армии и последующую деятельность по заданию Разведывательного управления Рихард описывал, учитывая свои показания, данные во время следствия. Он раскрыл некоторые особенности своей разведработы в Китае и Японии, указал некоторых лиц, от которых получал информацию. В своих записках он не вышел за рамки материалов следствия, когда был вынужден подтвердить показания, данные его соратниками. При этом, однако, он сохранил в тайне многие данные об агентурных операциях и людях, сотрудничавших с ним. Много писал о своей исследовательской и информационно-аналитической работе.

Свои тюремные записки он передал в японские судебные органы, надеясь, что они будут опубликованы, что в конечном итоге и произошло. Японские власти только добавили к ним все протоколы допросов и собственноручно напечатанные Зорге ответы на вопросы прокурора.

В Москве в это время по-прежнему не имели никакой информации о судьбе Зорге. В Главном разведывательном управлении Красной армии, которым в то время руководил генерал-лейтенант И. Ильичев, дело нелегальной резидентуры «Рамзай» передали в архив. Это произошло после того, как была получена информация НКВД, что арестованный в Токио Зорге расстрелян японцами в 1942 году. Собственных данных, которые могли бы опровергнуть эти сведения, у военной разведки не было — полиция и судебные органы Японии сумели сохранить в тайне всё, что было связано с «делом Зорге».

В конце лета 1944 года министерство иностранных дел Японии, уступая настойчивым требованиям немецкой стороны, разрешило представителю гестапо в Токио Мейзингеру встретиться с приговоренным к смертной казни немецким журналистом. Однако гестаповец, для которого Рихард в свое время был главным источником информации по Японии, побоялся, что местная полиция использует эту встречу в своих интересах, и послал вместо себя переводчика посольства. Зорге встретил его спокойно, сказал, что доволен результатами своей деятельности в Японии и готов ко всему...

Утром 7 ноября 1944 года в камеру Зорге вошел начальник тюрьмы Итидзима с группой сотрудников. Он в соответствии с принятой

процедурой спросил имя, возраст смертника и объявил ему, что сегодня по приказу министра юстиции приговор будет приведен в исполнение. Казнь будет произведена немедленно, и он просит Рихарда встретить смерть спокойно. Зорге, который ждал такого исхода много месяцев, не потерял самообладания. Он обратился к тюремным служащим на японском языке со словами: «Благодарю вас за вашу доброту». Затем его привели к месту казни — отдельному домику во внутреннем дворе тюрьмы. В небольшой комнате перед помещением для казни находился алтарь с фигуркой Будды и стоял священник. Зорге, до конца державшийся хладнокровно, молча прошел мимо алтаря и встал на крышку люка, над которым висела петля. Люк опустился в 10 часов 20 минут, тюремный врач констатировал смерть осужденного в 10 часов 36 минут... Так окончилась жизнь незаурядного, многогранного человека и выдающегося разведчика.

Японские власти официально ничего не сообщили о казни главного обвиняемого по «делу Зорге», не было никаких сообщений в печати и об Одзаки, которого повесили в той же тюрьме и в тот же день. Исключение было сделано только для нового немецкого посла Штаммера, которому сообщили о приведении в исполнение смертного приговора в отношении Зорге.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Закончилась Вторая мировая война, в которой Япония потерпела поражение. Страна восходящего солнца была оккупирована американской армией, Вашингтон требовал «возрождения и укрепления демократических традиций» во всех областях деятельности государства. В Японии была объявлена амнистия, по указу императора большинство политических заключенных были освобождены и восстановлены в правах. Американские оккупационные власти изъяли архивы правоохранительных органов Японии, в том числе дела о «шпионаже» и «подрывной деятельности» против японского милитаристского государства.

В это время были освобождены радист Макс Клаузен и его жена Анна. Бранко Вукелич, приговоренный к пожизненному заключению, скончался от воспаления легких на каторге в начале 1945 года.

После войны в Японии стали по-новому оцениваться события предвоенного и военного времени. В печати появились материалы о «деле Зорге», основное внимание в которых уделялось его деятельности по предотвращению войны Японии с СССР. В 1946 году в Токио была издана книга, в которую вошли письма из заключения и предсмертные записки соратника Зорге Одзаки Ходзуми. Она называлась «Любовь, подобная падающей звезде...» и содержала оценку казненного не только своего жизненного пути, но и работы в интересах Советского Союза. Книга вызвала большой интерес читателей к этому мужественному человеку, а также к разведывательной организации, в которой он работал под руководством Рихарда Зорге.

Американская оккупационная армия полностью контролировала все, что происходило в то время в Японии. Когда в разведывательном отделе ее штаба стало известно о шпионской сети советского разведчика, его начальник генерал-майор Ч. Уиллоуби решил собрать всю информацию об этом деле. Он, немец по происхождению, первоначально заинтересовался им с профессиональной точки зрения. Ч. Уиллоуби был офицером разведки в штабе генерала Д. Макарура во время боевых действий в Тихоокеанской зоне и знал, в каких тяжелых условиях приходилось работать американским разведслужбам против японцев и как трудно им было добывать разведывательную информацию. Поэтому хотел ознакомиться с опытом работы группы Зорге, немцем, который возглавлял ее в Японии более восьми лет, и достигнутыми ею результатами.

Его подчиненные из контрразведывательного отделения стали тщательно изучать захваченные архивы военного министерства, министерств внутренних дел и юстиции Японии, отбирая из них соответствующие материалы. Были найдены и допрошены японские участники расследования и судебного процесса, в том числе прокурор Ёсикава. От них американцам стало известно, что в Японии по-прежнему находятся освобожденные из заключения члены группы Зорге — Макс Клаузен и его супруга. Ч. Уиллоуби приказал немедленно найти их и задержать для последующих допросов. Максу через сохранившиеся японские связи стало об этом известно, и он вместе с Анной при помощи советского посольства успел вовремя покинуть Японию.

Американским контрразведчикам пришлось довольствоваться документами из архива министерства юстиции, на основании которых был подготовлен доклад «Шпионская группа Зорге. Расследование международного шпионажа на Дальнем Востоке». Несколько позже этот доклад был доработан и в сокращенном виде направлен в Пентагон. Генерал Ч. Уиллоуби довел его содержание до некоторых знакомых ему американских журналистов. В 1949 году текст доклада после ряда цензурных изъятий был опубликован в американской прессе.

В это время в США на фоне начавшейся с Советским Союзом холодной войны проводилась масштабная антикоммунистическая пропагандистская кампания, и «дело Зорге» позволяло усилить ее «документированными» разоблачениями «мирового коммунизма», занимавшегося подрывной деятельностью еще в предвоенное время. В итоге Зорге и его разведывательная группа оказались в центре ведущихся в Вашингтоне расследований антикоммунистической направленности. Генерал Ч. Уиллоуби, решивший приобрести политический вес на обнародованных им материалах, передал в палату представителей Конгресса США список лиц, подозреваемых в причастности к деятельности Зорге в Китае и Японии, который включал 175 человек, были среди них и американские граждане. Расследование по этой информации проводилось в обеих палатах американского Конгресса и сопровождалось антисоветскими выпадами.

Генерал Ч. Уиллоуби после увольнения с военной службы написал и в 1952 году издал книгу, названную им «Шанхайский заговор: шпионская сеть Зорге», в которой использовал свои служебные доклады и собранные его бывшими подчиненными материалы. Она вызвала большой интерес в США и во всем мире, так как базировалась на материалах японских архивов, в том числе протоколах подробных показаний всех арестованных

по «делу Зорге». Поэтому в книге содержалось много достаточно детальной информации о Рихарде Зорге и деятельности его группы в Японии. Однако она носила явный антисоветский характер и содержала много дезинформации и прямой клеветы на советского разведчика.

Еще до появления материалов американского расследования в разных странах вышло несколько произведений, в которых рассказывалось о Зорге. В 1949 году в Японии была опубликована повесть Ханако Исии «Зорге — человек». В 1950 году бывший немецкий дипломат Э. Кордт написал мемуарную книгу «Не по делам». В 1951 году немецкий журнал «Дер Шпигель» начал регулярно публиковать статьи о Зорге как о выдающемся немце, попавшем в мировую историю. В том же году Ханако написала вторую книгу «Вся моя любовь — человеку Зорге».

В течение нескольких послевоенных лет Ханако Исии искала останки Зорге, чтобы перезахоронить их в отдельной могиле. С большими трудностями ей удалось добиться согласия на это американских оккупационных властей. Вместе со своей подругой она нашла кладбище, где в общей могиле были захоронены тела казненных и умерших в тюрьме Сугамо. Двум молодым женщинам пришлось вскрыть общую могилу и не один день искать останки Зорге. Исии удалось опознать их по вставным золотым зубам, туфлям большого размера и пряжке ремня.

Ханако кремировала его останки и около года хранила прах у себя дома. В 1950 году она купила участок земли на кладбище Тама в пригороде Токио и оформила там на себя могилу. Затем ей пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться разрешения местной администрации на захоронение в ней урны с прахом Зорге. По японским правилам было недопустимо, чтобы иностранец был захоронен на участке кладбища, предназначенном только для умерших местных жителей. Исии все же удалось это сделать, и прах разведчика упокоился на японской земле.

Имя Рихарда Зорге продолжало упоминаться во все новых печатных изданиях. В 1955 году в ФРГ вышла книга «Зорге: русский супершпион. Человек с тремя лицами». Ее написал бывший немецкий дипломат Ганс Отто Мейснер, который некоторое время работал в германском посольстве в Токио и лично общался с Зорге. Однако книга, хотя и названная автором «документальным романом», была весьма далека от действительности и содержала много мифов и легенд о выдающемся советском разведчике.

В послевоенный период во многих странах выходили книги и исторические труды, в которых анализировалась деятельность как ведущих разведслужб мира, так и отдельных разведчиков. В большинстве из них упоминался Рихард Зорге, его успешные разведывательные операции, не

имевшие аналогов в мировой истории разведок по своей результативности и значимости. Базировались они на опубликованных ранее материалах американского расследования и выпущенных разными авторами книгах.

Но в Советском Союзе не появилось ни одной строки о Рихарде Зорге, не комментировались также западные публикации о нем. В соответствии с правилами советской военной разведки все, что касалось работы ее сотрудников за рубежом, тем более нелегальных, было строго засекречено и не имело срока давности. Отдельные исключения допускались только с разрешения руководства Главного разведывательного управления. Все специальные дела, связанные с работой Рамзая в Китае и Японии, хранились в архивах и рассекречиванию не подлежали.

В конце 1950-х годов прогрессивный французский кинематографист Ив Чампи прочитал книгу Мейснера о Рихарде Зорге. Его заинтересовала трагическая судьба этого человека, и он решил воссоздать на экране мужественный образ советского разведчика. В 1961 году он снял фильм под названием «Кто вы, доктор Зорге?». Многие в нем не соответствовало историческим фактам, многое автором сценария, а им был все тот же Мейснер, было вымыслено, что значительно исказило личность главного героя, но фильм получился интересным. Он имел большой успех во Франции, вышел в международный прокат, его с большим интересом восприняли зрители многих зарубежных стран.

Ив Чампи предложил свой фильм для показа в СССР, но его предложение отклонили, так как в фильме было слишком много откровенных постельных сцен. Кроме того, французская лента не соответствовала советским канонам фильмов о разведчиках, а о главном герое в СССР практически никто ничего не знал. И все же в 1964 году фильм попал на закрытый кинопросмотр, организованный для членов политбюро. Он понравился Н. С. Хрущеву, который дал поручение узнать, существовал ли действительно такой советский разведчик. Этот запрос оказался в Главном разведывательном управлении Генерального штаба, и вскоре на столе у Никиты Сергеевича лежала краткая справка, в которой не только подтверждалось, что Рихард Зорге являлся военным разведчиком-нелегалом, но и указывались высокие результаты его работы в Японии.

По указанию Хрущева была создана специальная комиссия, которая детально ознакомилась с соответствующими материалами ГРУ и приняла во внимание реальные результаты работы разведчика. По итогам работы комиссии было решено присвоить Рихарду Зорге звание Героя Советского Союза и опубликовать информацию о нем в советской прессе. 5 ноября 1964 года был подписан соответствующий указ Президиума Верховного

Совета, а 6 ноября газета «Правда» писала:

«Только через двадцать лет сложились условия, позволяющие рассказать правду о Зорге. По достоинству оценены его выдающиеся заслуги перед Родиной, его мужество и геройство. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1964 года товарищу Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Люди доброй воли с великой благодарностью вспоминают коммуниста-интернационалиста, пламенного антифашиста и борца за мир — советского разведчика Рихарда Зорге».

Публикации о Зорге стали появляться в других газетах и журналах Советского Союза, выходили книги о нем. Именем Зорге были названы улицы в ряде городов, пароходы, его имя присвоено нескольким школам. Памятники Рихарду Зорге поставлены в Баку, Москве и Казани. Прошло более пятидесяти лет после первых открытых публикаций о выдающемся советском военном разведчике, но количество их не сокращается. Новые поколения граждан России узнают о Рихарде Зорге и подвигах, которые он совершал на невидимом фронте во имя своей Родины.

Деятельность Зорге продолжают изучать исследователи во многих странах мира. Существуют группы ученых, которые проводят симпозиумы, другие мероприятия, посвященные личности и делам великого разведчика. Не снижается интерес к нему и его соратникам в Японии. Большими тиражами переиздается посмертная книга Одзаки. Его брат также написал книгу о группе Зорге, периодически в газетах и журналах появляются статьи о нем. В одной из книг, изданной в Токио, Зорге включен в список «100 людей, навсегда вошедших в историю 20 века». В 1997 году группа японских адвокатов после многолетних усилий добилась, чтобы прокуратура Йокогамы сняла с Зорге обвинение в шпионаже, фактически признав, что он не был врагом Японии.

В Токио практически не сохранилось мест, где жил и работал Рихард Зорге. Они исчезли в связи с реконструкцией японской столицы, когда сносились целые районы и на их месте возводились современные здания. Основным памятным местом, связанным с выдающимся советским разведчиком, остается его могила на кладбище Тама. На ней в 1960-е годы установили на базальтовом надгробном камне плиту из черного мрамора. На ней высечены Звезда Героя Советского Союза, лавровая ветвь и надпись на русском языке: «Герой Советского Союза Рихард Зорге», на базальтовом камне — надпись на японском и немецком языках: «Рихард Зорге» и даты рождения и смерти. Ежегодно 9 мая к этой могиле приходят сотрудники российского посольства в Японии и возлагают цветы, отдавая дань

уважения разведчику за его вклад в Великую Победу.

Основные даты жизни и деятельности Рихарда Зорге

1895, 4 октября — родился в поселке Сабунчи (Азербайджан). Отец — немец, инженер-технолог нефтедобычи, мать — русская.

1898 — семья Зорге переехала в Германию.

1901–1914 — учеба в школе и повышенном реальном училище.

1914 — уходит добровольцем на фронт, не окончив курс обучения.

1914–1918 — участвует в боях на Западном и Восточном фронтах, получил три ранения.

1918 — комиссован из армии по состоянию здоровья.

1918–1919 — учится в Кильском, затем Гамбургском университетах.

1919 — вступил в Коммунистическую партию Германии. Защитил диссертацию и получил диплом доктора государственно-правовых наук в Гамбургском университете.

1920 — преподает в Высшей технической школе в Аахене. Уволен за участие в подавлении реакционного вооруженного путча в Германии. Работает шахтером в Руре и Голландии. В Золингене вступает в брак с Кристианой Герлах.

1920–1924 — активно участвует в партийной работе по заданиям КПГ.

1924, декабрь — вместе с женой уезжает в Советский Союз по вызову Исполкома Коминтерна.

1926 — Кристина Герлах оставила Зорге и вернулась в Германию (развод был оформлен в 1932 году).

1924–1929 — работает в Исполкоме Коминтерна в Информационном отделе, Отделе агитации и пропаганды и Организационном отделе.

1927–1929 — по линии Коминтерна совершает поездки в Данию, Швецию, Норвегию и Великобританию.

1929, ноябрь — зачислен в органы военной разведки (IV управление Штаба РККА).

1930–1932 — работает в Китае по заданию военной разведки; разведчик-нелегал, затем руководитель разведывательной группы в Шанхае.

1932 ноябрь — возвращается в СССР.

1933 — находится в отпуске, начинает подготовку к командировке в Японию. Вступает в брак с Екатериной Александровной Максимовой.

Сентябрь — прибывает в Японию в качестве резидента нелегальной группы военной разведки.

1935, июль — август — кратковременно посещает СССР для доклада о предварительных результатах работы в Японии.

1935–1941 — работает в Японии, направляет в Разведывательное управление большое количество важной информации.

1941, октябрь — арест Зорге и других членов его группы.

1943, сентябрь — Токийским окружным уголовным судом приговорен к смертной казни.

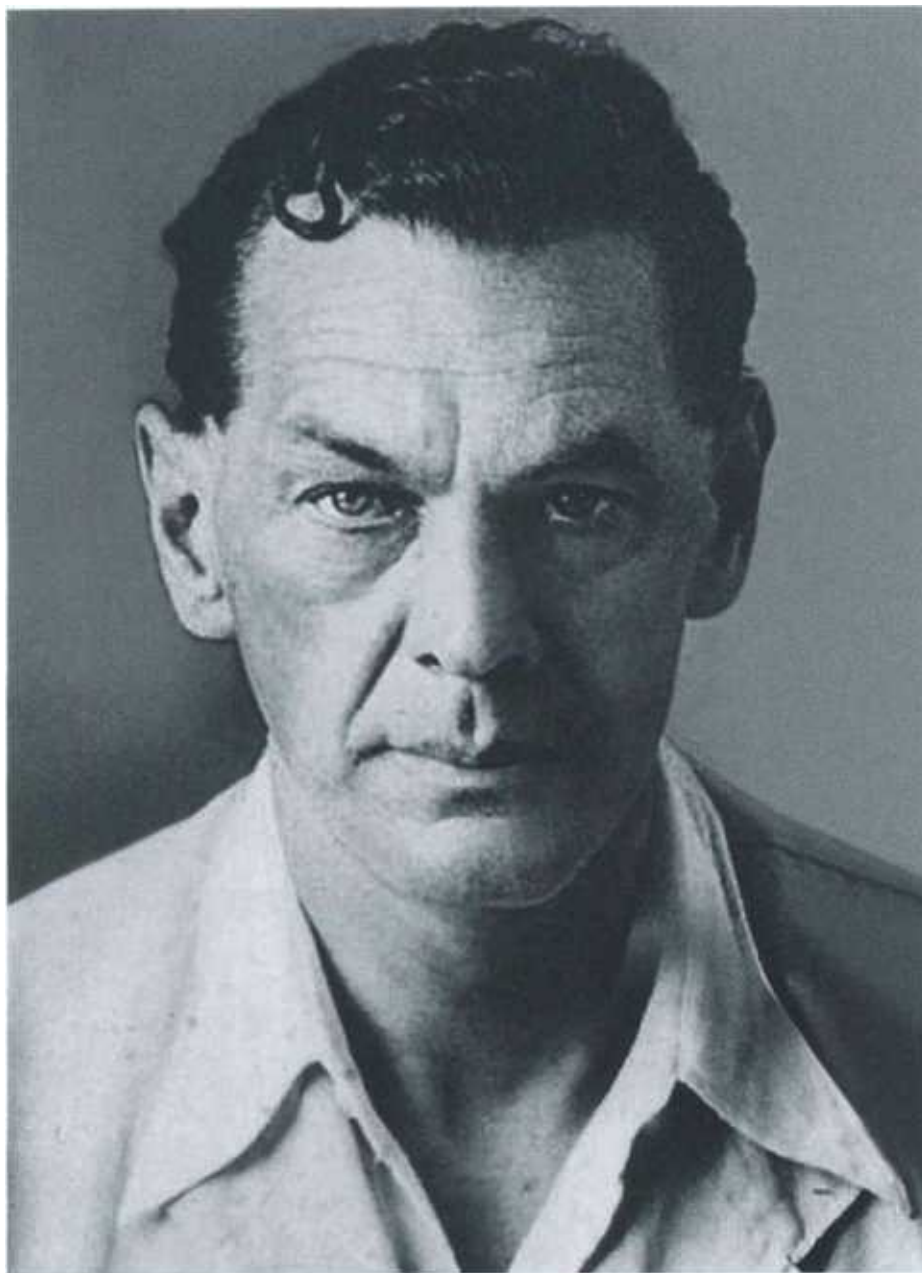
1944, 7 ноября — казнь Рихарда Зорге.

1964, 5 ноября — решением Президиума Верховного Совета СССР Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

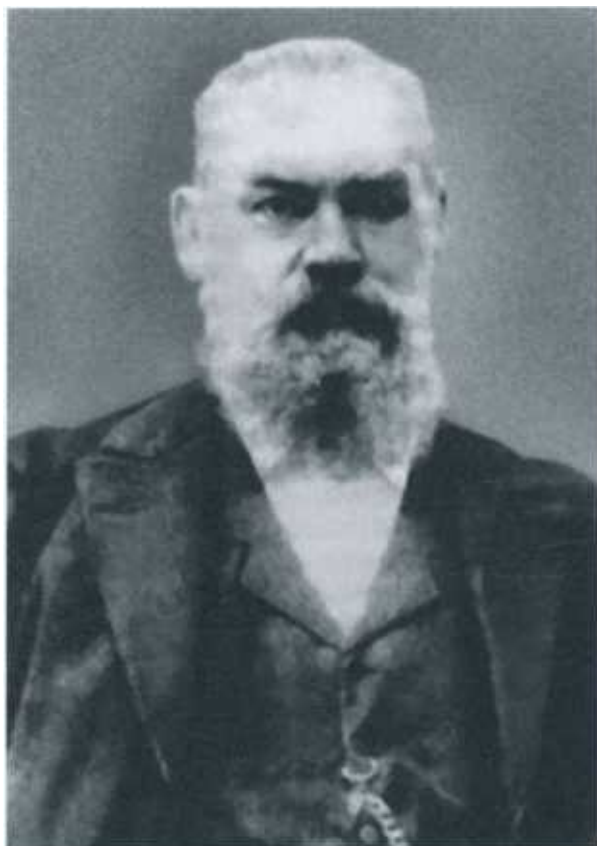
Литература

- Алексеев М. «Ваш Рамзай». М.: Кучково поле, 2010.
- Алексеев М. «Монах» с черным поясом // Родина. 1997. № 8.
- Будкевич С. «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс. М., 1969.
- Военная разведка России. 200 лет. М., 2012.
- Гаврилов В., Горбунов Е. Рихард Зорге. 1895–1944. М., 2004.
- Горбунов Е. Схватка с черным драконом. М., 2002.
- Даллес А. Искусство разведки. М.: Международные отношения, 1992.
- Зорге Р. Тюремные записки // Знаменитые шпионы XX века. М., 2002.
- Колесникова М., Колесников М. Рихард Зорге. М., 1971.
- Колпакиди А. Энциклопедия военной разведки России. М., 2004.
- Лурье В., Кочик В. ГРУ: Дела и люди. СПб., 2002.
- Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988.
- Материалы Главного управления Генерального штаба ВС РФ.
- Мейснер Г. Кто вы, доктор Зорге? М., 1966.
- Мозохин О. Противоборство: Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М., 2012.
- Они руководили ГРУ: Сборник биографических очерков. М., 2005.
- Прудникова Е. Рихард Зорге. Кто он на самом деле? М., 2015.
- Уайтон Ч. Знаменитые шпионы XX века. М.: Вече, 2000.
- Фесюн А. Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. М., 2000.

Фотоиллюстрации

Ворге

Густав Вильгельм Рихард, отец Зорге.

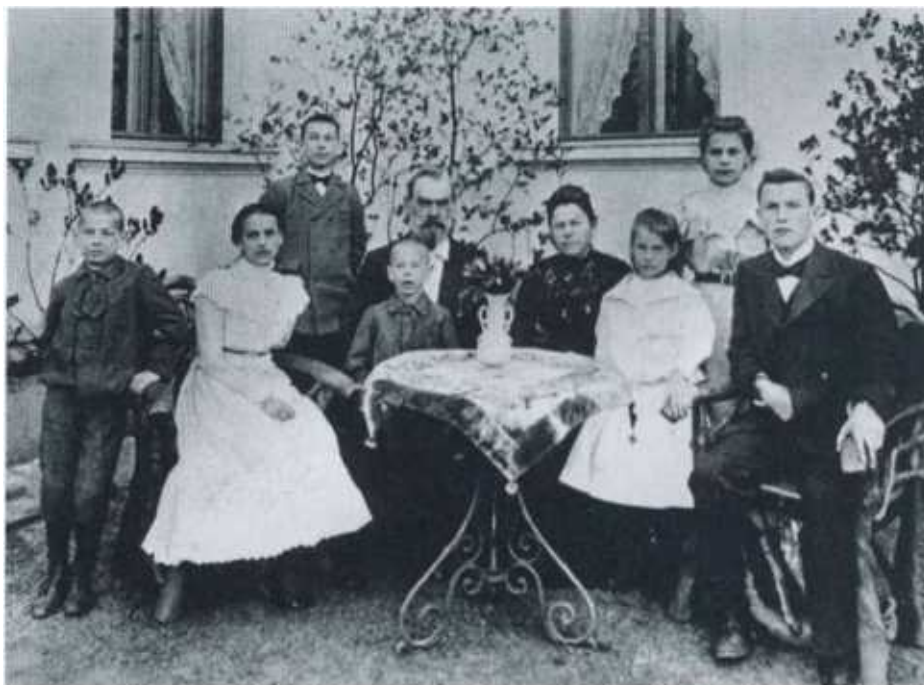

Дом семьи Зорге в Сабунчи.

Рихард в возрасте шести-восьми месяцев с матерью (справа) и отцом (рядом).

Восьмилетний Рихард (сидит на коленях у отца) с семьей в Германии.

Студент Рихард Зорге. 1914 г.

Рихард с фронтовым товарищем. 1915 г.

Немецкие артиллеристы на огневой позиции.

Артиллерийский обстрел противника.

Раненый Зорге в госпитале. 1915 г.

Рядовой Рихард Зорге. 1916 г.

Очередь за хлебом в Берлине.

Кильское вооруженное восстание.

Здание Исполкома Коминтерна на Моховой.

Руководящий состав РККА в 1930-е годы.

С. С. С. Р.

**Об'единенное
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ**
п р и
Совете Народных Комиссаров.

Июня 16. дня 1927 г.

Удостоверение № 10430/11983

Выдано гр. Зорге Ике Рита,
проживающему по Ржевскому ул.,
в доме № 36, на право ношения и хранения револьвера
Маузер № 288707, винтовки № 2,
№ _____, холодного оружия _____

Действительно по 16 июня 1928 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: см на обороте.

Нач. Админоргупр ОГПУ

Командант ОГПУ

Удостоверение на право владения оружием во время работы Зорге в Коминтерне.

Ян Карлович Берзин.

	Имя Рихардович Зорге
	✗ Рамзай
	Зорге, ~~Имя~~ Рихард
Национальность	немец
Партийность (стаж)	III 1945 Б.К.М. 1919 К.П. Геринг
Знание языков	немец, английский, норвежский, итальянский, французский и японский.
Краткие биографические сведения	с. 10. 1945. учился в Берлине в университете, поступил в университет, работал: в Германии, в Японии

Учетная карточка Зорге в Разведывательном управлении.

Рихард Зорге и Екатерина Максимова.

Центр Москвы в 1930-е годы.

Семен Петрович Урицкий.

Семен Григорьевич Гендин.

Александр Григорьевич Орлов.

Иван Иосифович Проскуров.

Филипп Иванович Голиков.

Шанхай в 1930-е годы.

Агнесса Смедли.

Рикша на улицах Шанхая.

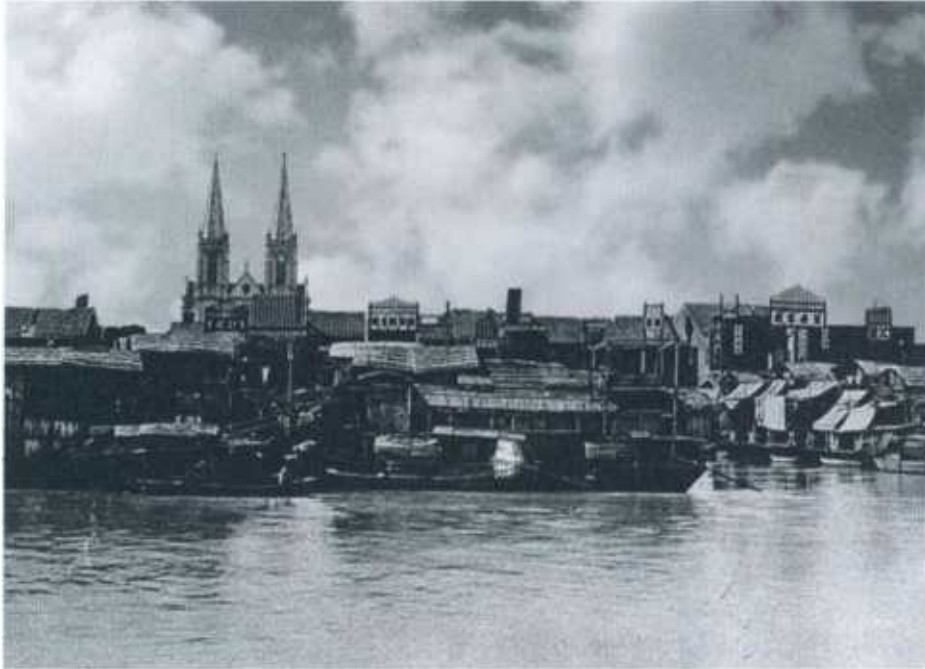

Рихард Зорге во время работы в Китае.

Мао Цзэдун посещает части Красной армии Китая.

Кантон в 1930-х годах.

Чан Кайши с военным командованием.

Шествие фашистских штурмовых отрядов в Берлине.

Восторженная встреча Гитлера населением.

Рихард Зорге в Японии.

Токио.

Бранко Вукелич.

Одзаки Ходзуми.

Мияги Йотоку.

Макс Клаузен и его жена Анна.

Фумимар Коноэ.

Радиомагазин в Токио.

Рихард Зорге с фотоаппаратом «лейка».

Исии Ханако.

На улицах Токио.

Ойген Отт.

Празднование в Японии по случаю подписания Тройственного пакта.

Японская армия готова к большой войне.

Японская армия в Китае.

Зверства японских солдат в Китае.

Японские солдаты в районе боев у озера Хасан.

Японские пленные на Халхин-Голе.

Вместе
ТЕЛЕГРАММА **Вх. № 89084**

Токио	11	40	I	июля	41
.	17	45	I	июля	41

Токио, 30 мая 1941 г.

Берлин информировал своего посла в Японии ОТТ, что немецкое наступление против СССР начнется во второй половине июня.

Наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии.

ОТТ совершенно уверен, что война скоро начнется, поэтому он потребовал от военного атташе не посылать никаких важных сообщений через территорию СССР.

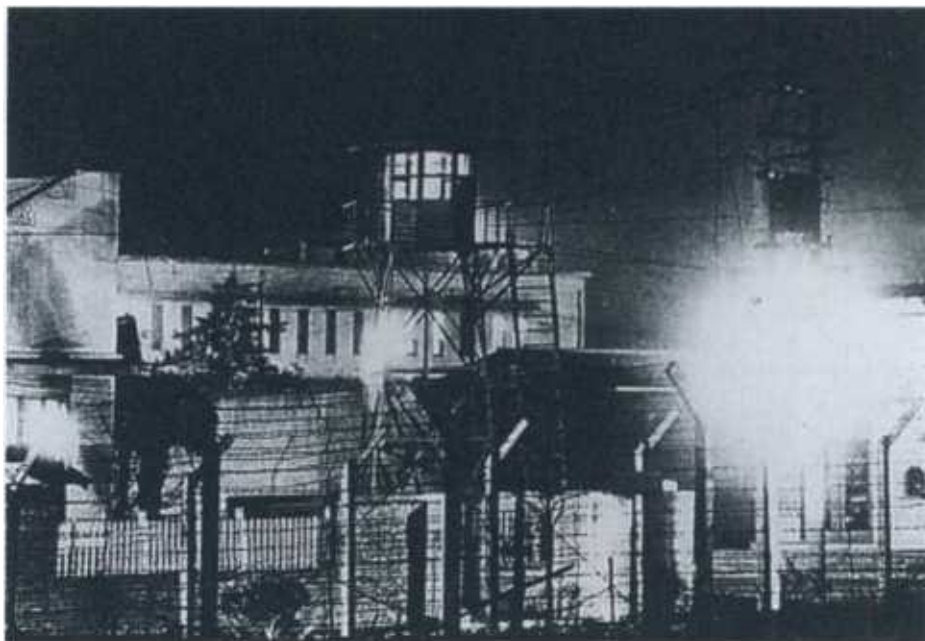
Технический департамент германских воздушных сил в Токио получил указание возвратиться в Германию.

РАМЗАЙ

Шифротелеграмма Рихарда Зорге из Токио.

Телеграмма Рамзая.

Тюрьма Сугамо.

Исии Ханако у первой могилы Рихарда Зорге.

Свидетельство о присвоении Р. Зорге звания Героя Советского Союза.

Современная могила Рихарда Зорге в Японии.

Памятник Рихарду Зорге в Москве.

ISBN 978-5-235-04017-5

9 785235 040175 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ